

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

35-
210
Проф. А. К. Бороздинъ.

РУССКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ РАЗНОМЫСЛІЕ.

Съ Преображенскаго кладбища.—Основатель новоженства.—Распространитель ученія о приходѣ антихриста.—Основатель скопчества въ Россіи.—Общій очеркъ развитія раскольничьей литературы.—Расколъ въ Поморьѣ.—Духоборы на Кавказѣ.—Сильвестръ Медвѣдевъ.

Изданіе 2-е, дополненное.

ИЗД. „ПРОМЕТЕЙ“.

С. П. Б.

1907.

BR
933
B74
1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Енергія“, Загородный 17.

1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книжка представляет собою сборникъ моихъ статей, помѣщавшихся въ различныхъ изданіяхъ съ 1885 по 1905 г. Эти статьи частью явились результатомъ моихъ личныхъ непосредственныхъ наблюденій надъ нашимъ сектантствомъ, въ современныхъ его проявленіяхъ, причемъ подъ именемъ сектантства я разумѣю не только мистическія и рacionalesтическія секты, но и старообрядчество; частью же эти очерки возникли изъ историко-литературныхъ и историческихъ изслѣдованій на основаніи печатнаго и рукописнаго матеріала.

Печатались эти статьи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Біографическомъ Словарѣ“, „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Эфрона, „Критико-біографическомъ Словарѣ русскихъ писателей“ С. А. Венгерова. Двѣ статьи („Самъ по себѣ“ и „Духоборы на Кавказѣ“) появляются въ этомъ сборникѣ впервые.

Тотъ фактическій матеріалъ, который имѣется въ предлагаемыхъ очеркахъ, думается мнѣ, не будетъ лишнимъ при изученіи нашей русской религіозной жизни, и эта мысль побудила меня объединить ихъ подъ общимъ заглавіемъ.

А. Бороздинъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Съ Преображенскаго кладбища	1— 58
Русскіе католики въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія	59— 75
Русскій дипломатъ стараго времени	76 — 88
Вольнодумецъ XVI вѣка	89— 94
Одинъ изъ противниковъ патріарха Никона	95— 97
Основатель новоженства	98—103
Распространитель ученія о приходѣ антихриста	104—106
Одинъ изъ раскольничьихъ полемистовъ XVIII вѣка	107—112
Основатель скопчества въ Россіи	113—128
Общій очеркъ развитія раскольнической литературы	129—138
Штундизмъ	139—145
Вожди раскола въ Поморьѣ	146—163
Самъ по себѣ	164—172
Духоборческое движеніе на Кавказѣ	173—223
Сильвестръ Медвѣдевъ	225—236

Съ Преображенскаго кладбища.

1.

На-дняхъ мнѣ пришлось побывать въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, находящемся на извѣстномъ Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, и то, что мнѣ привелось тамъ видѣть и слышать, мнѣ кажется, для многихъ будетъ не безъинтересно.

Преображенское кладбище основано еедосѣвцемъ, московскимъ купцомъ Ильею Алексѣевичемъ Ковылинымъ. Человѣкъ очень ловкій, умѣвшій искусно пользоваться обстоятельствами, Ковылинъ, во время московской чумы 1771 года, выхлопоталъ у правительства разрѣшеніе устроить карантинъ на одной изъ окраинъ Москвы, близъ села Черкизова, и кладбище для погребенія умершихъ отъ чумы. Задерживаемымъ на карантинѣ, голоднымъ, больнымъ, онъ подавалъ помощь, употреблялъ всѣ усилія ихъ прокормить, успокоить. Слыша объ его благодѣніяхъ, къ нему стекалось множество народа, и онъ, проповѣдуя, что всѣ бѣдствія происходятъ отъ уклоненія отъ истинной старой вѣры, повелъ дѣятельную и очень удачную пропаганду еедосѣвщины. Образовалась довольно большая община. Ковылинъ позаботился и объ ея матеріальномъ благосостояніи. Новообращенныхъ, особенно же умиравшихъ и больныхъ, онъ уговаривалъ жертвовать въ пользу общины все свое достояніе, и такимъ образомъ, уже

въ самомъ началѣ составилъ большой капиталъ, обезпечившій дальнѣйшее существованіе общины. Построены были молеельни, мужская и женская, украшены древними иконами. Мужчины и женщины были помѣщены на двухъ дворахъ, раздѣленныхъ невысокимъ досчатымъ заборомъ, нисколько не препятствовавшимъ взаимнымъ ихъ сношеніямъ, отчего вскорѣ явилось новое поколѣніе, такъ называемыхъ „воспитанниковъ“ Ильи Алексѣевича. Устроивъ такую обитель, Ковылинъ постоянно заботился объ увеличеніи ея средствъ, привлекая богатыхъ московскихъ купцовъ. Преображенское кладбище сдѣлалось вскорѣ центромъ еедосѣвщины: мало по малу ему подчинились общины въ Ярославлѣ, Новгородѣ, Вышнемъ-Волочкѣ, Ригѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, на Дону, Кубани и въ другихъ мѣстахъ. Отовсюду на кладбище стекались обильныя пожертвованія, но они не всегда попадали, куда слѣдовало: попечители кладбища нещадно расхищали его богатства, и изъ такихъ хищеній образовалось не одно громадное состояніе московскихъ купцовъ. Правительство сперва не стѣсняло общину, но впослѣдствіи, особенно при императорѣ Николаѣ, преображенцамъ приходилось нерѣдко весьма жутко; не разъ кладбищу грозило окончательное закрытіе, но главари умѣли ловко устранять всякія напасти, гдѣ можно—обильными подношеніями, а то представляя изъ себя угнетенную невинность.

Въ настоящее время кладбище находится въ упадкѣ. Изъ богатствъ его осталось всего 75,000, остальное расхищено, роздано разнымъ начальствамъ; часть, говорятъ, скрыта. Послѣднимъ ударомъ кладбищу былъ переходъ нѣсколькихъ богатыхъ его вкладчиковъ въ единовѣріе, совершившійся лѣтъ 20 тому назадъ. Перешедшіе обратились къ правительству съ просьбою о разрѣшеніи имъ устроить единовѣрческій монастырь на землѣ кладбища, основываясь на томъ, что своими вкладами они получили право собственности на часть

этой земли. Правительство уважило ихъ просьбу, и теперь на мѣстѣ бывшаго мужскаго двора находится Никольскій единовѣрческій монастырь, а на бывшемъ женскомъ живутъ раскольники, старики за 60 лѣтъ и женщины, а молодые мужчины, „дѣвцы“ живутъ близъ кладбища, за оградю. У едосѣвцевъ есть нѣсколько молелень женскихъ и одна мужская, построено много келій. Костюмъ мужской — длиннополый черный кафтанъ; женскій, довольно изящный — черный сарафанъ, бѣлая рубашка съ широкими рукавами, и черный платокъ на головѣ.

Въ единовѣрческомъ монастырѣ братіи не много, всего человѣкъ 15 монаховъ, да столько же мірянъ, но интересенъ ея составъ. Это все люди, перешедшіе изъ разныхъ сектъ: есть тутъ и бывшіе архіереи, архимандриты и попы австрійскаго ставленія, есть безпоповцы, изъ сектъ самыхъ враждебныхъ православію; въ монастырѣ живутъ иногда и „сумнящіеся“ — люди, испытывающіе вѣру; на примѣръ, уже около полутора мѣсяца живетъ теперь одинъ раскольникъ, присматривается къ обрядамъ единовѣрцевъ, дѣйствительно-ли они древніе, до-никоновскіе, бесѣдуетъ о вѣрѣ съ монахами, и говорятъ, склоняется къ единовѣрію.

Церковь въ монастырѣ передѣлана изъ бывшей едосѣвской молельни, все оставлено по прежнему, только придѣланъ алтарь, котораго не было у безпоповцевъ. Украшена церковь очень древними иконами, которыя были выкрадены Ковылинымъ и его единомышленниками изъ церкви св. Анастасіи на Неглинной. Въ церкви есть придѣлъ, иконостасъ котораго пожертвованъ здѣшними богатыми фабрикантами Гучковыми, при ихъ переходѣ въ единовѣріе. Есть, кромѣ этой, зимняя церковь. Въ монастырѣ помѣщается библіотека А. И. Хлудова, весьма важная по своимъ рукописямъ для всякаго, занимающагося исторіею русской словесности, и особенно богатая раскольниковыми памятни-

ками. Доступъ въ библіотеку совершенно свободный, безъ всякихъ формальностей; открыта она круглый годъ, и можно заниматься хоть съ 6 часовъ утра до 9 вечера. Завѣдующій библіотекою, Михайлъ Ефимовичъ Шустовъ— человѣкъ очень начитанный въ Писаніи и въ отцахъ церкви, очень ласковый, и старающійся оказывать всякія услуги занимающимся. Библіотека посѣщается довольно часто: бываютъ и ученые, но гораздо больше ее посѣщаютъ разные старообрядцы; недавно были въ ней 5 человѣкъ изъ Сибири, съ китайской границы: приходили посмотреть старыя книги, потолковать о вѣрѣ. Больше всего въ ней занимаются сами монахи, еедосѣвцы и единовѣрцы изъ мірянъ. Съ однимъ изъ послѣднихъ я познакомился. Зовутъ его Василій Александровичъ; это очень красивый старикъ, лѣтъ 65. Онъ перешелъ въ единовѣріе изъ еедосѣвцевъ, отличается замѣчательною любовью къ знанію; говорилъ мнѣ, что хочетъ научиться по гречески, да уже старъ сталъ, и память слабѣетъ, и глаза измѣняются, такъ-что ученіе идетъ туго. Онъ много читалъ, знакомъ и со свѣтскими книгами; съ любовью къ знанію и начитанностью въ немъ соединяется рѣдкая терпимость къ чужимъ мнѣніямъ и благодушіе.

Отношеніе еедосѣвцевъ къ единовѣрцамъ враждебное; они постоянно укоряютъ другъ друга: раскольники говорятъ единовѣрцамъ, что они попали въ ловушку и сами ловятъ другихъ, а тѣ ихъ дразнятъ, что у нихъ нѣтъ поповъ, а всякая баба — попъ. По воскресеньямъ бываютъ всегда споры, и на такой споръ попалъ я въ это свое посѣщеніе.

На общемъ дворѣ, принадлежащемъ еедосѣвцамъ и единовѣрцамъ, стояло нѣсколько кучекъ, человѣкъ въ 30—50, иногда отъ одной кучки народъ переходилъ къ другой, гдѣ шелъ болѣе интересный споръ. Все совершается очень мирно, нѣтъ галдѣнья, шуму, слушаютъ спорящихъ со вниманіемъ, не перебиваютъ ихъ:

иногда раздаётся хохотъ, но только въ такихъ случаяхъ, если одинъ изъ противниковъ скажетъ что-нибудь уже крайне несообразное. Сами спорящіе относятся другъ къ другу съ полнымъ уваженіемъ къ личности; если иногда рѣзко выражаются, то это происходитъ какъ бы отъ важности и высоты предмета, о которомъ говорятъ. Особенно пріятно видѣть полную свободу спора: нѣтъ никакого начальства, ни духовнаго, ни свѣтскаго, и раскольники нисколько не стѣсняются высказывать свои мнѣнія. Такія свободныя состязанія гораздо дѣйствительнѣе публичныхъ бесѣдъ миссіонеровъ, гдѣ раскольники всего говорить не рѣшаются, а потому относятся къ бесѣдамъ съ недоверіемъ.

Я подошелъ къ первой кучкѣ: тутъ спорили о двухъ перстияхъ, о вопросѣ вполне избитомъ, да и спорщики были не изъ особенно сильныхъ, хотя, конечно, посторонняго человѣка поразило бы ихъ знаніе писанія и отцевъ: они цѣлыми страницами на память цитировали библію, „Маргаритъ“, „Кириллову книгу“, „Катехизисъ“ и пр.

Въ другой кучкѣ шелъ споръ болѣе интересный: разсуждали о церкви. Спорили безпоповецъ и единовѣрецъ. Первый—маленькій, приземистый, молодой человѣкъ, лѣтъ 20 съ небольшимъ, съ лицомъ крайне непріятнымъ, даже злымъ, съ удивительно проницательнымъ, ехиднымъ взглядомъ изъ подлобья, одѣтый въ черный кафтанъ; говоритъ хорошо, съ разстановкою, вдумываясь въ каждое слово. Единовѣрецъ — высокій человѣкъ, лѣтъ 40, съ виду мѣщанинъ, одѣтый по нѣмецки; рѣчь его пламенная, очень увлекательно дѣйствующая на окружающихъ. Безпоповецъ высказалъ такое положеніе *):

— Римская церковь стала навязывать вселенской

---

*) Мы приводимъ рѣчи почти дословно, нисколько не подновляя языка.

церкви разныя новшества, поэтому она была отвержена и въ ней вселился духъ антихристовъ; въ русской церкви высшая іерархія при патріархѣ Никонѣ стала тоже навязывать новшества, и этимъ навязываніемъ греко-россійская церковь лишила себя духа Христова: поэтому мы отвергаемъ вашу церковь, со всѣми ея архіереями, попами и таинствами — все это отъ антихриста!

— Если бы русская церковь, возразилъ единовѣрецъ, — что-нибудь навязывала, такъ ты былъ бы хотя немного правъ; но мы ничего не навязываемъ. А потомъ, замѣть еще: Христосъ сказалъ, что врата адовы не одолѣютъ церкви. Въ церкви три главныхъ основанія: преемственное священство, таинство и истинное ученіе. Когда отдѣлилась римская церковь, то осталась другая церковь съ преемственною іерархіею, таинствами и истиннымъ ученіемъ. Когда вы отдѣлились, то гдѣ у васъ священство и таинство, если вы говорите, что ученіе у васъ истинное? Если вы истинная церковь, такъ гдѣ у васъ основанія истинной церкви? Нѣтъ ихъ у васъ, а они всѣ есть у православной церкви. И поэтому наша церковь не антихристова, а ты самъ, ея хулитель, отъ духа антихристова, говоришь побуждаемъ антихристомъ, діаволе отроча, отступникъ отъ истины.

Такое заключеніе рѣчи непріятно поразило безпоповца.

— На такія ваши дерзновенныя слова, отвѣтилъ онъ, — и на хулы я отвѣчать не считаю нужнымъ; пора оставить эти способы.

— Я не отъ себя хулилъ, а говорилъ отъ Писаній.

Далѣе безпоповецъ пошелъ доказывать, что въ расколѣ идетъ преемственное священство отъ Павла Коломенскаго и другихъ епископовъ, но это самая слабая сторона безпоповщины. Стоя на почвѣ необходимости священства, безпоповцы никогда не могутъ доказать своей правоты; имъ слѣдуетъ скорѣе прямо

отвергать преемственное священство, а разныя теоріи о сокрытіи священства не выдерживаютъ критики противниковъ, и точно также на этотъ разъ безпоповець потерпѣлъ пораженіе.

Затѣмъ споръ перешелъ на другой предметъ, на печать антихристову, т. е. на троеперстіе. Тутъ въ бесѣду вступилъ библіотекаръ Михаилъ Ефимовичъ и употребилъ весьма тонкій приѣмъ. Раскольники какъ извѣстно, крестятся двумя перстами, указательнымъ и среднимъ, обозначая этимъ два естества во Иисусѣ Христѣ; три остальные пальца пригибаются, изображаютъ Троицу, большой Отца, безъимянный Сына, и мизинецъ Св. Духа. У православныхъ тремя перстами—большимъ, указательнымъ и среднимъ обозначается Троица. Въ спорѣ съ Михаиломъ Ефимовичемъ безпоповець замѣтилъ объ этихъ трехъ перстахъ:

— А читалъ ты въ „Апокалипсисѣ“ про трехъ жабъ? Вотъ эти три жабы и есть ваши три перста.

Тогда Михаилъ Ефимовичъ сложилъ пальцы по раскольничьему, и взявши большой палецъ, спросилъ:

— Это Отецъ?

— Отецъ.

— Такъ какъ же ты Отца называешь жабою? Ну, не богохульникъ ли ты послѣ этого?

Такой казуистическій приѣмъ окончательно смутилъ безпоповца; онъ кончилъ споръ, и слушатели разошлись съ громкимъ хохотомъ.

Немного спустя, я увидалъ, что завязывается разговоръ въ другомъ мѣстѣ, и тамъ о чемъ-то горячо разсуждаютъ мои пріатели Михаилъ Ефимовичъ и Василій Александровичъ. Я подошелъ къ нимъ. У нихъ велась бесѣда космогоническая, о сотвореніи міра. Вдругъ Михаилъ Ефимовичъ почему-то обратился ко мнѣ:

— Вы вотъ человѣкъ ученый, я у васъ хотѣлъ

спросить, — я и прежде спорилъ объ этомъ со студентами, — откуда свѣтъ?

— Отъ солнца и другихъ свѣтящихся тѣлъ.

— Ну, и не такъ! невѣрно! въ Писаніи сказано, что свѣтъ созданъ въ первый день, а солнце въ четвертый, такъ какъ же свѣтъ отъ солнца?

Но за меня вступился Василій Александровичъ, и спасъ отъ опасности быть побитымъ окончательно. На сторонѣ Михаила Ефимовича на этотъ разъ оказались всѣ присутствующіе, и единовѣрцы, и раскольники, и Василю Александровичу пришлось сильно отбиваться отъ нихъ. Разговоръ касался самыхъ разнообразныхъ физическихъ и астрономическихъ вопросовъ. Вертится ли земля, или солнце вокругъ нея обходитъ? Указывали, что по Писанію, Иисусомъ Навиномъ и при царѣ Езекии останавливалось солнце, а не земля. Но Василій Александровичъ возражалъ, что въ Писаніи говорится такъ примѣнительно къ тогдашнимъ знаніямъ людей о природѣ. Ему приводили толкованія отцовъ, въ которыхъ тоже говорится о движеніи солнца, но онъ отвѣчалъ, что отцы могли ошибаться, ихъ Писанія не боговдохновенныя, а система Коперника открыта позже, они ея не могли знать; при этомъ онъ замѣтилъ:

— Вѣдь въ Писаніи сказано многое сжато, вотъ вѣдь нѣтъ ничего о томъ, когда явились горы, равнины, какъ разные камни созданы. Вѣдь намъ не все открыто, а мы должны сами стараться познавать. Иное, можетъ быть, сказано притчею, не въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ, и можетъ быть ученые правду говорить, а что не согласно кажется съ Писаніемъ, такъ это потому, что не все намъ открыто и не все мы понимаемъ. Вѣдь говорятъ же ученые, что міръ не одинъ, а много міровъ; развѣ отъ этого умалается слава Божія? Нѣтъ, она еще больше становится, еще больше славы Богу, что онъ управляетъ многими мірами.

Эта широта взгляда въ простомъ, неученомъ чело-

вѣкъ—замѣчательна. Вѣдь при такомъ взглядѣ совершенно было бы невозможно возникшее въ доброе старое время предположеніе читать въ университетахъ геологію по книгѣ Бытія. На Василия Александровича были все это время жестокія нападенія, его заваливали цитатами изъ Библии, изъ Златоуста, Θεодорита, Василия Великаго и другихъ отцовъ. Споръ былъ очень оживленный, но первый вопросъ, откуда свѣтъ, остался не рѣшеннымъ. Василий Александровичъ говорилъ, что въ четвертый день было сосредоточеніе свѣта, и въ этомъ состояло твореніе солнца, луны и звѣздъ, и что небесныя свѣтила эти не были сотворены изъ новаго какого-нибудь матеріала. Противники утверждали, что есть два свѣта—свѣтъ перваго дня и свѣтъ свѣтилъ, созданныхъ въ четвертый день изъ ничего, причемъ была создана и ихъ матерія. Спорящіе остались при своихъ мнѣніяхъ и рѣшили обратиться къ третейскому суду архимандрита Павла, который теперь находится въ Крыму. Въ 9 часовъ всѣ споры прекратились, монастырскія ворота были заперты.

Эти споры произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе. Въ нихъ видна работа мысли. Пріемы, правда, устарѣлые, начетчество, положимъ, имѣетъ въ нихъ очень важное значеніе; поэтому-то и опасно людямъ постороннимъ, даже много занимавшимся религіозными вопросами, вступать въ эти споры. Тутъ забьютъ съ первыхъ же словъ. Сильно развита и казуистичность, мелочность, стремленіе поддѣть въ распλοхъ; съ однимъ очень извѣстнымъ и опытнымъ оппонентомъ раскольниковъ былъ весьма непріятный случай. Спорилъ онъ съ безпоповцемъ, и тотъ задалъ ему вопросъ:

— А гдѣ въ Писаніи говорится, что должны быть епископы?

— Въ Писаніи этого нѣтъ.

— Такъ какъ же вы говорите объ епископствѣ?

— Но вотъ въ Кирилловой книгѣ...

— Да что вы шлетесь на Кириллову книгу—вы же сами ее называете раскольничьею, а въ такомъ важномъ дѣлѣ ищите изъ нея доказательствъ.

На этомъ диспутѣ кончился, и раскольникъ вышелъ побѣдителемъ. Но и въ этой казуистичности сказывается извѣстная работа мысли, а вѣдь для того, чтобы разсуждать о такихъ вопросахъ, какъ истинность и законность церкви, нужно много передумать, много взвѣснить критически pro и contra, нужно много изучить. А такая личность, какъ Василій Александровичъ! Вѣдь ужъ тутъ видно очень высокое духовное развитіе.

II.

Во второе мое воскресное посѣщеніе Преображенскаго кладбища споры происходили не между одними безпоповцами и единовѣрцами, были и делегаты съ Рогожскаго кладбища, принадлежащаго поповцамъ, приѣмлющимъ австрійскую іерархію. Они явились сюда съ цѣлью миссіонерскою, вернуть въ расколъ повара единовѣрческаго монастыря, Макара Тимоѣевича. Этотъ Макаръ Тимоѣевичъ представляетъ собою весьма интересный типъ. Съ молодости онъ страстно полюбилъ духовное чтеніе, и какъ-то въ одной изъ попавшихся ему книжекъ прочелъ, что истинная церковь должна быть гонима. Но гдѣ же эта истинная церковь? Уничтожиться вѣдь церковь не можетъ, ее не одолѣютъ и врата адовы, а господствующая греко-россійская церковь не только не гонима, а сама гонитъ. Слѣдовательно не она истинная церковь, а гонимые ею раскольники и составляютъ настоящее стадо Христово. Такое разсужденіе привело Макара Тимоѣевича въ расколъ, и онъ присоединился къ поповцамъ, у которыхъ признаются священство и таинства. Въ это же время перешли въ расколъ его два брата, но это совершилось безъ всякихъ съ его стороны убѣжденій, такъ

какъ они пошли въ безпоповщину. Священникъ того села, въ которомъ жилъ Макарь Тимоѳеевичъ, донесъ своему начальству и свѣтской власти объ отпаденіи трехъ братьевъ въ расколъ, причемъ выставилъ Макара Тимоѳеевича совратителемъ своихъ братьевъ. Это было во времена Николая Павловича, когда правительство принимало крутыя мѣры къ пресѣченію и искорененію раскола, и доносъ священника повлекъ за собою тяжелыя послѣдствія для Макара Тимоѳеевича. Его схватили, засадили въ тюрьму, долго въ ней держали, наказывали плетми, шпицрутенами, наконецъ отдали въ солдаты. Долго терпѣлъ Макарь Тимоѳеевичъ всякія гоненія за вѣру, и наконецъ, когда уже всѣ бѣдствія его кончились, въ немъ вдругъ совершился переворотъ: онъ убѣдился, что не въ расколѣ истина, что нѣтъ спасенія внѣ православной церкви, и снова вернулся въ православіе. Такая потеря весьма чувствительна для раскольниковъ: Макарь Тимоѳеевичъ — довольно хорошій начетчикъ, но главное—онъ страдалецъ за вѣру, и раскольники очень хотятъ вернуть его къ себѣ.

На этотъ разъ пришло его убѣждать четверо, все люди молодые, отъ 25 до 30 лѣтъ, и судя по щеголеватому платью, очень зажиточные. Но поговорить съ нимъ на-единѣ имъ не удалось, они сразу наскочили на извѣстнаго читателямъ изъ перваго моего письма Василия Александровича. Насколько я могъ присмотрѣться, Василий Александровичъ въ спорахъ не особенно силенъ *); не смотря на свой большой умъ и

---

*) Кстати замѣчу, что въ космогоническомъ спорѣ, о которомъ я писалъ въ прошлый разъ, останется побѣдителемъ, повидимому, Василий Александровичъ; онъ нашелъ два мѣста въ Шестодневѣ Василия Великаго и въ толкованіяхъ на книгу Бытія Феодорита, въ которыхъ ясно говорится, что въ четвертый день было сосредоточеніе свѣта, созданнаго въ первый день, а не твореніе новаго свѣта для солнца, луны и звѣздъ; но противная сторона все еще не соглашается.

свою начитанность, онъ иногда не умѣетъ найтись; онъ больше старается доказывать логическимъ путемъ, а въ спорѣ съ раскольниками гораздо важнѣе сразу подыскать какое-нибудь мѣсто изъ Священнаго Писанія, или изъ твореній св. отцовъ. Гости съ Рогожскаго кладбища стали доказывать законность австрійской іерархіи, и задали Василию Александровичу вопросъ:

— Въ какомъ чинѣ господствующая церковь принимаетъ архіереевъ, переходящихъ къ ней отъ римской церкви?

— Въ томъ же, въ какомъ они были въ римской церкви.

— Значить, она признаетъ хиротонію римскую законною?

— Да.

— Такъ выходитъ, что въ римской церкви есть благодать?

Признать въ римской церкви присутствіе благодати значить признать ее истинною церковью, и раскольники ушли бы побѣдителями, если бы въ это время не подоспѣлъ библіотекаръ Михаилъ Ефимовичъ. Онъ перевелъ разговоръ на другую почву.

— Не въ томъ дѣло, замѣтилъ онъ,—есть-ли въ римской церкви благодатная хиротонія—ея нѣтъ тамъ,—а въ томъ дѣло, кто принимаетъ архіереевъ, переходящихъ отъ римской церкви къ православной. Ихъ принимаютъ тоже архіереи, и потому принятіе ихъ совершается въ томъ же чинѣ. А вашего Амвросія, когда онъ ушелъ, по нашему, отъ православной церкви, а, по вашему, отъ еретической, кто принималъ? Простой монахъ; такъ какъ же онъ могъ поставить его въ епископы? Вѣдь одного проклятія ересей со стороны Амвросія было мало, нужно было дать ему еще благодатную хиротонію.

Такое возраженіе смутило рогожцевъ, они подняли

вопросъ, необходимо-ли для церкви непрерывное существованіе въ ней епископовъ, и требовали на это отвѣта непременно изъ книгъ. Михайль Ефимовичъ отправился въ бібліотеку, принесъ книги и прочелъ своимъ оппонентамъ мѣста, гдѣ говорится, что епископы должны быть въ церкви „по вся дни до скончанія вѣка“.

Но его противники привязались прямо къ словамъ:

— Тутъ вѣдь сказано только: „до скончанія вѣка“, но не сказано: „непрерывно“.

Слова „непрерывно“ Михайль Ефимовичъ не нашелъ, хотя онъ могъ бы указать имъ на равнозначущее выраженіе: „по вся дни“, но онъ этого не догадался сдѣлать, и рогожцы заявили, что остаются при своемъ мнѣніи. Затѣмъ они старались доказать, что епископъ можетъ впасть въ ересь и потомъ самъ возстать и оставаться епископомъ, но эти ихъ доказательства были очень слабы. Споръ все путался на словахъ, и наконецъ они ушли, говоря, что уже поздно и домой не поспѣютъ во время.

Пока происходилъ споръ, къ толпѣ подошли два безпоповца въ шляпахъ, а не въ фуражкахъ, что обозначаетъ особенную ревность. Одинъ изъ нихъ, Василій Пименовичъ, старикъ лѣтъ 60—личность, заслуживающая вниманія по своимъ радикальнымъ взглядамъ. Онъ, какъ и еедосѣвцы, признаетъ, что въ мірѣ царствуетъ антихристъ, который истребилъ священство и таинства, но онъ гораздо послѣдовательнѣе еедосѣвцевъ. Они сохраняютъ таинство крещенія, но Василій Пименовичъ отвергаетъ и его, утверждая, что при царствѣ антихриста не можетъ быть истиннаго крещенія; онъ снялъ даже съ себя крестъ, потому что никто на него не можетъ надѣть креста. У него послѣдователей очень мало, но онъ крѣпко держится своего ученія и относится къ другимъ раскольникамъ, въ особенности къ еедосѣвцамъ, съ сильнымъ пренебреженіемъ, говоря: „гдѣ же у нихъ логика?“ Такихъ особняковъ, какъ

Василій Пименовичъ, можно встрѣтить въ расколѣ очень много. Живетъ, напримѣръ, тутъ же замѣчательный начетчикъ, Иванъ Васильевъ, который пришелъ къ тому убѣжденію, что всѣ вѣры равны, во всякой вѣрѣ можно спастись, лишь бы жить по христіански. Другой тоже замѣчательный начетчикъ, Андрей Николаевичъ, побывалъ во всѣхъ сектахъ, былъ и въ православіи, но нигдѣ не обрѣлъ истины; онъ разсуждаетъ, что основу христіанства составляетъ любовь, но любви нѣтъ ни въ одномъ изъ обществъ, именующихъ себя христіанскими; всѣ христіане другъ друга проклинаятъ; православные произносятъ анаѣмы на раскольниковъ и стараются ихъ, насколько можно сильнѣе, угнетать, раскольники проклинаятъ ихъ, одинъ толкъ идетъ на другой; какая же тутъ любовь? Поэтому ни въ церкви, ни въ сектахъ нѣтъ истины. Надо вернуть блуждающихъ людей на путь любви и истины, а этого можно достигнуть только любовью. Андрей Николаевичъ врагъ всякихъ притѣсненій за вѣру. Это ученіе напомнило мнѣ теоріи, развиваемыя въ „Исповѣди“ и другихъ послѣднихъ произведеній гр. Л. Н. Толстаго, и я спросилъ у Андрея Николаевича, не читалъ-ли онъ ихъ; но оказалось, что онъ дошелъ до своихъ выводовъ вполне самостоятельно. Между раскольниками постоянно являются такіе люди, не признающіе никакихъ сектъ и живущіе, какъ они говорятъ, „сами по себѣ“. Расколъ живетъ, какъ вполне справедливо замѣтилъ покойный П. И. Мельниковъ. Онъ не весь подобенъ Лотовой женѣ, смотрящей назадъ и окаменѣвшей; секты то и дѣло дробятся; однѣ исчезаютъ, другія вновь возникаютъ; одна и та же секта въ одномъ мѣстѣ называется такъ, въ другомъ иначе. Поэтому совершенно невозможно сдѣлать классификацію сектъ, и въ каждомъ отдѣлѣ перечислить всѣ къ нему принадлежащія секты и толки.

Но я нѣсколько отвлекся въ сторону отъ разсказа

о спорѣ. Василій Пименовичъ и его товарищъ подошли къ спорящимъ и молча усѣлись на травѣ; они не вмѣшивались въ бесѣду, и только иногда, если какая-нибудь изъ сторонъ высказывала что-нибудь, по ихъ мнѣнію неправильное, они выражали свое неудовольствіе жестами, а когда какой-то собесѣдникъ сослался на нихъ, что они своимъ молчаніемъ подтверждаютъ его положенія, они очень разсердились:

— Мы съ вами, еретиками, антихристовыми сынами, ни съ тѣми, ни съ другими, ни въ чемъ не можемъ быть согласны.

По окончаніи спора съ рогожцами, когда всѣ стали расходиться, Михаилъ Ефимовичъ началъ подбивать Василю Пименовича на споръ.

— Вотъ, Пименовичъ, ты насъ называешь антихристовыми сынами, а почему это такъ? Докажи.

Пименовичъ сперва отказывался отъ бесѣды съ Михаиломъ Ефимовичемъ.

— Что говорить съ вами, еретиками, все равно толку не будетъ; выйдетъ одно—пустые разговоры разговаривать.

Но когда Михаилъ Ефимовичъ ему замѣтилъ, что своимъ отказомъ онъ обнаруживаетъ полное свое безсиліе, Пименовичъ разгорячился и потребовалъ Кириллову книгу.

— Ужъ если вамъ доказывать, такъ я докажу такъ, что вамъ не открутиться. Я былъ на Таганкѣ, когда тамъ бесѣдовали вашъ епископъ Мисаилъ, да пятицкій попъ *), я имъ прочелъ изъ Кирилловой книги, и они ничего не могли мнѣ отвѣтить.

Михаилъ Ефимовичъ принесъ Кириллову книгу, и тутъ началась преуморительная сцена. Пименовичъ

---

*) Пятицкій попъ, это—отецъ Іоаннъ Виноградовъ, священникъ церкви св. Параскевы въ Охотномъ ряду, самый серьезный оппонентъ раскольниковъ на публичныхъ бесѣдахъ, бывающихъ въ Москвѣ зимою очень часто.

сталъ искать своего неопровержимаго доказательства, но какъ ни рылся въ книгѣ, никакъ его найти не могъ. Михайль Ефимовичъ сталъ наконецъ ему подсказывать:

— Посмотри, можетъ быть, 32 листъ.

Пименовичъ съ радостью бросился отыскивать 32 листъ, но когда въ толпѣ нѣсколько человѣкъ засмѣялось, онъ сконфузился, замѣтилъ Михайлу Ефимовичу, чтобы онъ не путалъ, и сталъ искать въ другомъ мѣстѣ, но ничего не выходило, пока Михайль Ефимовичъ снова не подсказалъ ему:

— Посмотри 10 посланіе священника Василія къ князю Острожскому.

Пименовичъ началъ читать это посланіе, въ которомъ о московскомъ духовенствѣ ничего нѣтъ, а говорится о безнравственной жизни западно-русскихъ епископовъ, отпавшихъ въ унію, и о полномъ отсутствіи истинныхъ пастырей въ Западной Руси. По прямому своему смыслу это посланіе нисколько не подходитъ къ Никону и архіереямъ, осудившимъ раскольниковъ, но у многихъ раскольниковъ есть привычка толковать писанія „духовно“, и при такихъ толкованіяхъ какой-нибудь историческій рассказъ является пророчествомъ. Такъ и тутъ: Василій Пименовичъ, безъ всякихъ разсужденій, все, что говорится о западно-русскихъ епископахъ, отнесъ къ Никону и его послѣдователямъ. Пименовичъ читалъ съ большимъ одушевленіемъ о развратѣ архіереевъ, и восклицалъ постоянно:

— Развѣ это не вѣрно? Развѣ не такіе точно у васъ архіереи?

Затѣмъ, когда въ книгѣ зашла рѣчь о небрежномъ отношеніи епископовъ къ обрядамъ, что они не крестятся, а „помаваютъ рукою“, что на колѣни не становятся, а „откидываютъ“ догу назадъ, Пименовичъ и его товарищъ начали передразнивать православныхъ. Сперва Пименовичъ сложилъ двуперстное знаменіе и

перекрестился самымъ истовымъ крестомъ, а потомъ сложилъ троеперстную „щепотку“ и поднесъ ее къ носу:

— Вотъ какъ у васъ всѣ крестятся.

Становился онъ на колѣни, причемъ ногу какимъ-то каррикатурнымъ образомъ вытягивалъ назадъ. Привычка передразнивать и представлять въ каррикатурномъ видѣ православные обряды и теперь еще довольно распространена у раскольниковъ, а въ прежнія времена это было обычнымъ явленіемъ. Въ Хлудовской библіотекѣ есть нѣсколько сочиненій раскольниковъ, съ рисунками, изображающими православные обряды, напимѣръ изображено троеперстіе и на трехъ пальцахъ написано по слогамъ: са-та-на. И православные отвѣчали на такія каррикатуры тоже каррикатами: св. Димитрій Ростовскій, въ своемъ „Розыскѣ о раскольниковъ брынской вѣрѣ“, находитъ болѣе приличнымъ, вмѣсто указаннаго изображенія троеперстія, нарисовать двуперстіе, а на пальцахъ написать: де-монъ; онъ же толкуетъ, что „Исусъ“ значитъ „равноухій“. Но теперь православные оставили этотъ пріемъ, а у раскольниковъ онъ еще держится. При такомъ передразниваніи случается иногда прямое искаженіе обряда.

Тутъ же на дворѣ, въ другой толпѣ, одинъ очень старый, но необыкновенно живой и горячій безпоповецъ увѣрялъ, что православные поклоняются и вѣруютъ сатанѣ. Онъ говорилъ, что въ обрядѣ крещенія у воспріемниковъ спрашиваютъ сперва: „отрицаеши ли сатаны?“, а потомъ: „вѣруеши-ли Ему?“—кому это: „ему“—ясно, значитъ, что вы отступники, поклоняетесь не Христу, а сатанѣ“. Нѣкоторые изъ толпы, не твердо помнившіе порядокъ совершенія таинства крещенія, пришли въ смущеніе отъ такихъ словъ безпоповца, но его противникъ указалъ ему на пропускъ: между двумя этими вопросами спрашивается у воспріемниковъ: „сочетаваеши ли Христу“,—такъ что „ему“ относится не къ сатанѣ. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что такіа

искаженія рѣдки, ихъ пускаютъ въ ходъ только самыя безтолковыя и мало знающіе горланы, а умный начетчикъ никогда ихъ себѣ не позволитъ, даже просто изъ практическаго разсчета, чтобы не ронять своего авторитета, потому что его сейчасъ же на этомъ поймутъ.

Споръ Василия Пименовича съ Михаиломъ Ефимовичемъ затянулся очень на долго; не смотря на самыя убѣдительныя доказательства Михаила Ефимовича, Пименовичъ не соглашался, и наконецъ, ушелъ, торжественно объявивъ, что толковать съ еретиками все равно, что воду во ступѣ толочь.

На дворѣ стояло еще нѣсколько кучекъ; въ одной, какой-то раскольникъ съ жаромъ возставалъ противъ гоненій за вѣру.

— Развѣ это истинное христіанское дѣло, говорилъ онъ,—вѣшать людей, жечь и всякими казнями казнить по десяткамъ тысячъ христіанъ, какъ дѣлалъ Никонъ“. Въ остальныхъ мѣстахъ толки были не интересные; со стороны раскольниковъ почти совсѣмъ не было хорошихъ начетчиковъ, все были какіе-то крикуны; одинъ увѣрялъ, что о двуперстіи и о литургіи на семи просфорахъ говорится въ „Апостолѣ“; другой доказывалъ, что антихристъ вездѣ истребилъ истинныхъ христіанъ; что христіанство было во Франціи, въ Англіи, въ Америкѣ, а теперь его тамъ нѣтъ. У него спросили, когда же было истинное христіанство въ Америкѣ?

— Какъ, когда? А св. Григорій Омиритскій откуда-же?

Но тутъ поднялся сильный хохотъ, раскольникъ самъ увидалъ, что сказалъ глупость, сконфузился и ушелъ.

III.

Почти съ начала нынѣшняго года, на Преображенское кладбище и на еедосѣвцевъ вообще въ „Совр. Извѣстіяхъ“, прежде постоянно защищавшихъ расколъ,

ведется самое ожесточенное нападеніе. Съ № 51-го каждую пятницу помѣщается въ этой газетѣ фельетонъ, подъ названіемъ „Грѣховодники“, и въ немъ разсказываются самыя ужасныя вещи о развратѣ еедосѣвцевъ, о практикующемся у нихъ дѣтоубійствѣ и т. п. Не ограничиваясь этимъ фельетономъ, газета выступила съ передовыми статьями, въ которыхъ доказывала вредъ Преображенскаго кладбища и вообще еедосѣвской секты.

Ученіе, допускающее дѣтоубійство, по словамъ „Современныхъ Извѣстій“, было установлено на еедосѣвскомъ соборѣ, происходившемъ на Преображенскомъ кладбищѣ, въ 1883 году, подъ руководствомъ попечителей кладбища: братьевъ Москвиныхъ, Баранова и Егорова. Эти лица—власти, официально признанныя правительствомъ, и потому ученіе ихъ обязательно распространяется во всѣ концы государства. Одна петербургская газета, приводя эти сообщенія „Совр. Изв.“, спрашивала: „Неужели же этотъ вертепъ, гдѣ на каждомъ шагу ожидаютъ васъ самыя поразительныя гнусности и злодѣйства, невѣроятное извращеніе мыслей и чувствъ—не мнѣю, а самая реальная дѣйствительность“? Газета высказывала удивленіе, что эти мерзости остаются неизвѣстными властямъ; но сомнѣваться въ истинѣ сообщеній „Совр. Извѣстій“ ей казалось труднымъ, такъ какъ въ этихъ сообщеніяхъ прямо указывались имена и адреса дѣятелей.

Столь тяжкія обвиненія, какъ дѣтоубійство, развратъ, отверженіе власти, выставляемая „Совр. Извѣстіями“ противъ еедосѣвцевъ, трудно оставить безъ вниманія, и желательно уяснить себѣ настоящее положеніе дѣла.

Основное ученіе всѣхъ безпоповщинскихъ сектъ, въ томъ числѣ и еедосѣвцевъ,—что въ мірѣ царствуетъ антихристъ, истребившій священство и таинство. Поэтому отвергается бракъ; его никто не можетъ со-

вершить кромѣ священника, а поповъ нѣтъ, и пропо-
вѣдуются всеобщее дѣвство. Но уже при самомъ воз-
никновеніи первыхъ безпоповщинскихъ толковъ стало
очевиднымъ, что такое ученіе можетъ вести къ самымъ
дурнымъ практическимъ послѣдствіемъ, къ сильнѣй-
шему распутству. Одинъ еедосѣвецъ, Иванъ Алек-
сѣевъ, сталъ проповѣдывать, что бракъ необходимъ
человѣку, а вести дѣвственную жизнь могутъ только
люди сильной воли, и поэтому, нужно жениться, для
избѣжанія распутства. Но представлялся вопросъ: какъ
совершать бракъ? По мнѣнію однихъ можно было вѣн-
чаться у еретиковъ, т.-е. въ православной русской
церкви, затѣмъ покаяться въ своемъ обществѣ, и за
сообщеніе съ еретиками подвергнуться епитиміи. По
мнѣнію другихъ, вѣнчаться у священника нѣтъ нужды,
а достаточно взаимнаго желанія брачующихся, нѣкото-
рыхъ молитвъ и благословенія родителей жениха и
невысты. Составлялись особые „чинки“ этого, такъ—
называемаго безсвященнословнаго брака; одинъ изъ
такихъ чинковъ былъ напечатанъ въ нынѣшнемъ году
г. Лѣсковымъ въ „Историч. Вѣстн.“. Принявшіе бракъ
получили названіе новоженовъ. Новожены не состав-
ляютъ особой секты; ихъ можно найти во всѣхъ без-
поповщинскихъ толкахъ, и у филипповцевъ, и у ее-
досѣвцевъ, и у другихъ, хотя есть одинъ толкъ спе-
ціально новоженскій — артамоновщина. Новоженство
было встрѣчено весьма сочувственно безпоповцами, но
„старики“ отнеслись къ нему враждебно; особенно воз-
стали противъ него еедосѣвцы: они постановили не
имѣть никакого общенія съ новоженами, дѣтей ихъ
не крестить, а если они покаются, то разводить ихъ
съ женами и принимать черезъ перекрещиваніе. Такія
отношенія къ новоженамъ не могли долго продол-
жаться; число послѣднихъ постоянно увеличивалось,
и строгимъ ревнителямъ дѣвства поневолѣ пришлось
смягчаться: у поморцевъ, напрімѣръ, новожены почти

совсѣмъ сравнены съ другими, они только должны молиться въ отдѣльныхъ корридорахъ при молельняхъ. У еедосѣвцевъ правило нѣсколько строже, хотя и у нихъ дѣлаются послабленія, что зависитъ часто исключительно отъ личныхъ взглядовъ наставниковъ. Кромѣ новоженевъ, у еедосѣвцевъ есть старожены; такъ называются лица, состоявшія въ бракѣ до обращенія въ еедосѣвскую секту; при перекрещиванія съ нихъ берется обѣщаніе чистаго житія, хотя мужъ съ женою и остаются въ одномъ домѣ. Въ сущности это одна формальность, обѣщаніе чистаго житія почти никогда не исполняется, и когда обнаруживается нарушеніе чистоты, жена забеременѣетъ, то ихъ отлучаютъ отъ церкви на время, а послѣ разрѣшенія отъ бремени снова принимаютъ, послѣ шестинедѣльнаго поста, съ 1.000 поклоновъ въ день. Иногда употребляютъ такіе уловки для обхода стѣснительной доктрины: еедосѣвцы, желая, чтобы дѣти ихъ, когда женятся, пользовались допущеніемъ для совокупнаго моленія, не крестятъ ихъ до брака, а послѣ брака они принимаютъ крещеніе, причитаются къ староженамъ и допускаются до совокупнаго моленія. Бракъ не признается законнымъ, но какъ фактъ, допускается. Арх. Павелъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ такой случай: умерла старушка изъ староженевъ; приглашенная на ея похорены наставница убрала ей голову по-дѣвичьи; когда же у нея спросили, зачѣмъ она такъ сдѣлала, она сказала: „У насъ брака нѣтъ; мужъ у покойницы былъ незаконный—она жила съ нимъ не по закону, но въ беззаконіи, а при смерти она покаялась, Богъ ее простилъ, и она опять стала дѣвицею; если бы я ей убрала волосы, какъ убираютъ брачнымъ женамъ, то этимъ признала бы бракъ ея законнымъ; вотъ почему я и не могу этого сдѣлать“ *).

*) „Братское слово“ 1876 г., № 3, отд. 3, стр. 142, 145—147. Арх. Павла: „Изъ сызранскихъ воспоминаній“.

досѣвства, однако не оставляютъ своего ученія о всеобщемъ дѣвствѣ, но такъ какъ соблюденіе дѣвства весьма часто оказывается не подъ силу, то они живутъ со „стряпухами“ или „пожилочками“, за что также подвергаются епитиміямъ“.

Изложивъ въ краткихъ чертахъ ученіе еедосѣвцевъ о бракѣ и практику ихъ въ этомъ вопросѣ, обратимся къ Преображенскому кладбищу и постараемся дать, по возможности, полное и вѣрное представленіе о соборѣ, о которомъ упоминають „Совр. Извѣстія“.

Въ декабрѣ 1880 года, умеръ на Преображенскомъ кладбищѣ наставникъ Егоръ Гавриловъ, пользовавшійся за свою нравственную жизнь общимъ уваженіемъ всѣхъ партій, особенно любимый новоженами, къ которымъ онъ относился очень мягко. Его мѣсто занялъ Александръ Ѳедоровъ, крестьянинъ деревни Липки. Онъ оказался очень ревностнымъ и фанатичнымъ приверженцемъ первоначальныхъ еедосѣвскихъ ученій о безбрачій, сталъ притѣснять новоженоевъ. Новожене рѣшились защищаться. Одинъ изъ нихъ, шестидесятилѣтній старикъ, написалъ карикатуру на еедосѣвцевъ: изображена колесница, на которой стоитъ сундукъ; въ сундукѣ лежатъ сочиненія яраго бракобора 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, еедосѣвскаго наставника, Михаила Иванова Гнусина: „Пандекты“ и „Уставъ“; колесницу везуть „старики Преображенскаго кладбища“; ими править діаволь; сзади къ колесницѣ прикована длинная цѣпь, охватывающая множество народа, мужчинъ и женщинъ, а въ сторонѣ отъ этихъ людей валяются убитые младенцы, съ надписью: „рожденные отъ еедосѣвскаго дѣвства“. Новожене склонили на свою сторону старца Гаврилу Васильева Сенатова. Сенатовъ усердно взялся за ихъ дѣло, вошелъ въ сношенія съ казанскими новоженами, ѣздилъ самъ въ Казань. Поволжскіе безпоповцы тоже стали протестовать. Отъ ихъ имени было составлено жителемъ

города Вольска, Иваномъ Евстафіевичемъ Рожковымъ, довольно пространное опроверженіе бракоборнаго ученія. Рожковъ очень правильно возражаетъ на основныя положенія бракоборовъ. Они указываютъ, между прочимъ,—и это одно изъ главныхъ ихъ основаній,—на правило византійскаго императора Алексѣя Комнѣна, которымъ запрещается совершать бракъ безъ священника, такъ-называемый безсвященнословный; но Рожковъ возражаетъ, что это правило имѣло значеніе только временное, и старается объяснить его происхожденіе исторически: византійскіе помѣщики старались устраивать такіе безсвященнословные браки свободныхъ съ рабами, такъ какъ свободный, женившійся на рабѣ, становился самъ рабомъ, и правило Алексѣя Комнѣна было мѣрою, ограничивавшею это зло, а теперь оно не имѣетъ значенія. Для рѣшенія вопроса, по мнѣнію Рожкова, нужно созвать соборъ изъ отцовъ и свѣдущихъ людей и обстоятельно рассмотреть новыя ученія о безбрачїи. Подъ этимъ возраженіемъ подписались попечители казанскіе, саратовскіе, самарскіе, оренбургскіе и др.

Въ августѣ 1881 года, Рожковъ явился на Преображенское кладбище со своимъ возраженіемъ, но былъ оттуда изгнанъ партіей бракоборовъ, а 5 сентября преображенцы отправили отвѣтное посланіе въ Казань. Это посланіе представляетъ собою наборъ общихъ фразъ, что святыми вселенскими соборами, церковью до Никона и послѣ никоновскими священными отцами и страдальцами установлено правильное ученіе, а теперь святые отцы кому то помѣшали, торгаютъ города Вольска издавъ лживую тетрадь, въ которой поносятъ ихъ ученіе; въ заключеніе авторы посланія обѣщаютъ „объяснить ложь означенной тетради отъ божественнаго писанія“.

Но прошло много времени, наступилъ мартъ 1882 года, и казанцы, не получая обѣщаннаго „объясненія

лжи Рожковой тетради“, снова обратились къ преображенцамъ. Въ своемъ письмѣ, разобравъ во всѣхъ подробностяхъ преображенское отвѣтное посланіе и выставивъ его полную бездоказательность, они настоятельно требуютъ обѣщаннаго объясненія. „Съ 5 сентября 1881 г., пишутъ они,—наступилъ уже седьмой мѣсяць, а объясненій отъ васъ нѣтъ. Что то долгонько они у васъ пишутся! А когда они будутъ, мы не знаемъ; но мы все-таки ожидаемъ ихъ отъ васъ“.

Въ Мартѣ 1882 года преображенскимъ попечителямъ были представлены вопросы о бракѣ со стороны московскихъ новоженцовъ. Московскіе новоженцы указывали, что еедосѣевское ученіе о бракѣ „смущаетъ и угнетаетъ ихъ совѣсть до крайняго изнеможенія“. Они не могутъ помириться съ разными уловками, помогающими обходить это ученіе. „Оставляемъ и отстраняемъ всякіе исходы, дѣющіеся доселѣ вопреки совѣсти, подъ покровительствомъ разныхъ вымышленныхъ фразъ, какъ: стряпухъ, кухарокъ, горничныхъ и тому подобно, а обращаемся къ вамъ прямымъ путемъ со всепокорнѣйшею нашею просьбою и просимъ васъ: Бога ради, разрѣшите наше недоумѣніе“. Вопросовъ всего 13; въ нихъ преображенскимъ отцамъ предлагается согласить ихъ ученіе о бракѣ съ ученіемъ истинной церкви, съ божественнымъ писаніемъ. Интересны два вопроса, ставящіе дѣло на почву, такъ сказать, рачіоналистическую, что составляетъ явленіе новое въ старообрядческомъ расколѣ. Это—вопросъ 11: „Можетъ-ли вѣчно существовать церковь Христова изъ общества людей, рожденныхъ отъ блуда“, и вопросъ 12: „и также равно можетъ-ли вѣчно существовать Христова церковь изъ общества людей единаго дѣвства“? Постановленіе императора Алексѣя Комнена можно, по мнѣнію новоженцовъ, преступить, такъ какъ это распоряженіе свѣтской власти, а бываетъ, что не исполняются даже постановленія вселенскихъ соборовъ. Св. Григорій Двое-

словъ думалъ установить безбрачіе священниковъ, но когда ему, вмѣсто рыбы, въ прудѣ поймали 6.000 дѣтскихъ головъ, онъ отмѣнилъ свое повелѣніе. „И такъ, честные отцы, обращаются новожены къ преображенцамъ,—если святитель Григорій пришелъ въ чувство, когда увидалъ младенческія мертвыя головы, то тѣмъ болѣе вы должны уцѣломудриться живыми младенцами, приносимыми все время къ вамъ ради крещенія, и которые сами за себя свидѣлствуютъ своимъ плачевнымъ гласомъ, что они именно рождены въ то самое время, когда къ вамъ приносятъ ихъ. Но гдѣ же они берутся? Человѣческое дѣвство рождать не можетъ“.

Но всѣ эти посланія и вопросы оставались долгое время безотвѣтными. Наконецъ, въ іюнѣ 1883 года, попечители кладбища стали разсылать повсюду повѣстки съ приглашеніями на соборъ, и къ 15 августа собралось 180 еедосѣвскихъ отцовъ со всѣхъ концовъ Россіи; не явились только рижскіе наставники. Засѣданія открылись 18 августа, въ домѣ Кочегарова, № 30, по Девятой ротѣ *), и происходили ежедневно въ теченіи семи сутокъ, при такой обстановкѣ: посреди комнаты стоялъ аналой, на немъ лежало евангеліе съ крестомъ, передъ которыми горѣла толстая восковая свѣча. Отцы, передъ открытіемъ каждаго засѣданія, клали по семи поклоновъ, цѣловали крестъ и евангеліе. На соборѣ были утверждены 20 статей, заранѣе составленныя подъ влияніемъ бракоборовъ, братьевъ Москвитныхъ, Баранова, Карева, инока Филарета. Эти статьи составляютъ „дѣяніе“ собора.

Въ предисловіи къ статьямъ объясняются поводы сѣзда отцовъ: 1) многіе православные уклонились отъ истиннаго нравственнаго образа жизни, возлюбили

*) Мѣстность Преображенскаго раздѣлена на роты, какъ въ Петербургѣ Измайловскій полкъ, такъ какъ прежде здѣсь стоялъ Преображенскій полкъ.

„безвременное прихотное чаепитіе и нечистотное сахарояденіе“, стали носить нѣмецкія одежды, не по христіански стричь волосы, вступать въ недозволенные закономъ браки, и называютъ ихъ законными; 2) надо рѣшить вопросъ, можно-ли сообщаться съ петербургскими еедосѣвцами съ Волкова кладбища, которые обмірщились, т.-е. заразились иноземными, нечестивыми обычаями и входятъ въ сношеніе съ еретиками-никоніанами, и 3) какъ принимать въ совокупное моленіе новоженцовъ. Уже въ этомъ предисловіи можно замѣтить смѣшеніе важныхъ нравственныхъ вопросовъ о бракѣ, съ самыми мелочными—о чаепитіи, сахарояденіи и нѣмецкой одеждѣ, а въ статьяхъ это смѣшеніе обнаруживается еще сильнѣе. Въ первыхъ трехъ статьяхъ говорится, что надо вѣровать въ триипостасное Божество, сохранять догматы и преданія, установленные вселенскими соборами, святыми отцами и новыми страдальцами Павломъ епископомъ коломенскимъ, протопопомъ Аввакумомъ и др., а вслѣдъ затѣмъ предписывается: мужчинамъ стричь на маковкахъ волосы, женщинамъ волосъ не стричь, не носить никому нѣмецкихъ одеждъ, не обучать дѣтей наукамъ „тонцеванія и мусикии“, въ праздникъ не ходить въ лѣсъ за ягодами, не ѣсть сахара; кондитерскихъ печеній, колбасы, французскихъ булокъ, не пить чаю и т. д.

Главный вопросъ о новоженахъ рѣшается такимъ образомъ (мы приводимъ подлинныя слова дѣянія, въ виду важности этого рѣшенія): „Новопоженившіеся, признающіе свое сожитіе незаконнымъ, и во всемъ съ истинными христіанами единомудрствующіе, и передъ церковію смиряющіеся, таковые еретиками раскольниками, согласно первобытныхъ отецъ нашихъ ученію не признаются, какъ нѣкоторые развратники клеветуютъ. Исповѣданія же, по преданію церковному, безъ предварительнаго къ христіанскому соединенію испра-

вленія (т.-е. шестинедѣльнаго поста и 1,000 поклоновъ въ день) ихъ не оподобляти“. Новожены не допускаются на исповѣдь, потому что съ исповѣдающимися долженъ молиться ихъ духовный отецъ, а тутъ этого не можетъ быть, потому что они отлучены отъ совокупнаго моленія. Далѣе о нихъ говорится: „Совѣтъ даемъ состоящимъ во отлученіи провождати жизнь свою по христіански, съ міромъ не сообщатися, посты, среды и пятки наблюдать, округу церковную и правило домовое отправлять, во время соборныя молитвы, стоя позади, не знаменоватися (не креститься) и не пѣти, дѣтей своихъ христіанскому преданію и страху Божію научати“. Безсвященнословный бракъ отвергается все на томъ же основаніи, что бракъ обязательно долженъ быть совершенъ священникомъ. Самобрачники принимаются различно въ еедосѣвскую секту, смотря по тому, какъ они къ ней относятся. Соборъ отвергъ мнѣніе упомянутаго выше Михаила Иванова Гнусина о томъ, будто въ новоженскихъ дѣтей душу вкладываетъ діаволь.

Таковы рѣшенія собора; противъ нихъ проявилась сильная оппозиція новоженевъ, но объ этомъ я сообщу въ слѣдующемъ письмѣ.

IV.

Оппозиція бракоборнымъ постановленіямъ еедосѣвскаго собора 18 августа 1883 г. обнаружилась уже на самомъ соборѣ. Извѣстный читателямъ изъ прошлаго моего письма, еедосѣвскій отецъ, Гаврила Васильевъ Сенатовъ, который былъ собственно главнымъ защитникомъ новоженевъ, заявилъ, что по его мнѣнію женатыхъ слѣдуетъ ежегодно принимать на исповѣдь, причемъ сослался на 52 правило св. апостоловъ и его толкованіе въ Кормчей книгѣ, гдѣ говорится, что епископъ

или евященникъ, не принимающіе грѣшниковъ на исповѣдь, извергаются изъ сана.

На такой аргументъ ему возразилъ попечитель Барановъ:

— Это грѣшныхъ, а не женатыхъ.

— А женатые кто же? спросилъ Сенатовъ.

— Они отступники.

— Пусть они будутъ отступники, но только скажите мнѣ, Бога ради, какіе же будутъ тѣ, которые имѣютъ по семи, десяти и болѣе женъ, и которые дѣтей погубляютъ разными способами?

На такой вопросъ Барановъ отвѣтилъ одними ругательствами. Затѣмъ потребовали отъ Сенатова отреченія отъ отеческаго сана, въ знакъ чего онъ долженъ былъ положить семь поклоновъ. Онъ на это не согласился. Одинъ изъ отцовъ сказалъ ему, чтобы онъ никогда не крестилъ и не исповѣдывалъ. Но Сенатовъ и въ этомъ отказалъ. Тогда Барановъ и Москвинъ схватили его, одинъ за руки, другой за плечи, и насильно вытолкали вонъ изъ комнаты соборныхъ засѣданій *).

За свое сопротивленіе бракоборамъ Сенатовъ былъ отлученъ отъ общества вѣрныхъ еедосѣвцевъ и лишенъ соборомъ отеческаго сана, но онъ объявилъ осужденіе это неправильнымъ. Большинство семейныхъ людей, конечно, не могло согласиться съ бракоборными

---

*) Такъ передается этотъ фактъ самимъ Сенатовымъ, и въ статьѣ, напечатанной въ „Братскомъ Словѣ“ 1883 г., стр. 207—212; въ „Дѣяніи“ же еедосѣвскаго собора, въ актѣ отлученія Сенатова, дѣло рассказывается нѣсколько иначе, а именно тамъ говорится: „Въ подтвержденіе своего убѣжденія, въ защиту самосводныхъ безсвятеннословныхъ браковъ Сенатовъ представилъ нѣсколько главизнъ съ ошибочнымъ понятіемъ. На нихъ лично были соборно представлены ему объясненія и увѣщевали его всѣмъ соборомъ быть въ повиновеніи церковному преданію; но онъ, вмѣсто согласенія, окончательно отказался, остался въ своемъ непокорствѣ и удалился съ собранія“.

ученіями, установленными на соборѣ; они присоединились къ Сенатову и продолжали по прежнему приглашать его къ себѣ для совершенія различныхъ требъ.

Но устроители собора очень скоро увидали, какъ эти правила опасны для нихъ самихъ. Новоженны могутъ совсѣмъ отдѣлиться отъ кладбища, а это будетъ очень чувствительная потеря, такъ какъ большинство изъ нихъ люди богатые. Стали скрывать постановленія собора. На 29 августа 1883 года (т. е. черезъ 11 дней послѣ собора) назначено было публичное чтеніе этихъ новоустановленныхъ статей. Съѣхалось на кладбище множество именитѣйшихъ его прихожанъ. Пріѣхалъ, между прочимъ, нѣкто И. И. Горюновъ. Узнавъ о причинѣ большого съѣзда, онъ захотѣлъ послушать новыя правила и остался въ моленной. Но въ моленной правилъ не читали, а ушли всѣ въ богадѣленную контору; въ конторѣ Горюновъ ждалъ цѣлый часъ, но чтеніе не начиналось. Всѣ стали уходить въ верхнія комнаты богадѣленной конторы, Горюновъ пошелъ туда же, но его остановилъ одинъ изъ богатѣйшихъ и уважаемыхъ прихожанъ, Павелъ Васильевичъ Смирновъ, сталъ просить его, чтобы онъ не ходилъ на верхъ.

— Ты не нашего общества: ты брачникъ и насъ порицаешь.

— Я тебя одного слушаться не стану, возразилъ Горюновъ.—Если всѣ скажутъ, чтобъ я уходилъ, я имъ не стану противиться.

Затѣмъ, войдя на верхъ, Горюновъ обратился ко всѣмъ собравшимся:

— Вотъ Павелъ Васильевичъ говоритъ, что я не могу присутствовать на вашемъ собраніи, потому что я брачникъ. Такъ-ли это? Если вы съ нимъ согласны, то я сейчасъ же уйду.

Всѣ стали говорить:

— Уходи, ты насъ конфузишь, называешь еретиками и блудниками.

Изъ этого факта можно видѣть, что уже въ самомъ скоромъ времени послѣ собора, его правила сдѣлались какою-то тайною. Самое „Дѣяніе“, по сообщенію редакціи „Братскаго Слова“, держится въ величайшемъ секретѣ, такъ-что и сами прихожане Преображенскаго кладбища, при всѣхъ усиліяхъ видѣть и прочесть его, тѣмъ болѣе имѣть съ него копію, не могли добиться желаемого, и редакція могла его напечатать, исключительно благодаря счастливому случаю. Но одного сокрытія правилъ было мало, пришлось ихъ обходить. На святкахъ, преображенскіе отцы отправились по домамъ прихожанъ славить Христа. Не ходить къ женатымъ было невыгодно, и они стали славить Христа у нихъ. При этомъ имъ привелось натолкнуться на нѣсколько весьма непріятныхъ объясненій.

Въ одномъ домѣ хозяйка встрѣтила ихъ вопросомъ:

— Зачѣмъ вы пришли, отцы?

— Христа славить.

— А исповѣдывать насъ будете?

— Будемъ, когда захвораете.

— Ну, такъ и Христа славить приходите, когда мы захвораемъ, а теперь уходите, откуда пришли.

Въ другомъ мѣстѣ хозяинъ спросилъ ихъ: клялись ли они на соборѣ не ходить къ женатымъ? Отцы отвѣтили, что хоть и клялись, но это ничего не значитъ, теперь-де все по старому будетъ; но ихъ все-таки не приняли: хозяинъ объяснилъ, что не хочетъ для нихъ служить соблазномъ, чтобы они изъ за его рубля преступили клятву.

Въ то же время пошелъ славить Христа и Сенатовъ. Его новожены принимали съ большимъ почетомъ. Это очень не понравилось преображенскимъ бракоборамъ, они собрались 7 января 1884 г. его судить; призвали между прочимъ квартирную хозяйку Сенатова, и потребовали отъ нея, чтобы она его, какъ еретика, не дер-

жала у себя болѣе на квартирѣ; но она отказалась исполнить ихъ „повелѣніе“.

Между тѣмъ, новожены рѣшили, что одного пассивнаго сопротивленія мало. 14 февраля 1884 г. на кладбищѣ происходили выборы новыхъ учетчиковъ. На это засѣданіе пріѣхалъ изъ Петербурга главный начальникъ кладбища, предсѣдатель по управленію преображенскимъ богадѣленнымъ домомъ, петербургскій купецъ Е. С. Егоровъ *). Когда окончились выборы учетчиковъ, одинъ изъ новоженевъ, московскій купецъ Жадаевъ, заявилъ предсѣдателю:

— Можетъ быть вамъ извѣстно, г. предсѣдатель, что у насъ на кладбищѣ, въ августѣ прошлаго года былъ соборъ, на которомъ установлены разныя правила браковъ, сѣющія смуту и раздоръ среди нашего общества. Прошу васъ, обратите вниманіе на эти правила, вытребуйте у г. Москвина постановленія собора.

Тутъ выступили съ жалобами на бракоборовъ нѣкоторые другія лица; одинъ изъ вновь выбранныхъ учетчиковъ сказалъ, что приглашенный имъ „отецъ“ не хотѣлъ крестить у него ребенка, потому что онъ новоженъ; какой-то другой отецъ отказался исповѣдывать больного новожена прежде, чѣмъ тотъ согласится расторгнуть свой бракъ. Послѣ такихъ жалобъ, предсѣдатель спросилъ Москвина и Баранова:

— Скажите, былъ у васъ 18 августа соборъ, или нѣтъ?

— У насъ не было никакого собора.

— Если это правда, то извольте подписаться, что у васъ не было никакого собора. Подпишитесь.

— Подписываться мы не будемъ.

— Значить, соборъ былъ.

На это Москвинъ и Барановъ ничего не отвѣтили.

---

*) Г. Егоровъ, владѣлецъ извѣстныхъ бань въ Петербургѣ, которые много лѣтъ не открывались, хотя и были готовы.

— Зачѣмъ вы выгнали и лишили отеческаго сана Гаврилу Васильева? снова спросилъ предсѣдатель.

— Это не мое дѣло, а отцовъ, отвѣтилъ Барановъ.

Тутъ нѣкоторые стали требовать удаленія Москвина и Баранова:

— Попечителей Москвина, Баранова и Кочегарова не надо. Москвинъ папа. Барановъ тоже.

— Постановленіе собора надо уничтожить, замѣтилъ Жадаевъ.

— Если уничтожить соборъ, возразилъ Барановъ, то надо уничтожить Евангеліе.

На этотъ разъ дѣло кончилось ничѣмъ, но въ такомъ положеніи оно оставаться не могло: борьба продолжалась. Бракоборы, елико возможно, старались притѣснять своихъ противниковъ, „отцы“ не принимали ихъ на исповѣдь, отказывались крестить у нихъ дѣтей. Наконецъ, сто человѣкъ новоженевъ рѣшились формально требовать увольненія Москвина и Баранова; передъ Рождествомъ 1884 года они подали объ этомъ прошеніе Егорову. Егоровъ обѣщалъ пріѣхать въ Москву для разсмотрѣнія ихъ дѣла 15 декабря, но пріѣхалъ только на новый годъ. Новожены напомнили ему о своемъ дѣлѣ, но онъ отвѣтилъ, что согласенъ уволить только Баранова; когда же начали настаивать на увольненіе Москвина, онъ отозвался недосугомъ, и обѣщалъ пріѣхать изъ Петербурга въ другой разъ. Между тѣмъ, отцами и пѣвчими Преображенскаго кладбища было подано Егорову прошеніе въ пользу Москвина и Баранова. Говорятъ, Москвинъ платилъ подписавшимся на этомъ прошеніи отцамъ по рублю, а пѣвчимъ—по 15 коп. Въ концѣ февраля умеръ тестъ Егорова, одинъ изъ старѣйшихъ попечителей кладбища, Лѣвниковъ. Егоровъ пріѣхалъ на похороны; тутъ къ нему опять приступили новожены съ жалобами на попечителей, угрожая, что если онъ не исполнитъ ихъ просьбы, они обратятся къ министру внутреннихъ дѣлъ. Егоровъ опять сказалъ,

что ему недосугъ, общалъ разсмотрѣть дѣло послѣ Пасхи, но оно такъ и остается безъ движенія. Въ виду этого, нѣкоторые новожены высказываютъ намѣреніе обратиться къ правительству съ просьбою, чтобы одна изъ шести часовенъ, находящихся на Преображенскомъ кладбищѣ, была отдана въ ихъ распоряженіе.

Оппозиція постановленіемъ собора 18 августа 1883 г. не ограничилась одною Москвою. Въ Казани, гдѣ и до собора рѣшительнѣе всего поднимался вопросъ о бракѣ, протестъ обнаружился еще сильнѣе. Главный наставникъ казанскихъ едосѣвцевъ, Василій Павловъ Скриповъ, присутствовавшій на соборѣ и подписавшій его „Дѣяніе“, принялся усердно вводить новыя правила. Казанцы были недовольны этими нововведеніями; однако, открыто не заявляли своего протеста, а ограничивались глухимъ ропотомъ. Но Скриповъ столкнулся съ однимъ богачемъ, Яковомъ Филипповичемъ Шамовымъ. Наканунѣ своихъ именинъ Шамовъ пригласилъ его къ себѣ отслужить всенощную; Скриповъ не пошелъ, а послалъ своего помощника. На другой день Шамовъ опять позвалъ его отслужить молебенъ, но Скриповъ и на этотъ разъ отказался, говоря:

— У проклятыхъ женимыхъ нельзя молебенъ пѣть, и даже къ нимъ ходить погрѣшно; а съ ангеломъ ихъ, женимыхъ, поздравить никакъ нельзя, потому что они его не имѣютъ.

Шамовъ обидѣлся, сталъ подговаривать новоженовъ возстать противъ Скрипова. 3 ноября собралось 150 чело­вѣкъ отцовъ и знатнѣйшихъ мірянъ. У отцовъ спросили, согласны-ли они держать прежніе порядки. Двое сказали, что будутъ дѣйствовать по прежнему, а Скриповъ и Иванъ Гавриловъ стали за новоустроенныя московскія статьи. Скриповъ объявилъ собравшимся: „Я вамъ больше не отецъ, а вы мнѣ не дѣти“, и ушелъ. 27 ноября было новое собраніе, на которомъ рѣшили не признавать болѣе Скрипова наставникомъ; на его

мѣсто выбрали Александра Кирилловича Санникова. Скриповъ не смирился, сталъ всячески ругать новоженъ, про прежнихъ наставниковъ говорилъ, что они мучатся въ аду за то, что допускали бракъ. Чтобы санкціонировать свое постановленіе о сверженіи Скрипова, казанцы рѣшились обратиться къ преображенскимъ отцамъ. Отправлена была въ Москву депутація изъ отца Максима Ѳедорова и трехъ мірянъ. Имъ даны два письма. Въ этихъ письмахъ Скриповъ называется „неудержимымъ общественнаго порядка нарушителемъ, недоброжелателемъ, возмутителемъ общественнаго христіанскаго семейнаго благоустройства“. Казанцы уполномочиваютъ своихъ депутатовъ ходатайствовать передъ преображенскими отцами объ удаленіи Скрипова за то, что онъ „нарушаетъ порядки и чиноположенія церковныя, существовавшія въ ихъ обществѣ болѣе 100 лѣтъ, при блаженно - почившихъ отцахъ и вводитъ новыя уставы, никогда прежде не существовавшіе и которыхъ они не желаютъ принимать“. Депутатамъ поручено было требовать, чтобы допущена была исповѣдь всѣхъ женимыхъ безъ исключенія, чтобы отцы во время исповѣди молились съ исповѣдующимся, если онъ женатъ, а старыхъ женимыхъ принимать на общее моленіе.

Но на Преображенскомъ кладбищѣ весьма ловко распорядились съ депутатами: здѣшніе отцы склонили на свою сторону отца Максима Ѳедорова. 24 января пригласили на кладбище другихъ депутатовъ, и когда тѣ спросили: „Что же, принимаете-ли вы предписаніе нашего общества?“—имъ объявили: „Отцы ваши согласны съ нами, такъ что же вамъ идти противъ своихъ учителей; слѣдуйте за ними“. Когда казанцы попробовали настаивать на требованіи исповѣди для всѣхъ новоженъ, имъ сказали: Что же вамъ, больше всѣхъ, что-ли, надо? Давайте, помиримтесь“. На другой день разсматривали еще нѣкоторые вопросы; 26 января депутаты были приглашены въ обитель матери Евнѣи на мо-

леніе, послѣ котораго была „общекупная изобильная трапеза“. Во время трапезы казанцы сказали, что ихъ общество требуетъ удаленія Скрипова; но преображенскіе отцы не нашли законныхъ причинъ; Шамовъ, будучи въ „миролюбивомъ“ настроеніи, простилъ Скрипова. Вскорѣ послѣ этого депутаты уѣхали въ Казань. При отъѣздѣ имъ сдѣлали уступку, сказали: пусть казанскіе отцы исповѣдуютъ женимыхъ, какъ было до собора 18 августа 1883 г., а Скрипову шепнули, чтобы онъ постарался помириться съ обществомъ безъ шума. По возвращеніи депутатовъ въ Казань, тамошніе едосѣвцы снова собрались у Шамова 5 февраля. Узнавъ о мирѣ, заключенномъ со Скриповымъ, они стали выражать свое неудовольствіе; но Шамовъ объявилъ:

— Кто не желаетъ Василія Павловича въ отцы, вонъ отсюда.

Съ нимъ осталось очень немного народа. Съ тѣхъ поръ въ Казани идетъ постоянная смута. Скриповъ не ограничиваетъ круга своихъ дѣйствій одною Казанью, но всюду старается распространять бракоборныя правила 18 августа: ѣздилъ въ Оренбургъ, Самару, Чистополь. Не вездѣ онъ дѣйствовалъ съ успѣхомъ; въ Оренбургъ и Самарѣ его не послушались, но въ Чистополѣ онъ нашелъ ревностную послѣдовательницу и пропагандистку бракоборныхъ ученій, жену одного богатаго купца, Екатерину Челышову: она заставила мѣстнаго наставника принять соборныя правила, устроила нѣсколько разводовъ.

Борьба повсюду продолжается очень сильная; однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ послѣднихъ актовъ ея были „Вопросы“ Сенатова, о которыхъ я скажу въ слѣдующемъ письмѣ.

V.

Сочиненіе Г. В. Сенатова „Вопросы бывшего едосѣвскаго отца къ нынѣ сущимъ едосѣвскимъ отцамъ“

по содержанію можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рассказываетъ о своей жизни въ едосѣвскомъ обществѣ; во второй, состоящей изъ трехъ главъ, объясняетъ, вслѣдствіе чего и какимъ образомъ явились въ немъ сомнѣнія относительно безбрачнаго ученія, излагаетъ догматическія основанія своихъ сомнѣній и проситъ нынѣ существующихъ едосѣвскихъ отцовъ разрѣшить нѣкоторые его недоумѣнные вопросы, какъ согласить ихъ безбрачное ученіе со Священнымъ Писаніемъ. Въ этомъ же порядкѣ, полагаемъ, всего удобнѣе разсмотрѣть сочиненіе Сенатова.

Сенатовъ родомъ изъ Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, села Шульгина. Въ едосѣвское согласіе онъ перешелъ 23 лѣтъ. Онъ былъ уже женатъ, и у него была дочь. За нимъ перешла его жена. Какъ староженцовъ, Сенатова съ женою не разводили, позволили имъ жить въ одномъ домѣ, и не порывали съ ними общенія: ѣли, пили и молились съ ними, хотя духовный отецъ и убѣждалъ Сенатова: „Смотри, братецъ, ты теперь съ женою не сообщайся и не роди, а живи съ нею, какъ братъ съ сестрою“. Но „не смотря на все мое усердіе къ едосѣвскимъ правиламъ, пишетъ Сенатовъ,—мы этого правила не исполнили,—у насъ родился сынъ. Послѣ этого меня съ женою надо было отлучить бы на шести-недѣльный постъ, а по 45 статьѣ польскаго собора на полгода; но мой духовный отецъ, изъ любви ко мнѣ, освободилъ меня отъ этого, сказавъ: „За первый-то разъ я тебя прощу, а другой разъ смотри, не роди“. Это правило мы исполнили“.

Будучи въ обществѣ едосѣвцевъ, Сенатовъ около 14 лѣтъ судился за расколъ, полтора года содержался во владимірскомъ и муромскомъ острогахъ. Въ 1876 г. умерла его жена. Когда онъ, послѣ ея смерти, пришелъ къ наставнику Василию Егоровичу Улыбину, тотъ спросилъ его:

— Что, жениться будешь?

— Не надо бы, отвѣтилъ Сенатовъ.

— То-то, мой братецъ, смотри, не женись, а то будешь не нашъ. Что жениться?—дѣвокъ-то и такъ много!

Сенатовъ во второй разъ дѣйствительно не женился, хотя, какъ онъ говоритъ, болѣе потому, что у него были дѣти. Но слѣдуетъ замѣтить, что онъ въ это время былъ вообще противъ браковъ. Когда, послѣ описаннаго свиданія съ Василиемъ Егоровичемъ, онъ пріѣхалъ на родину и увидалъ одного брачнаго начетчика, то сказалъ ему, что къ нимъ не поидеть. Брачный спросилъ его: „почему же?“.

— Вы отступники; вы еретики, отвѣтилъ Сенатовъ.

— Въ чемъ же мы отступили и за что еретики?

„Понятно, говоритъ Сенатовъ, — что кромѣ одного ругательства, я на это отвѣтить ничего не могъ. Такъ много годовъ я называлъ брачныхъ еретиками и отступниками и не слушалъ никакихъ доводовъ Св. Писанія о бракѣ“. Тутъ много значилъ авторитетъ Улыбина: Сенатовъ ему подчинялся вполне безпрекословно. Два старика изъ его односельчанъ, тоже едосѣвцы, не разъ замѣчали ему:

— Гаврила Васильевичъ! бракъ-то вѣдь бы надо.

На это онъ или ничего не отвѣчалъ, или говорилъ: „Василій Егоровичъ говоритъ: не надо“.

Въ 1877 г. кончились судебныя преслѣдованія Сенатова, онъ былъ оправданъ, чѣмъ, какъ онъ говоритъ, онъ былъ много обязанъ своимъ доброжелателямъ И. И. Бухареву, отцу Василю Яковлевичу, попечителю Баранову и другимъ, съ которыми познакомился черезъ Улыбина. Осенью того же года онъ переѣхалъ въ Москву. Тутъ его вскорѣ поставили въ „отцы“, прежде съ дозволеніемъ стоять только панихиды, а потомъ крестить и исповѣдывать. Въ приходъ ему дали городъ Горбатовъ, Нижегородской губ., съ окрестными деревнями. Онъ ѣздилъ въ свой приходъ раза два-три въ годъ, остальное время жилъ въ Москвѣ. Къ этому-то

времени относится начало его сомнѣній относительно едосѣвскаго ученія о бракѣ. Онъ сталъ высказывать свои возраженія противъ этого ученія. Отцы старались его убѣждать оставить свои умствованія.

Однажды онъ гостилъ у Василия Егоровича. Тотъ уже зналъ, что Сенатовъ началъ поговаривать о бракѣ, и замѣтилъ ему:

— Кто бы мнѣ сказалъ, что съ самосводнымъ бракомъ (т. е. совершеннымъ безъ священника) гдѣ бынибудь и кто-нибудь спасся?

— А что, Василий Егоровичъ, Четьи-Минеи у васъ есть?

— Есть; но только ты тамъ ничего не найдешь.

Сенатовъ и все-таки требовалъ книги, Василий Егоровичъ сердито ему ихъ далъ. Сенатовъ показалъ ему житія нѣсколькихъ святыхъ „мужа и жены“, которые были не вѣнчаны.

— Вотъ ты какой! разсердился Василий Егоровичъ. — Тебѣ не надо читать еретическія книги (книга была напечатана въ Кіевѣ); ты и предкамъ-то не вѣришь!

— Такъ поѣдемъ въ Москву и тамъ посмотримъ Макарьевскія! *).

Но Василий Егоровичъ ничего не отвѣтилъ, а послѣ этого нѣсколько разъ замѣчалъ Сенатову:

— Лучше сто блудницъ имѣть, чѣмъ одну жену, и женою не называть. Это дѣло пагубно, потому что будутъ дѣти, а съ дѣтьми спастись трудно. А то соблудилъ да опять одинъ остался: тогда и покаяться можно, а съ женою, братецъ мой, каяться нѣкогда. Да какой дуракъ и приметь женатаго на покаяніе?

Въ январѣ 1882 года призвалъ къ себѣ Сенатова старецъ Василій Яковлевичъ, и сказалъ ему:

---

*) Макарьевскія Четьи-Минеи, составленныя митрополитомъ всероссійскимъ Макаріемъ во времена Іоанна Грознаго, очень уважаемыя раскольниками; два списка ихъ, такъ-называемые Успенскій и Царскій, хранятся въ московской синодальной библіотекѣ.

— Я тебя хочу пожалѣть. Тебя завтра призовутъ на собраніе и станутъ говорить, чтобы ты къ новоженамъ поменьше ходилъ, и ты тогда попрощайся и скажи: „Я болѣе къ новоженамъ ходить не стану“.

— Да я зачѣмъ къ нимъ хожу? спросилъ Сенатовъ.

— Ты ихъ исповѣдываешь безъ развода и дѣтей у нихъ крестишь.

— Я не могу, чтобы ихъ не исповѣдывать и чтобы дѣтей у нихъ не крестить. Я буду новоженцовъ исповѣдывать и дѣтей у нихъ буду крестить. А ты, батюшка, скажи мнѣ, Господа ради, чѣмъ новоженцы-то больно не хороши?

— Какой ты, братецъ, непонятный!— они богоотступники: женъ женами признаютъ.

— А чѣмъ лучше тѣ, которые разныхъ женъ имѣютъ и дѣтей бросаютъ?

— Они тайные грѣшники. Пусть они родятъ, да въ царство небесное пускаютъ.

— А какъ это въ царство небесное пустить?

— Пусть крестятъ да утопятъ; вотъ младенецъ-то и будетъ мученикъ.

— А матери-то что за это будетъ?

— Ребенокъ-то ея замолить этотъ грѣхъ, потому что она его сдѣлала мученикомъ.

Другое подобное же наставленіе убивать дѣтей было дано сыну Сенатова старцемъ Егоромъ Яковлевичемъ Каревымъ. Молодой Сенатовъ, когда сестра его вышла замужъ, пришелъ къ Кареву и сказалъ ему объ этомъ. Каревъ ему замѣтилъ: „Жалко, очень жалко,—теперь она сдѣлалась еретичкою; лучше бы хоть пять разъ родила, да уморила,—это только грѣхъ (т.-е. гораздо меньше ереси)“.

О своихъ дальнѣйшихъ препирательствахъ съ бракоборами Сенатовъ сообщаетъ нѣкоторыя незначительныя подробности, которыя мы опускаемъ, такъ какъ читателямъ извѣстны ходъ и результатъ этихъ споровъ.

и переходимъ ко второй части его сочиненія, гдѣ онъ объясняетъ, какъ въ немъ зародились сомнѣнія относительно бракоборныхъ ученій еедосѣвской секты. Сдѣлавшись „отцомъ“, онъ сталъ подробнѣе знакомиться съ жизнью своихъ духовныхъ дѣтей, и нашелъ ее „крайне развратною у дѣвственниковъ, не женившихся не по своему желанію и не изъ любви къ Богу, а по требованію еедосѣвскаго ученія; напротивъ же, чистою въ сравненіи съ нею и свѣтлою у женимыхъ“. „Жизнь дѣвственниковъ, говоритъ Сенатовъ,—была не только развратная, но даже скотоподобная, какъ жизнь исполиновъ во времена Ноя. Это меня потрясло и напалъ на меня великій страхъ. Да и какъ не утрашиться. Тѣ, которыхъ мнѣ запрещено было исповѣдывать и которые не удостоены христіанскаго наименованія, вели жизнь, достойную подражанія, а тѣ, которые называются дѣвственниками, вели жизнь, не только не достойную наименованія дѣвственной, не только не достойную подражанія, но даже достойную названія исполинской и содомской“.

Замѣтивъ такой контрастъ между догмою и жизнью, Сенатовъ сталъ вдумываться въ его причины, сталъ провѣрять самое ученіе, насколько оно согласно со Св. Писаніемъ. Въ сочиненіяхъ еедосѣвскихъ учителей онъ увидалъ такіа изреченія: „Всѣмъ народамъ по всей поднебесной, всякимъ животнымъ, скотамъ, птицамъ и пресмыкающимся гадамъ попущено дѣтоплодство, а у насъ оно отнято и запрещено, потому что мы лишены священнаго чина“. Или: „Мы хотя и не иноки, однако отличаемся отъ мірянъ, такъ какъ не имѣемъ женъ и дѣтей не рождаемъ“. Или: „Кто осмѣливается вступать въ бракъ, воздвигаетъ печать антихристову“. Но изученіе евангелія и твореній святыхъ отцовъ привело Сенатова къ выводамъ, совершенно противнымъ этимъ положеніямъ: на дѣвство нѣтъ повелѣнія, но совѣтъ; дѣвствовать могутъ только тѣ, кому дано свыше; дѣв-

ство безъ брака лишается хвалы; мужъ и жена не могутъ разлучаться другъ отъ друга; безъ брака не можетъ продолжаться родъ человѣческій.

Какъ я уже говорилъ раньше, безпоповцы отвергаютъ бракъ потому, что за отсутствіемъ у нихъ священства, некому совершать бракъ. Простецъ не можетъ совершать бракъ. Но Сенатовъ противъ этого возражаетъ очень вѣско: простецы у безпоповцевъ судятъ и отлучаютъ еретиковъ, на что они не имѣютъ никакого права: судить могутъ только епископы, а если простецы нарушаютъ это правило, то конечно могутъ совершать бракъ, тѣмъ болѣе, что безсвященнословный бракъ существовалъ въ церкви до Алексѣя Комнена. Сенатовъ полагаетъ, что безсвященнословный бракъ нельзя принимать при существованіи саященства; но когда нѣтъ священства, и великія таинства крещенія и покаянія, противно каноническимъ правиламъ, совершаются простецами, то и бракъ безсвященнословный можно считать законнымъ, чтобы имѣть ограду отъ разврата и блуда.

Разсказавъ свою жизнь въ еедосѣевскомъ обществѣ и объяснивъ возникновеніе своихъ сомнѣній и ихъ догматическія основанія, Сенатовъ, въ концѣ своего сочиненія, предлагаетъ преображенскимъ отцамъ разрѣшить 36 вопросовъ. Укажу наиболѣе характерные изъ нихъ:

Вопросъ 3. Приѣмля и читая символъ святой вѣры: Вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, но не признавая естественнаго закона, т.-е. брака и чадородія, можете-ли вы признавать Бога Отца Вседержителемъ?

Вопросъ 4—7. Въ настоящее время промышляетъ-ли Богъ о родѣ человѣческомъ, чтобы онъ не погрязъ въ блудѣ и продолжался? Выражается-ли этотъ промыселъ такъ, какъ прежде?

Вопросъ 20. Вы учите: „и женъ не имѣемъ и чадъ

не рожаемъ“; для чего же на Преображенскомъ кладбищѣ была построена дѣтская палата?

Вопросъ 26—27. Можетъ-ли церковь Христова для своего существованія нуждаться въ приходящихъ изъ невѣрія? Именно ваше общество имѣетъ такую нужду. Положимъ, что ваше общество есть церковь Христова. Что будетъ съ нею, если весь міръ до единого человѣка обратится къ ней, чего церковь Христова проситъ у Бога ежедневно? чѣмъ тогда она будетъ наполняться? Православнымъ христіанамъ множиться запрещено, а невѣрныхъ, которыми она теперь наполняется, уже не будетъ.

Нельзя не замѣтить въ этихъ вопросахъ нѣкотораго рационалистическаго оттѣнка, который вообще иногда замѣчается въ безпоповщинскихъ сочиненіяхъ; авторъ не основывается на одномъ Священномъ Писаніи, а старается разбить противника логикою. Я уже имѣлъ случай указать на присутствіе такого рационализма въ вопросахъ казанскихъ едосѣвцевъ. Вопросы Сенатова, какъ я сказалъ въ одномъ изъ прежнихъ писемъ, были послѣднимъ замѣчательнымъ актомъ новоженской оппозиціи. Оппозиція очень сильна, и проявленія ея приводятъ въ смущеніе бракоборовъ. Новоженцы не стѣсняются выставлать противъ нихъ всякія обвиненія въ развратѣ, блудѣ, дѣтубійствѣ, непризнаніи властей, причемъ многое преувеличиваютъ. Новоженцы дѣйствуютъ чрезъ прессу, каррикатурами, проповѣдью. Можно положительно сказать, что они сильно повредили своимъ противникамъ. Одинъ изъ самыхъ преданныхъ послѣдователей бракоборовъ, со слезами на глазахъ, говорилъ, что всѣ ихъ обличенія страшно уронили авторитетъ Преображенскаго кладбища, что многіе благочестивые люди, повѣривъ разнымъ „сплетнямъ“, стали смотрѣть на кладбище едва-ли не хуже, чѣмъ на помойную яму, какъ на самую ужасную мерзость. Авторитетъ кладбища нужно поднять; бороться съ новоже-

нами трудно, и какъ я слышалъ, бракоборы готовы на уступки, компромиссы. Быть можетъ, предстоящій новъй еедосѣевскій соборъ въ Москвѣ, о которомъ на дняхъ сообщили „Совр. Изв.“, именно для того и собирается, чтобы выработать эти компромиссы, хотя газета утверждаетъ, напротивъ, что соборъ только еще сильнѣе подкрѣпитъ бракоборство. Мнѣ кажется, что созывать соборъ для того только, чтобы постановить старыя правила, не стоитъ: изъ истинныхъ еедосѣевцевъ ихъ никто не отвергаетъ; собору должны быть предложены новые вопросы.

Сообщая объ этомъ новомъ соборѣ, „Совр. Изв.“ снова поднимаютъ вопросъ о дѣтоубійствѣ: „Сколькими новыми гостями обзаведется воспитательный домъ, говоритъ газета,—а можетъ быть и жертвами Хапиловскій и другіе пруды!“ Но вѣрно-ли все то, что разсказывается о дѣтоубійствѣ у еедосѣевцевъ? Дѣйствительно-ли оно существуетъ у нихъ, или оно есть только логическій выводъ ихъ противниковъ? Вѣдь по аналогіи съ другими случаями, гдѣ безбрачіе вело къ дѣтоубійству, легко найти его и у еедосѣевцевъ, и такая аналогія часто приводится. Надо обратить особенное вниманіе, откуда идутъ сообщенія о дѣтоубійствѣ у еедосѣевцевъ. Они распространяются послѣдователями нѣкоторыхъ другихъ сектъ, еедосѣевцами, оставившими свое общество, перешедшими въ православіе или въ другую секту. Но можно-ли имъ вполне довѣрять? Вѣдь это все враги еедосѣевцевъ, и враги очень озлобленные, какъ всѣ перемѣняющіе свою вѣру, а свидѣтельство врага, даже добросовѣстнаго человѣка, не можетъ быть безпристрастно. Далѣе замѣчу, что дѣтоубійство не есть исключительно еедосѣевское явленіе, и происходитъ часто отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ какими-либо догмами: женскій стыдъ приводитъ интеллигентныхъ барышень къ тому же дѣтоубійству и вытравленію плода, а въ нѣкоторыхъ на-

шихъ промышленныхъ губерніяхъ, говорятъ, крестьянки душать своихъ дѣтей вслѣдствіе мѣстныхъ экономическихъ условій; эти же условія породили на Западѣ такъ называемую *Zweikindersystem*. Но могутъ возразить, что дѣтоубійство есть именно догма еедосѣвцевъ. На это я отвѣчу, что это доктрина только весьма немногихъ изувѣровъ, почти совсѣмъ не имѣющихъ послѣдователей. Сенатовъ 27 лѣтъ былъ еедосѣвцемъ, и только въ послѣдній годъ услыхалъ отъ отца Василія Яковлевича приведенное мною выше наставленіе топить дѣтей. Я разспрашивалъ объ этомъ предметѣ раскольниковъ; они отвергають и называютъ клеветою и сплетнею всѣ извѣстія о дѣтоубійствѣ; но особенно цѣнно для меня показаніе одного очень почтеннаго человѣка, который былъ до 60 лѣтъ еедосѣвцемъ и перешелъ въ православіе: ему нѣтъ нужды защищать своихъ бывшихъ единовѣрцевъ; я ожидалъ, напротивъ, что онъ, какъ и всѣ перешедшіе изъ раскола, станетъ ихъ ругать, но онъ на мой вопросъ о дѣтоубійствѣ отвѣтилъ: „Когда я былъ раскольниковъ, я у своихъ ничего такого не зачѣчалъ и не слыхалъ; вѣдь на нихъ очень много взводятъ напраслины“. Замѣчу еще, что этотъ мой собесѣдникъ занималъ между еедосѣвцами видное мѣсто, такъ что тайнѣ отъ него не было. На раскольниковъ дѣйствительно взводятъ много напраслины: напримѣръ, въ Костромской губерніи про странниковъ рассказываютъ, что при приближеніи смерти, родственники увозятъ ихъ въ лѣсъ и тамъ душать, и для большой, вѣроятно, правдоподобности прибавляютъ, что по ихъ ученію, насильственная смерть вѣнчается на томъ свѣтѣ въ мученіе; но это чистѣйшая басня. Можно много подыскать и другихъ примѣровъ напраслины, взводимой на раскольниковъ. Поэтому, мы сомнѣваемся также и въ истинѣ всѣхъ рассказовъ о дѣтоубійствѣ у еедосѣвцевъ. Да наконецъ, странно, чтобы

такое преступленіе, систематически повторяющееся, могло скрываться вполне от прокурорскаго надзора.

Замѣчу еще, что дѣтубійство совсѣмъ даже не нужно. Ученіе о безбрачїи обходится всяческими способами: не говоря уже о новоженахъ и староженахъ, его обходятъ и настоящіе еедосѣвцы. У нихъ есть такъ называемыя „стряпухи“, „пожилочки“—любовницы. Съ любовницами этими они живутъ, какъ съ женами; выходить нѣчто въ родѣ римскаго конкубината. Противъ конкубината возстаютъ съ канонической точки зрѣнія, но пора оставить каноническую точку зрѣнія въ отношеніи къ раскольникамъ: вѣдь съ канонической точки зрѣнія не имѣетъ никакого значенія и безсвятеннословный бракъ новоженоевъ, которыхъ теперь принимаютъ подъ защиту нѣкоторые органы печати. Съ государственной точки зрѣнія конкубинатъ допустимъ, лишь бы не было разврата. Я не думаю отрицать, что на Преображенскомъ кладбищѣ есть развратъ, и довольно сильный; но не надо забывать, что гдѣ деньги, тамъ и развратъ,—развратны дѣйствительно нѣкоторые богачи купцы изъ прихожанъ кладбища, но большинство прихожанъ, населеніе Преображенскаго и Семеновскаго—народъ трезвый, трудолюбивый, очень хорошій; въ Преображенскомъ всего 3—4 кабака на довольно большомъ пространствѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ Москвы, гдѣ населеніе православное, на такой же площади, какъ Преображенское, кабаковъ въ 5—6 разъ больше.

„Совр. Изв.“ и редакторъ ихъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, въ статьѣ своей „Логика раскола“, помѣщенной въ № 7 „Руси“ за нынѣшній годъ, особенно указываютъ на то, что бракоры составляютъ власть Преображенскаго кладбища, утвержденную правительствомъ. Попечители пожизненные, и новожены лишены права ихъ перевыбрать, а поэтому „правительственное кажущееся невмѣшательство обращается-де на дѣлѣ

въ содѣйствіе одной сторонѣ противъ другой съ при-
нуждающею силою“. Правительство поддерживаетъ та-
кимъ образомъ бракорборныя ученія. Дѣйствительно,
слѣдуетъ сожалѣть, что правительство создало на
Преображенскомъ кладбищѣ своего рода еедосѣвскую
ортодоксію съ іерархическимъ строемъ. Такая же орто-
доксія была создана у насъ для мусульманъ; она за-
труднила переходъ изъ мусульманства въ православіе,
и ортодоксія Преображенскаго кладбища составляетъ
сильную охрану раскола. Но чтобы власть, утвержден-
ная на кладбищѣ правительствомъ, имѣла непрекае-
мый авторитетъ въ глазахъ раскольниковъ,—это сом-
нительно. Всѣ еедосѣвцы уважаютъ кладбище, какъ
святыню, но подчиняться попечителямъ въ дѣлахъ
вѣры, потому что они назначены правительствомъ, они
не станутъ, и тѣ ихъ никакъ не принудятъ. Расколь-
ники „не терпятъ бюрократическаго вмѣшательства въ
церковныя дѣла“, говоритъ самъ Н. П. Гиляровъ-Пла-
тоновъ; у нихъ въ церковныхъ вопросахъ ревниво обе-
регается свобода, и авторитетъ попечителей Преобра-
женскаго кладбища нисколько не увеличивается отъ
того, что они утверждены правительствомъ.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ еще объ од-
номъ обвиненіи, выставляемомъ противъ еедосѣвцевъ
„Совр. Извѣстіями,—въ томъ, что они отвергаютъ мо-
литву за царя. Объ этомъ вопросѣ на соборѣ 18 ав-
густа 1883 года не было рѣчи, по крайней мѣрѣ въ
соборномъ „дѣяніи“ о томъ нѣтъ никакого постановле-
нія. Подняты снова эти толки новоженами, которымъ
выгодно выставить еедосѣвцевъ передъ правитель-
ствомъ людьми неблагонадежными въ политическомъ
отношеніи. Отверженіе молитвы за царя, во всякомъ
случаѣ, нисколько не мѣшаетъ еедосѣвцамъ быть вѣр-
ными слугами царя: въ 1863 году, въ западныхъ гу-
берніяхъ, они добровольно вооружились противъ поль-
скихъ мятежниковъ; тогда же еедосѣвцы съ Преобра-

женскаго кладбища подали адресъ покойному государю императору Александру II, въ которомъ высказали свое сочувствіе его реформамъ извѣстными словами: „въ новизнахъ твоего царствованія намъ святая наша старина слышится“. Припомнимъ слова покойнаго П. И. Мельникова: „сектъ, не признающихъ царской власти, я не знаю“. Слова эти вполне приложимы къ еедосѣвцамъ.

VI.

До сихъ поръ въ своихъ письмахъ, говоря о еедосѣвцахъ, я не касался другой половины населенія Преображенскаго кладбища, единовѣрцевъ, живущихъ въ Никольскомъ монастырѣ, а между тѣмъ нѣкоторыя личности изъ ихъ среды заслуживаютъ полнаго вниманія, по своей неусыпной дѣятельности противъ раскола. Чуть-ли не каждая книжка „Братскаго Слова“, противораскольническаго журнала, издаваемого „братствомъ Петра митрополита“, подъ редакцію профессора московской духовной академіи Н. И. Субботина, заключаетъ въ себѣ двѣ-три статьи, вышедшія изъ пера кого-либо изъ братій единовѣрческаго монастыря. Тутъ мы находимъ описанія бесѣдъ съ раскольниками разныхъ толковъ, обличенія разныхъ раскольническихъ мнѣній, воспоминанія авторовъ объ ихъ жизни въ расколѣ, извѣстія о разныхъ сектахъ, о событіяхъ, происходящихъ въ расколѣ и т. п. Большую услугу единовѣрцамъ въ ихъ полемикѣ съ расколомъ оказываетъ находящаяся въ монастырѣ библіотека покойнаго А. И. Хлудова: въ этой библіотекѣ собрана масса рукописей, старопечатныхъ книгъ, особенно же богата она сочиненіями раскольниковъ; можно сказать смѣло, что такого подбора раскольничьихъ произведеній нѣтъ ни въ какой другой общественной библіотекѣ, такъ что для всякаго, изучающаго исторію и догму раскола, библіо-

тека Хлудова представляет неоцѣненную сокровищницу. *) Братія монастырская постоянно пользуется этою библіотекою: книги изъ нея часто приносятся во время споровъ, бывающихъ на кладбищѣ по воскресеньямъ, описанныхъ мною въ первыхъ двухъ письмахъ; въ своихъ полемическихъ статьяхъ авторы изъ единовѣрцевъ часто ссылаются на хлудовскія рукописи; въ прошломъ году помощникъ библіотекаря, Д. И. Харитоновъ, издалъ „Указатель свидѣтельствъ въ защиту православія, заключающихся въ рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ Хлудовской библіотеки“; эта небольшая брошюра обнаруживаетъ въ авторѣ необыкновенное знакомство съ библіотекою. Изъ другихъ писателей-единовѣрцевъ наиболѣе отличается начитанностью іеромонахъ Филаретъ; его сочиненія просто поражаютъ массою ссылокъ, причемъ онъ знакомъ, кромѣ Хлудовскаго, со многими другими книгохранилищами, напримѣръ съ библіотеками московской и петербургской духовныхъ академій и Троице-Сергіевой лавры.

Но самый замѣчательный изъ всѣхъ этихъ писателей—настоятель монастыря, архимандритъ Павелъ. Его сочиненія, изданныя въ двухъ томахъ, очень распространены; въ теченіи 10 лѣтъ они вышли четвертымъ изданіемъ **). У насъ есть много писателей, и притомъ весьма замѣчательныхъ, сочиненія которыхъ очень много читаются въ народѣ, но почти совсѣмъ неизвѣстны образованному обществу; нѣкоторые наши народники знаютъ ихъ, пожалуй, меньше всего, а между тѣмъ казалось бы, необходимо, толкуя о народѣ, постараться изу-

*) Долженъ оговориться, что въ настоящее время рядомъ съ Хлудовскимъ собраніемъ по обилію раскольниковыхъ рукописей должны быть поставлены Богдановское (въ Имп. Публичной Библіотекѣ) и Барсовское и Макаріевское (въ Кіевѣ), которыя не были извѣстны, когда была впервые напечатана эта статья (1886 г.).

**) Замѣчу кстати, что они очень дешевы; два большихъ тома въ 1,500 страницъ стоятъ 1 р. 75 коп., такъ-что оплачиваются даже только расходы, а прибыли никакой не получается.

читать его духовные интересы: кто, напримеръ, имѣетъ понятіе о „Розыскѣ“ св. Дмитрія Ростовскаго, или о сочиненіяхъ Тихона Задонскаго? Въ курсахъ исторіи русской литературы подробно трактуется о „Россіадѣ“ Хераскова или о „Телемахидѣ“ Третьяковскаго, но объ указанныхъ писателяхъ не говорится ничего, а они поважнѣе. Къ такимъ-то писателямъ, хорошо знакомымъ народу и совсѣмъ неизвѣстнымъ интеллигенціи, принадлежитъ и архимандритъ Павелъ.

Прежде чѣмъ говорить о сочиненіяхъ о. Павла, сообщу кое-что изъ его біографіи. О. Павелъ родился въ Сызрани; онъ былъ еедосѣвецъ, и довольно ревностный, но уже въ Сызрани въ немъ стали возникать сомнѣнія относительно безбрачія; однако, онъ ихъ не высказывалъ открыто. Очень рано онъ сдѣлался монахомъ и наставникомъ въ своей сторонѣ. Въ концѣ 40 годовъ онъ пришелъ въ Преображенское кладбище, гдѣ прожилъ лѣтъ 10; здѣсь въ немъ окончательно укрѣпился и созрѣлъ протестъ противъ безбрачія; онъ сталъ говорить, что бракъ нуженъ, преображенскіе наставники увѣщевали его оставить такія ученія, начались сильныя раздоры. Павелъ рѣшился дѣйствовать энергично: ушелъ въ Пруссію, купилъ тамъ себѣ клочекъ земли, на которомъ построилъ небольшой монастырь; около него собралось нѣсколько другихъ еедосѣвскихъ иноковъ, и началась пропаганда брака. Еедосѣвцы распространяли про Павла разные сплетни: что онъ страшный сластолюбецъ, хотя и притворяется монахомъ; что онъ самъ хочетъ жениться, чтобы сдѣлался православнымъ попомъ и т. п. Но это не смущало Павла; при монастырѣ была устроена типографія, и въ ней онъ издалъ два свои сочиненія въ защиту браковъ: „Царскій путь“ и „Сборникъ сочиненій о бракахъ“. Последнее сочиненіе написано въ началѣ настоящаго столѣтія еедосѣвцемъ Андреяномъ Сергѣевичемъ, но Павелъ его совершенно переработалъ въ своемъ изданіи. Аргу-

ментация Павла въ защиту брака та же самая, что употребляется повоженами, поэтому мы о ней не будемъ распространяться. Главное положеніе, на чемъ особенно настаивалъ Павелъ, заключалось въ томъ, что авторитетъ евангелія выше всякихъ отеческихъ писаній, а въ особенности сочиненій едосѣвскихъ наставниковъ. Установивъ непререкаемость авторитета Священнаго Писанія, Павелъ увидалъ, что безпоповство не согласно во многомъ съ евангеліемъ; его стала беспокоить неправильность самой основы безпоповщины, отсутствіе священства. „Мы познали, говорить онъ о себѣ и своихъ товарищахъ-инокахъ, — бѣдственное вѣтъ церкви положеніе; тогда мы заметались, подобно утопающимъ, хотѣли ѣхать туда и сюда отыскивать церковь, а все некуда, — дѣлать то и сѣ, а все нечего. Въ этомъ нашемъ положеніи мы похожи были на дитя въ большомъ лѣсу, потерявшее матеръ, — глядитъ оно на всѣ стороны, а ничего не видитъ, — хочетъ бѣжать туда и сюда, а само не знаетъ, куда ему бѣжать!“ Попробовали они устроить нѣчто въ родѣ австрійской іерархіи, и ихъ планы раздѣлялъ авторъ знаменитаго „Окружнаго посланія“, начетчикъ изъ поповцевъ Иларіонъ Егоровичъ, но эта мысль была ими оставлена. Наконецъ, въ 1866 г. о. Павелъ присоединился къ православію и постригся въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ. За нимъ перешло въ православіе нѣсколько иноковъ его прусской обители. Перейдя въ православіе, о. Павелъ скоро сталъ игуменомъ, а потомъ и архимандритомъ единовѣрческаго монастыря. Его дѣятельность противъ раскола очень замѣчательна: онъ постоянно ведетъ бесѣды съ разными раскольниками, совершилъ нѣсколько путешествій по Россіи съ миссіонерскою цѣлью, два раза ѣздили къ литовскимъ старообрядцамъ, два раза на Донъ, разъ по Волгѣ, на Кавказъ, ѣздили за границу, при этомъ онъ постоянно помѣщаетъ разныя статьи въ „Братскомъ Словѣ“. Какъ собесѣдникъ, онъ гро-

за раскольниковъ, рѣдкій противъ него рѣшается спорить. „Хорошо говоритъ о. Павелъ, сообщалъ мнѣ одинъ пріятель,—иной разъ скажетъ одно слово, такъ лучше, чѣмъ у другаго десять; такъ просто насквозь тебя проймаютъ“.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію сочиненій о. Павла. Ихъ можно раздѣлить на нѣсколько разрядовъ: описанія бесѣдъ, слова, обличенія раскольниковыхъ мнѣній, описанія путешествій, и этнографическо-историческія статьи. Я не буду подробно говорить обо всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, а ограничусь только сообщеніемъ свѣдѣній, которыя можно изъ нихъ почерпнуть о различныхъ раскольниковыхъ сектахъ и толкахъ; особенно важно въ этомъ отношеніи одно изъ послѣднихъ сочиненій о. Павла: „Краткія извѣстія о существующихъ въ расколѣ сектахъ“. Это не есть полное изложеніе исторіи и ученій раскольниковыхъ сектъ, не ученое изслѣдованіе; о. Павелъ „пишетъ преимущественно по своимъ личнымъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ, излагаетъ преимущественно то, что знаетъ изъ живыхъ сношеній со старообрядцами разныхъ сектъ, ничего не утаивая и ничего не прибавляя“.

Всѣ раскольниковыя секты о. Павелъ дѣлитъ на 3 разряда: 1) поповщинскія, признающія священство и таинства; ихъ онъ насчитываетъ 7; 2) безпоповщинскія перекрещенскія, отвергающія священство и таинства и принимающія переходящихъ къ нимъ отъ другихъ сектъ и исповѣданій черезъ перекрещиваніе—20 сектъ; 3) безпоповщинскія не перекрещенскія—3 секты. Раздѣленія между поповцами происходятъ главнымъ образомъ изъ-за вопроса, откуда брать поповъ? Одни берутъ поповъ изъ православной церкви, причемъ опять происходятъ споры о томъ, какъ принимать этихъ поповъ, нужно-ли ихъ снова помазывать мѣромъ, или достаточно, чтобы они отреклись отъ ересей, въ которыхъ обвиняется раскольниками православная церковь;

другіе завели собственную, такъ-называемую австрійскую, іерархію, и въ бѣглыхъ полахъ не нуждаются.

У безпоповцевъ гораздо больше раздѣленій, они происходятъ иногда изъ за самыхъ незначительныхъ причинъ, такъ-что описать всѣ существующія секты нѣтъ возможности. Есть толкъ рябиновцевъ, которые не поклоняются нѣкоторымъ иконамъ, потому что на нихъ кромѣ поклоняемаго лица есть лица постороннія: напримѣръ не поклоняются иконѣ входа Спасителя въ Іерусалимъ, на которой Христосъ изображенъ сидящимъ на ослѣ, говоря, что животному не должно поклоняться; объ иконѣ Воскресенія на которой изображено разрушеніе ада, говорятъ, что тутъ адъ написанъ, недостойно ему поклоняться. Дырники совсѣмъ не поклоняются иконамъ, потому что новописанныхъ иконъ некому освятить, а древнія иконы, освященныя прежними благочестивыми священниками, осквернены еретиками, т.-е. православными; они говорятъ: нынѣ по нуждѣ, за неимѣніемъ иконъ, нужно поклоняться на востокъ; такъ какъ зимою и ночью не всегда бываетъ удобно выходить изъ дома на молитву или открывать окно на востокъ, а молиться на востокъ черезъ стѣну или сквозь окна считается грѣхомъ, то они обыкновенно дѣлаютъ въ восточной стѣнѣ небольшую дыру, и когда нужно, вынувъ затычку дыры, молятся на востокъ. Средники утверждаютъ, что во время Петра Великаго, когда новый годъ былъ перенесенъ съ 1 сентября на 1 января, въ лѣтосчисленіи отъ Рождества Христова измѣнены или передвинуты и самые дни, такъ-что нынѣшняя среда была прежде воскресеньемъ, поэтому они среду считаютъ воскресеньемъ и празднуютъ, какъ день воскресный, а въ воскресенье, какъ въ будни, работаютъ, и первый день пасхи тоже празднуютъ въ среду.

Изъ безпоповщинскихъ сектъ, описываемыхъ о. Павломъ, скажемъ прежде всего о еедосѣвцахъ. О. Па-

вель говорить о пяти еедосѣевскихъ толкахъ: чистые московскіе еедосѣевцы, аристовы, титловщина, польскіе еедосѣевцы и рижскіе. Главныя различія между этими толками заключаются во взглядѣ на бракъ и молитву за царя; польскіе и рижскіе относятся къ браку гораздо снисходительнѣе московскихъ, у рижскихъ есть даже извѣстный обрядъ совершенія брака; гораздо строже аристовы и московскіе еедосѣевцы; титловщина отличается отъ другихъ еедосѣевскихъ толковъ единственно ученіемъ о надписи на крестѣ: І. Н. Ц. І. (Ісусъ Назарянинъ Царь Іудейскій) и строгимъ соблюденіемъ стариннаго еедосѣевского преданія: молиться за пищу, покупаемую на рынкѣ.

Я уже говорилъ раньше о нѣкоторыхъ способахъ обходить безбрачныя ученія, употребляемыхъ еедосѣевцами; укажу еще на нѣкоторые подобные обходы, упоминаемые о. Павломъ. Новожены безъ развода не допускаются на исповѣдь; такое положеніе сильно гнететъ многихъ благочестивыхъ людей, и они стараются найти выходъ изъ него или въ православіе, или въ какую-либо секту, признающую бракъ; еедосѣевскіе отцы, видя такую опасность для своей секты, выдумали довольно казуистическій пріемъ: они исповѣдуютъ женатыхъ не стоя, какъ это обыкновенно дѣлается, а сидя. Если какой-нибудь ревнитель, какъ это часто случается, нападаетъ на отца, зачѣмъ онъ исповѣдывалъ женатого, тотъ отвѣчаетъ: „Я не исповѣдывалъ, мы только бесѣду имѣли, посовѣтывали въ купѣ, какъ ему отъ грѣха избыть“. Если самъ исповѣдующійся спроситъ отца, отчего его не исповѣдуетъ по чину, отчего оба сидятъ, а не стоятъ на исповѣди, отецъ говоритъ: „Нельзя, другъ! я бы и радъ иначе сдѣлать, да меня самого отлучать, а ты довольствуйся и такую исповѣдь“. Одинъ еедосѣевскій наставникъ объяснялъ отцу Павлу, что „эта исповѣдь не считается за исповѣдь, а дѣлается такъ единственно для успокоенія вол-

нующейся совѣсти женатаго человѣка“. Другіе наставники при исповѣди женатыхъ поступаютъ иначе: они исповѣдуютъ ихъ, какъ слѣдуетъ, стоя, но велятъ исповѣднику читать все положенное въ чинѣ исповѣди самому и съ нимъ не молятся; или сами читаютъ, но не позволяютъ при этомъ исповѣднику съ собою молиться. Кромѣ этого, употребляется такая уловка: исповѣдуя женатыхъ, наставники не спрашиваютъ ихъ о бракѣ, а довольствуются общимъ отвѣтомъ о всѣхъ грѣхахъ и обѣщаніемъ впредь не грѣшить, такъ что бракъ тутъ подразумѣвается,—подобный способъ напоминаетъ іезуитскую мысленную оговорку, *restrictio mentalis*. Такимъ же образомъ поступаютъ иногда едосѣвскіе наставники и при приѣмѣ женатыхъ, переходящихъ въ ихъ секту изъ православія или брачныхъ раскольническихъ согласій: они не требуютъ отъ нихъ прямого отрицанія отъ брака, а допускаютъ при перекрещиваніи одно только общее отрицаніе отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его.

Изъ видовъ едосѣвскаго брачнаго сожителства я уже упоминалъ о новоженахъ и староженахъ, теперь скажу нѣсколько словъ о такъ называемыхъ „половинкахъ“. Если едосѣвецъ (мужъ или жена) вступить въ бракъ съ лицомъ иной вѣры, напримѣръ изъ православныхъ, или изъ поповцевъ, и случится послѣ того, что это лицо, вступивши съ едосѣвцемъ въ бракъ, приметъ также едосѣвство, то такое лицо называется половинкою. Какъ вступившее въ едосѣвскую секту послѣ бракосочетанія, оно могло бы называться—староженомъ, но такъ его назвать нельзя, потому что оно состояло въ бракѣ не съ невѣрнымъ, а съ едосѣвцемъ—новоженомъ. Такимъ образомъ изъ супруговъ одна только половина считается вѣрною, отсюда и присвоено ей названіе „половинка“, а другая половина называется новоженомъ или новоженкою. Половинка принимается въ едосѣвство подъ условіемъ безбрачія, оставляется

на общее сожитіе съ новоженомъ или новоженкою не иначе, какъ съ обѣщаніемъ чистаго, цѣломудреннаго житія, даже съ обязательствомъ охранять отъ паденія лицо, съ нею сожительствующее. Если же, по переходѣ половинки въ едосѣвство, родится у супруговъ дитя, тогда и половинка подвергается отлученію и не допускается на общую молитву.

Близко стоятъ къ едосѣвцамъ, по своему ученію о бракѣ, филипповцы или филиппоны; главный центръ филипповскихъ бракоборовъ — знаменитое промышленное село Кимры (Тверской губерніи); кимрскіе филипповцы потребовали отъ московскихъ, чтобы староженцовъ, у которыхъ родятся дѣти, не принимать на общее моленіе безъ развода; тѣ не согласились на это, произошло раздѣленіе: кимрскіе называютъ московскихъ „чадо-родными“, а тѣ ихъ — „нечадородными“.

Изъ другихъ сектъ, описываемыхъ архимандритомъ Павломъ, скажу нѣсколько словъ о странникахъ и нѣтовцахъ. Странники представляютъ собою самый радикальный безпоповщинскій перекрещенскій толкъ; это секта характера противогосударственнаго. По ученію всѣхъ перекрещенцевъ, антихристъ царствуетъ въ мірѣ духовно, но странники нашли въ Писаніи, что антихристъ будетъ чувственный человѣкъ, царь, и такимъ антихристомъ объявили русскую государственную власть ея постановленій, какъ нечестивыхъ, не должно исполнять; гражданскій бытъ, гражданскія обязанности отвергаются: странникъ бѣжитъ изъ общества, уничтожаетъ свой паспортъ, не платитъ податей, не признаетъ денегъ, потому что на нихъ печать антихристова. Относительно денегъ не всѣ странники согласны между собою: такъ называемые „денежники“ полагаютъ, что деньги держать возможно, потому что онѣ переходятъ изъ рукъ въ руки и не составляютъ отличительной принадлежности того или другаго лица, какъ паспортъ; „безденежники“ не принимаютъ денегъ сами, а пору-

чаютъ принимать ихъ другимъ лицамъ, которыя для нихъ покупаютъ все нужное для существованія. Жить безъ паспорта странникамъ не дадутъ ни въ какомъ обществѣ, и они придумали такой исходъ изъ этого затрудненія: убѣждаютъ людей, согласныхъ съ ихъ понятіями, не порывать связей съ міромъ, и укрываются въ ихъ домахъ въ нарочно сдѣланныхъ тайникахъ: такіе укрыватели называются страннопріимцами или жилowymi христіанами; имъ же „безденежники“ поручаютъ собирать для себя милостыню. Страннопріимцевъ довольно долго не перекрещиваютъ въ настоящихъ странниковъ, боясь лишиться ихъ покровительства, такъ какъ послѣ перекрещиванія они должны оставлять свой домъ; ихъ перекрещиваютъ только въ случаяхъ безнадежной болѣзни. Странникъ дѣйствительный не имѣетъ никакого дома; когда у него спрашиваютъ, откуда онъ, онъ долженъ отвѣчать: „Граду не имѣю, но грядущаго взыскую“. Бракъ странники совершенно отвергаютъ, считаютъ его грѣхомъ большимъ, чѣмъ блудъ, говоря, что общенія съ законною женою не осуждаютъ, потому съ нею легче и грѣшить, а блудъ осуждаютъ, и тѣмъ отчасти искупляется грѣхъ. Но есть и брачные странники, указывающіе, что древніе христіане проводили брачную жизнь въ странствіи, въ пустыняхъ; однако другіе надъ ними смѣются, говорятъ: „Посмотримъ, какъ они съ малолѣтними дѣтьми будутъ въ пустынь странствовать! Древніе христіане, хотя укрывались въ пустыняхъ и съ дѣтьми, но имѣли надежду по прошествіи гоненія возвратиться въ грады и веси; а мы той надежды имѣть не можемъ!“ Одинъ изъ странниковъ, Никита Семеновъ, устроилъ у нихъ особую іерархію изъ пресвитеровъ, епископовъ и патріарха, онъ завелъ общую странническую кассу, которою можетъ распоряжаться патріархъ; эта его затѣя сперва имѣла большой успѣхъ у странниковъ, но потомъ многіе отъ него отдѣлились.

Нѣтовцы тоже секта весьма радикальная, но въ отношеніи только церковномъ; у нихъ нѣтъ никакихъ таинствъ, даже и крещенія, которое сохраняется у другихъ безпоповцевъ. Но оставаться некрещенными значить возбуждать смѣхъ православныхъ и другихъ раскольниковъ, и они носятъ дѣтей крестить къ православному священнику, говоря: „Хоть еретикъ, да попъ“, или: „Хоть и сатана, да въ ризахъ, а не простой мужикъ крестить: дорого три погруженія“. А чтобы православное крещеніе, которое признають онѣ за еретическое, вмѣнилось у нихъ въ истинное, для того они прибѣгаютъ къ слѣдующей уловкѣ: когда младенца понесутъ въ церковь, къ тому времени припасаютъ блиновъ, лепешекъ и раздають старикамъ и старухамъ, просятъ помолиться, чтобы церковное крещеніе вмѣнилось въ крещеніе истинное, и Богъ довершилъ бы его. У нѣтовцевъ почему-то сильно преслѣдуется пестрая одежда; у нихъ есть такія поговорки: „на комъ рубаха пестра, знай, душа его антихристова сестра“, „что ни пестринка, то сидитъ бѣсинка“. Нѣтовцами называютъ ихъ другіе раскольники потому, что у нихъ нѣтъ совсѣмъ таинствъ, а сами себя они называютъ Спасовымъ согласіемъ, хотя и это имя дано имъ другими оттого, что на вопросъ, какъ они надѣются спастись безъ крещенія, они всегда отвѣчаютъ: „Ужъ какъ Спасъ, на Спасову милость полагаемся“!

Заканчивая свои письма съ Преображенскаго кладбища, полагаю не лишнимъ въ самыхъ краткихъ чертахъ резюмировать сказанное мною о кладбищѣ. Мы видѣли здѣсь на кладбищѣ послѣдователей двухъ вѣръ: еедосѣвцевъ и единовѣрцевъ. У еедосѣвцевъ происходитъ въ настоящее время сильная распря изъ-за брачнаго вопроса; это споръ давнишній, на время затихающій, потомъ опять возобновляющійся съ большою силою. Теперь партія новоженевъ перенесла этотъ споръ въ печать, взыываетъ къ правительственному покрови-

тельству, обвиняетъ противную партію въ самомъ ужасномъ развратѣ и даже въ дѣтубійствѣ, возведенномъ въ догматъ. Вполнѣ довѣряться этимъ обвиненіямъ, какъ я уже раньше сказалъ, нельзя никакимъ образомъ: на показанія враговъ нельзя основывать своихъ заключеній, какъ это дѣлаютъ „Современныя Извѣстія“. Нужно тщательное изслѣдованіе вопроса. Если новожены справедливо обвиняютъ едосѣвцевъ въ дѣтубійствѣ, то почему же они не представляютъ никакихъ фактовъ? Вѣдь голословныя обвиненія не могутъ имѣть никакого значенія. Другая половина населенія Преображенскаго кладбища отдана исключительно научно-миссіонерскимъ занятіямъ, и дѣятели единовѣрцы заслуживаютъ полнаго уваженія по своей нравственной и умственной высотѣ.

Русскіе католики въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія.

Соединеніе словъ: русскій и католикъ, представляется чѣмъ-то ненормальнымъ, и еще болѣе страннымъ кажется оно, когда рѣчь идетъ о русскихъ католикахъ въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ, которая считалась центромъ всего православнаго міра, заявляла себя единственной хранительницей истинной вѣры. Но какъ для естествоиспытателя важна всякая аномалія, замѣчаемая въ явленіяхъ природы, точно такъ же и историку не слѣдуетъ пренебрегать фактами, повидимому, единичными и исключительными. Поэтому, думаемъ, не лишены интереса, хотя бы въ видѣ курьезовъ, слѣдственные дѣла о русскихъ католикахъ, производившіяся въ концѣ XVII столѣтія. Разсматривая эти дѣла, можно, однако, замѣтить, что русскіе католики не всегда были курьезомъ; можно даже установить два типа ихъ: одни переходили въ католицизмъ по расчету, на время, — это были исключительно малороссы, отрекавшіеся отъ своей вѣры для того, чтобы получить возможность довершать свое образованіе въ западныхъ школахъ; пройдя на Западѣ извѣстный циклъ наукъ, они возвращались на родину, снова принимали православіе и дѣлались учителями и наставниками своихъ соотечественниковъ. Малороссійскіе ученые пріобрѣтаютъ въ Москвѣ значительную силу съ половины XVII вѣка, особенно при

патріархъ Никонъ, который довѣрилъ имъ исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ. Большинство московскаго общества и духовенства отнеслось къ нимъ очень недовѣрчиво при самомъ ихъ появленіи; впоследствии и самимъ покровителямъ, высшему свѣтскому и духовному правительству, пришлось въ нихъ разочароваться: малороссы дѣйствительно оказались причастными нѣкоторымъ латинскимъ мнѣніямъ. При патріархѣ Адріанѣ былъ составленъ каталогъ малороссійскихъ сочиненій, въ которыхъ замѣчались разныя отступленія отъ православія; въ этотъ каталогъ вошло 19 сочиненій, принадлежащихъ такимъ виднымъ лицамъ, какъ Петръ Могила, Иннокентій Гизель, Іоанникій Галятовскій, Лазарь Барановичъ и др. *). Но все-таки, слѣдуетъ сказать, что ученые малороссы не были настоящими католиками, они только сохраняли католическую окраску, усвоенную на Западѣ. Второй классъ русскихъ католиковъ составляютъ люди, отступившіе отъ православія по убѣжденію. Сворачивались они въ латинство или во время какаго нибудь заграничнаго путешествія, или у себя дома, въ Москвѣ. Между иностранцами, которыхъ къ концу XVII вѣка въ Московскомъ государствѣ жило уже большое число, преобладали протестанты, но много было и католиковъ. Имъ позволялось свободно исповѣдовать свою вѣру, но иноземцы католики при исполненіи своихъ религіозныхъ обязанностей были въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ протестанты: правительство не соглашалось на допущеніе въ Россію католическихъ пасторовъ, тогда какъ протестантамъ разрѣшалось даже строить церкви. Такое отношеніе къ католикамъ вызывалось не желаніемъ ихъ притѣснить, а опасеніемъ ихъ пропаганды: правительство понимало, что разъ появятся въ Москвѣ католическіе священники, они не ограни-

*) Рукоп. сборникъ моск. синод. библ. подъ заглавіемъ: „Щитъ вѣры“, № 346, л. 223—225.

чатся простымъ исполненіемъ требъ въ своей паствѣ, а начать пропагандировать латинство среди русскаго населенія. Оно убѣдилось въ этомъ на опытѣ. Въ 1864 году, цесарскій посолъ Жировскій оставилъ въ Москвѣ іезуита Шмидта для исполненія требъ въ католической общинѣ. Около него вскорѣ образовался цѣлый іезуитскій кружокъ. Былъ купленъ домъ, въ немъ устроена школа, въ которой русскія дѣти совращались въ латинство. Патріархъ Іоакимъ потребовалъ тогда удаленія іезуитовъ изъ Москвы. Іезуиты обратились къ царю съ просьбой вступить за нихъ и доставить имъ снова доступъ въ Россію. Императоръ отправилъ въ Москву посла Курцея, который указывалъ царямъ Іоанну и Петру на бѣдственное положеніе католиковъ въ Россіи, безъ пастырей духовныхъ, и просилъ разрѣшенія вернуться іезуитамъ, безвинно якобы оклеветаннымъ. Но ему было на отрѣзъ отказано, и единственнымъ результатомъ его посольства было дозволеніе пріѣхать бѣлому попу съ помощникомъ. Однако, іезуиты потихоньку проникли въ Россію, и уже въ началѣ XVIII вѣка составилъ ихъ кружокъ въ Москвѣ, опять открылось училище, и снова началась пропаганда. Результаты, достигнутые этой пропагандой, нельзя считать особенно важными, но если принять во вниманіе кратковременность пребыванія іезуитовъ въ Москвѣ, ограниченность круга ихъ дѣйствій, зоркій надзоръ за ними со стороны духовнаго и свѣтскаго правительства, то и эти результаты приходится признать весьма для нихъ благоприятными.

Таковы были два типа русскихъ католиковъ. Въ настоящихъ очеркахъ мы познакомимъ читателей съ представителями каждаго изъ этихъ типовъ, свѣдѣнія о которыхъ мы почерпнули изъ слѣдственныхъ дѣлъ, хранящихся въ московской синодальной библіотекѣ.

І. Григорій Скибинскій.

Григорій Алексѣвичъ Скибинскій принадлежитъ къ представителямъ перваго изъ указанныхъ нами двухъ типовъ русскихъ католиковъ. Въ 1688 году, онъ отправился въ Римъ для усовершенствованія себя въ наукахъ. Здѣсь онъ отрекся отъ православія и принялъ 10 пунктовъ, которые, по его словамъ, долженъ принимать всякій православный, приходящій „въ область папину съ требованіемъ ученія“. Эти пункты довольно интересны по своему составу: первые восемь имѣютъ цѣлью утвержденіе верховной папской власти надъ всею церковью, по нимъ восточная церковь лишена божественной силы, и даже чудеса, въ ней происходящія, творятся волею сатаны; только послѣдніе два пункта касаются догматическихъ вопросовъ, бывшихъ однимъ изъ главныхъ поводовъ раздора между двумя церквями,—вопросовъ объ исхожденіи Св. Духа и о чистилищѣ *) Въ Римѣ Скибинскій пробылъ 8 лѣтъ, у него были учителями слѣдующія лица: Францискъ Перегринъ изъ Комо, доминиканецъ, докторъ богословія, родственникъ папы Иннокентія; Паулинъ Бернардинскій,

---

*) На сколько намъ извѣстно, о пунктахъ этихъ до сихъ поръ нигдѣ не упоминалось, поэтому приводимъ ихъ цѣликомъ:

1) Яко вси патріархи, митрополиты и весь причетъ церкви восточныя не суть священники; сего ради, зане не имѣютъ благословенія отъ папы, и не послушни ему суть.

2) Церкви восточныя патріархи не имѣютъ власти свидѣтельствовать святаго, аще и чудеса творить.

3) Въ церкви греческой по соборѣхъ Флоренскомъ и Триденскомъ святіи не обрѣтаются, токмо въ западной.

4) Кто есть внѣ церкви западной римской, не можетъ спастися аще и добродѣтели стяжетъ,—сиче содержать римляне.

5) Кто не имать за главу всея церкви Христовы папу, той еретикъ и отщепенецъ есть. И кто не вѣруетъ папу быти преемникомъ святаго апостола Петра и намѣстникомъ Іисуса Христа, не можетъ спастися.

тоже доминиканецъ и докторъ богословія, двѣнадцатый духовникъ папы и одинъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ; Яковъ Риціусъ, докторъ богословія, доминиканецъ, учитель школъ папѣжскихъ: Іосифъ Испанецъ— „первый учитель мудрости“. Окончивъ курсъ подъ руководствомъ этихъ наставниковъ, Скибинскій получилъ степень „доктора философіи и иныхъ свободныхъ художествъ, свидѣтельствованнаго учителя святаго богословія“ (*Philosophiae ac artium liberalium doctor, sacrae theologiae licentiatus*).

Въ 1696 году, Скибинскій пріѣхалъ въ Москву и подалъ патріарху Адріану прошеніе, въ которомъ, сообщая о своемъ ученіи въ Римѣ, просилъ принять обратно въ православную церковь и для приготовленія къ этому дать ему въ наставники какого-то священника Прова. Этотъ поступокъ Скибинскаго представляетъ собою явленіе не совсѣмъ обыкновенное. Въ Москвѣ очень строго и подозрительно относились ко всякимъ учителямъ и наставникамъ изъ грековъ и малороссовъ. По уставу славяно-греко-латинской академіи, греки должны были имѣть свидѣтельство о своемъ православіи отъ восточныхъ патріарховъ и, кромѣ того, въ самой Москвѣ подвергались испытанію въ вѣрѣ. Относительно западно-русскихъ ученыхъ практика была еще строже: если даже кто изъ нихъ былъ извѣстенъ, какъ

6) Яко бы сіи патріархи истинніи, которые папою рукополагаются, и хиротонію приѣмлютъ, а не сіи, иже обитають въ своихъ паствахъ церкви восточныя.

7) Вся чудеса, яже бывають въ церкви восточной, не суть сія дѣйствъ божественныхъ, но дѣйствъ сатаны.

8) Которые суть святін, ихже тѣлеса нетлѣнна хранятся къ церкви восточной, не суть тѣлеса святыхъ, но клятву стяжавшихъ паны, и якобы сего ради тая нетлѣнны.

9) Исповѣдають огонь чистительный.

10) Духа Святаго исходяща отъ Отца и отъ Сына.

(Рукоп. син. моск. библи., № 393, л. 176—177, также № 1, А, неперепл. и № 346).

авторъ православнаго сочиненія, то и это не считалось достаточнымъ свидѣтельствомъ его православія, потому что сочиненіе могло быть написано только съ хитрою цѣлью пріобрѣсти довѣріе, а послѣ такіе люди могутъ мало-по-малу распространять лжемудрованія и вредить чистотѣ вѣры *). Все это было извѣстно въ Малороссіи, и понятно, что никто оттуда не являлся въ Москву, не запасшись разными рекомендаціями; всякій тщательно скрывалъ свой переходъ въ латинство. Поэтому искренность, съ которой признался Скибинскій въ отпаденіи отъ православія, скорѣе говоритъ въ его пользу, но въ Москвѣ взглянули на дѣло иначе, въ прошеніи Скибинскаго увидѣли новый подходъ католической пропаганды, и въ такомъ именно смыслѣ была составлена по этому дѣлу докладная записка для патріарха Адріана. Зачѣмъ пришелъ Скибинскій? спрашиваетъ докладчикъ. Конечно, для того, чтобы научить своему еретичеству сперва тайно, а потомъ и открыто. Ему ни въ какомъ случаѣ нельзя вѣрить, люди ему подобные готовы множество разъ клясться всякими клятвами и нарушать ихъ; ужъ если онъ измѣнилъ клятвѣ, данной людямъ, которымъ всѣмъ обязанъ, у которыхъ научился своей „льстящей мудрости“, то какая гарантія того, что онъ и теперь не лжетъ, чтобы вкратѣ въ довѣріе московскаго правительства. А между тѣмъ носится слухъ, будто папой посланы въ Россію съ цѣлями пропаганды „ближніе его и таинственные совѣтники, зовомые у нихъ секретари“; вѣдь очень легко можетъ быть, что и Скибинскій одинъ изъ этихъ секретарей. Болѣе всего смутили москвичей приведенные Скибинскимъ 10 пунктовъ. Всѣ хулы на восточныхъ папѣ и вознесеніе папы, заключающіяся въ этихъ пунктахъ, излагаются Скибинскимъ, по мнѣнію автора докладной записки, единственно для того, чтобы соблазнить неопытныхъ про-

*) Смирновъ. Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 13.

стаковъ, унизить въ глазахъ народа авторитетъ православной церкви; поэтому необходимо опроверженіе пунктовъ, иначе ихъ могутъ принять за истину. Докладчикъ всѣми мѣрами старается доказать неискренность Скибинскаго, онъ придирается даже къ его титулу: „святѣй богословіи учитель“, и казуистически замѣчаетъ, что Скибинскій называетъ святымъ латинское еретическое богословіе: вѣдь онъ ученикъ Дунса Скотта и Ѳомы Аквината, потому что въ Римѣ у доминиканцевъ онъ никоимъ образомъ не могъ бы научиться православному богословію. Въ виду всѣхъ такихъ подозрѣній, для докладчика весьма затруднительнымъ становится рѣшить вопросъ, принимать ли Скибинскаго, или нѣтъ? Необходимо дѣйствовать съ крайнею осторожностью: принять Скибинскаго можно не иначе, какъ съ согласія вселенскихъ патріарховъ, которымъ должны быть предъявлены 10 пунктовъ; имъ слѣдуетъ также сообщить, кто были учителя Скибинскаго. Кромѣ того, докладчикъ полагаетъ, что Скибинскому нельзя разрѣшить жить въ Москвѣ, а быть ему гдѣ-нибудь подальше, въ монастырѣ, подъ крѣпкимъ надзоромъ, потому что отъ подобныхъ людей приходили въ соблазнъ не только простые міряне, но даже и священники. Далѣе требуется, чтобы Скибинскій написалъ обличительное сочиненіе противъ латинской церкви; онъ долженъ составить житія папъ, а если отъ этого откажется, то надо показать ему ихъ „шкаредное житіе“. Но всѣ эти мѣры предосторожности, все-таки, кажутся докладчику недостаточными для полного огражденія православной церкви отъ душевредныхъ замысловъ скрытаго еретика, какимъ онъ считаетъ Скибинскаго; гораздо безопаснѣе совсѣмъ его не принимать, „лучше и полезнѣе будетъ,—говоритъ докладчикъ,—отослать его на родину, удалить изъ нашего православнаго царства, чтобы не явилось разныхъ соблазновъ и сомнѣній въ вѣрѣ“.

Какъ видно изъ этого доклада, прошеніе Скибин-

скаго возбудило сильную тревогу въ московскомъ духовенствѣ, дѣло его рѣшено было отдать на разсмотрѣніе собора російскихъ архіереевъ подѣ председательствомъ патріарха Адріана. Передѣ этимъ судомъ была составлена новая записка, проектъ допроса, который долженъ былъ быть произведенъ Скибинскому. И въ этой запискѣ сказалось опасеніе, недовѣріе къ Скибинскому, желаніе отъ него избавиться какъ нибудь: на каждый вопросъ весьма казуистически предусматриваются разные отвѣты, вопросы прямо къ тому направлены, чтобы сбить, запутать Скибинскаго въ его показаніяхъ. Приведемъ важнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ. Кто далъ Скибинскому разрѣшеніе идти къ папѣ? У кого онъ получилъ на это благословеніе? Зачѣмъ онъ пошелъ? Если онъ скажетъ, что пошелъ „для ученія“, то онъ подлежитъ осужденію, такъ какъ учился еретическимъ раздорамъ; если скажетъ: „для путешествія“, — тогда зачѣмъ принялъ латинство; если будетъ увѣрять, что отправился по повелѣнію монарха, долженъ показать грамоту; если, наконецъ, скажетъ, что съ благословенія патріарха Іоакима, то солжетъ, такъ какъ тотъ никого не посылалъ въ Римъ; остается такимъ образомъ одинъ достовѣрный отвѣтъ, что онъ поѣхалъ при какомъ-нибудь посольствѣ, съ бояриномъ, но и тутъ онъ будетъ не правъ, ибо взялся быть „въ услугахъ посольства, а не папина пасомства“. Не принималъ ли онъ въ Римѣ еще какихъ либо ученій, кромѣ 10 пунктовъ? Если принималъ, то зачѣмъ раньше объ этомъ умолчалъ. Какое богословіе слушалъ въ Римѣ—Іоанна Дамаскина или Θомы Аквината? Если скажетъ: „Дамаскина“, то солжетъ; а если слушалъ Аквината, то его богословіе еретическое, и онъ не можетъ называться „учителемъ святѣй богословія“. Очень боялись, что Скибинскій, можетъ быть, переодѣтый духовный, спрашивали, въ какомъ чинѣ онъ былъ въ Римѣ, въ духовномъ или гражданскомъ; были заранѣе почти убѣждены, что

онъ духовный: онъ учитель (licentiat), а въ Римѣ школы держать не міряне, а іезуиты, и ему не позволили бы держать школу, если бы онъ не былъ духовнымъ. Нужно узнать, не писалъ ли Скибинскій какихъ нибудь богословскихъ или научныхъ трактатовъ, когда ихъ писалъ и въ какомъ духѣ, православномъ или латинскомъ? Касались поведенія Скибинскаго въ Москвѣ: зачѣмъ и по чьему приказу онъ, не соединившись съ восточною церковью, ходитъ по домамъ и учить народъ? Онъ долженъ заявить, не знаетъ ли еще кого-нибудь въ Москвѣ, „пришедшаго изъ римскихъ странъ и держащаго тамошнюю вѣру“. Наконецъ, надо его спросить, что онъ намѣренъ дѣлать въ Москвѣ, хочетъ ли остаться въ міру и учить латинскому языку, или думаетъ постричься въ монахи, какъ объ немъ ходитъ слухъ. Желаніе постричься одобрялось, потому что „лучше ему быть въ уединеніи, нежели, ходя по дворамъ, для наученія дѣтей, ради малой корысти испытывать разныя житейскія мятежности и суеты“.

До насъ не дошелъ, къ сожалѣнію, самый актъ собора, разсматривавшаго дѣло Скибинскаго, и поэтому мы не знаемъ его отвѣтовъ на эти вопросы, но, по всеѣ вѣроятности, они удовлетворили патріарха, потому что Скибинскій былъ принятъ, однако, на слѣдующихъ условіяхъ: онъ долженъ былъ принести публичное покаяніе, на него налагалась эпитимія, онъ не могъ быть допущенъ къ причастію; въ томъ мѣстѣ, куда его пошлетъ патріархъ, ему запрещалось учить кого либо латинскимъ наукамъ или бесѣдовать о чинахъ и обычаяхъ церкви западной; наконецъ, ему приказано было составить книгу противъ латинъ, папы, опровергнуть 10 пунктовъ, обличить „лжу латынскую“ свидѣтельствами изъ св. отцовъ и „логическими силлогизмами“. Эту книгу онъ долженъ былъ представить патріарху на разсмотрѣніе, и послѣ долгаго искуса

ему обѣщалось совершенное принятіе въ православную церковь *).

II. Дьяконъ Петръ.

Дьяконъ Петропавловской церкви Новомѣщанской слободы, Петръ Артемьевъ принадлежитъ ко второму указанному нами типу русскихъ католиковъ: это человѣкъ глубоко убѣжденный, экзальтированный фанатикъ. О его дѣтствѣ и юности извѣстно только, что онъ жилъ въ Нижнемъ Новгородѣ, Васильсурскѣ, Ялатмѣ, Суздалѣ, Флорицевской пустыни, учился въ Москвѣ, въ славяно-греко-латинскомъ училищѣ (или, какъ онъ его называетъ: школѣ еллиногреческой), затѣмъ отправился довершать свое образованіе за границей. Обстоятельства его обращенія въ католицизмъ возстановить трудно: онъ рассказываетъ о своихъ заграничныхъ странствованіяхъ въ посланіи къ патріарху Адріану, но, къ сожалѣнію, это письмо до насъ не дошло, изъ него мы имѣемъ только отрывки, помѣщенные въ „Обличеніи заблужденій діакона Петра“. Судя по этимъ отрывкамъ, можно предположить, что возвращеніе его въ католицизмъ произошло въ Венеціи,—такъ можно думать потому, что вслѣдъ за рассказомъ о томъ, что Богъ открылъ ему тайны своей премудрости, Петръ описываетъ Венецію. Склонили его къ латинству какіе-то высокоученные люди, но онъ еще колебался; „ходилъ къ латинамъ въ церковь,—пишетъ онъ,—и молился, но тогда еще былъ подъ сомнѣніемъ“. Ему очень хотѣлось побывать въ Римѣ и увидать папу. Приѣхавъ въ Римъ, онъ пошелъ къ исповѣди, объяснилъ духовнику, что онъ москвичъ, прежде не любилъ римлянъ, а теперь, присмотрѣвшись къ нимъ, скло-

---

*) Дѣло Скибинскаго находится въ сборникахъ синодальной московской библиотеки подъ №№ 346 (съ листа 1,218), 393 и I A. (непереплетен.).

няется на ихъ сторону; потомъ онъ пошелъ къ причастію, послѣ причастія духовникъ спросилъ у него, не нуждается ли онъ въ чемъ нибудь:

— Я казначей монастырскій, и могу тебѣ помочь.

Но Петръ отказался отъ этого предложенія.

— Я соединяюсь съ вами не ради дара,—объяснилъ онъ духовнику.

О дальнѣйшемъ пребываніи Петра за границей неизвѣстно почти ничего. Онъ былъ въ Вѣнѣ, но что тамъ дѣлалъ, мы не знаемъ. Назадъ въ Россію онъ возвращался съ какимъ-то докторомъ; изъ Оломунца, т. е. изъ Ольмюца, они пріѣхали въ Бреславль, гдѣ къ нимъ присоединился по указу императора іезуитъ, который очень полюбилъ Петра, „и былъ я,—пишетъ Петръ,—ему работъ, а онъ мнѣ отцомъ“. Пріѣхавъ въ Западную Россію, Петръ очень хотѣлъ найти своихъ единовѣрцевъ среди русскихъ, спрашивалъ крестьянъ, униаты они, или православные; но оказывалось, что православные, хотя попъ униатъ.

Въ Москвѣ Петръ не отказался отъ своихъ латинскихъ убѣжденій, но ему пришлось ихъ скрывать, и тутъ, какъ ученикъ іезуитовъ, онъ пустился на разные компромиссы со своей совѣстью, ему очень помогла теорія такъ называемой мысленной оговорки (*restric-tio mentalis*). Когда патріархъ рукополагалъ его въ діаконы и призывалъ на него благодать Св. Духа, Петръ тайно молился, называя патріарха „не отдѣленнымъ членомъ главы своей, представленной ему (т. е. папы), но соединеннымъ членомъ оному во всемъ“; сдѣлавъ эту мысленную оговорку, онъ снималъ съ себя грѣхъ, совершенный передъ римскою церковью принятіемъ рукоположенія отъ восточнаго патріарха. Кромѣ этого, Петръ носилъ на себѣ образъ Антонія Падуанскаго, соблюдалъ тайно католическіе посты, обманывалъ своего духовника Зиновія, попа Харитоньевскаго, часто бывалъ у іезуитовъ, исповѣдывался

и причащался у нихъ. Въ 1688 году, іезуиты были изгнаны изъ Москвы, и это причинило Петру немалое огорченіе. Но въ томъ же году пріѣхалъ въ Москву іезуитъ полякъ Конрадъ Терпиловскій, бывшій миссіонеромъ въ Персіи. Петръ сталъ его духовнымъ сыномъ. Впослѣдствіи онъ объяснилъ, что исповѣдывался и причащался у іезуитовъ съ тайнымъ намѣреніемъ содѣйствовать соединенію церквей, потому что Богъ творитъ волю боящихся его. Послѣ высылки Терпиловскаго, у католиковъ въ Москвѣ не было пастыря полтора года, и нѣкоторые обращались за исполненіемъ требъ къ священникамъ, пріѣзжавшимъ изъ Малороссіи *).

Но компромиссъ съ совѣстью былъ, вѣроятно, тяжелъ Петру, и въ 1698 году онъ сталъ высказывать свое латинство вполне явно, всенародно: въ церкви сталъ нарушать порядокъ богослуженія, употреблять разные латинскіе обряды, говорилъ „съ немалой частью“ поученіе, въ которомъ похвалялъ за вѣру и обряды поляковъ, литву и вообще латинъ, а православную церковь

---

*) У Петра мы находимъ слѣдующее интересное, хотя, быть можетъ, и невѣрное извѣстіе. Іоанникій Лихудъ, пріѣхавъ изъ Италіи (1691 г.), часто бывалъ у римскихъ священниковъ на царскомъ дворѣ, говорилъ, что онъ католикъ, но въ Москвѣ изъ страха скрываетъ свою вѣру. Царскіе священники ему вѣрили, но Петръ показалъ имъ сочиненіе Лихудовъ „Мечецъ“, направленное противъ латинъ (напис. 1689 г.). Они стали обличать лицемеріе Іоанникія, но онъ увѣрялъ ихъ, что „Мечецъ“ составилъ братъ его, Софроній, когда онъ, Іоанникій, былъ въ Италіи; „а если бы я зналъ,—говорилъ онъ,—что братъ мой долженъ написать такую книгу, я бы ему запретилъ“. „Это, можетъ быть, и правда,—прибавляетъ отъ себя Петръ,—потому что Іоанникій гораздо склоннѣе къ правдѣ, чѣмъ братъ его, Софроній“. Не знаемъ, какъ смотрѣть на это извѣстіе Петра: Лихуды считаются одними изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ православія, такъ что похвалу Петра Іоанникію Лихуду слѣдовало бы признать ложью іезуита, но съ другой стороны нельзя упускать изъ виду, что Петръ человѣкъ въ высшей степени искренній.

укорялъ. Его психическое состояніе въ это время очень ярко рисуется въ его письмѣ къ отцу, содержаніе котораго мы здѣсь излагаемъ. Отецъ Петра былъ священникомъ въ Суздалѣ, но хотѣлъ перейти въ Москву, и за него хлопотали у патріарха нѣкоторые знакомые. Разъ они пришли къ патріарху.

Адріанъ, до котораго уже донеслись слухи о латинствѣ Петра, спросилъ у нихъ:

— Это не отецъ ли діакона? — и сталъ бранить Петра.

Пришедшіе освѣдомились, въ чемъ вина діакона. Тогда патріархъ сталъ говорить:

— Онъ стоитъ за кальвиновъ, лютеровъ и папезниковъ; я боленъ, а то бы онъ давно былъ сосланъ; да и теперь это такъ ему у меня не пройдетъ, я нарочно для него соборъ собираю; а за отцомъ его я думалъ самъ послать, для него же, дьяконишка, потому что хорошій, говорятъ, человѣкъ его отецъ.

Эти слова патріарха были переданы Петру и, какъ видно по его письму, произвели на него очень сильное впечатлѣніе. Онъ пришелъ въ какой-то экстазъ, сталъ считать себя призваннымъ пострадать за правду латинской церкви. „Слыхалъ я,—пишетъ онъ отцу,— что ты меня называлъ Петромъ, чтобы я сдѣлался ему сопричастникомъ, и ты не ошибся; я признаю себя всенародно исповѣдникомъ Петра и его каедръ“. Рассказываетъ онъ о какомъ-то видѣніи, бывшемъ ему еще въ дѣтствѣ во время горячки; считаетъ это видѣніе пророческимъ предзнаменованіемъ его грядущаго величія передъ Богомъ. Онъ сравниваетъ отца съ Авраамомъ, а себя съ Исаакомъ, говоритъ, что отецъ долженъ отдать его на судъ патріарху и такимъ образомъ принести въ жертву Богу. Уже раньше, вскорѣ по возвращеніи Петра изъ Италіи, отецъ замѣтилъ его латинство и тогда грозилъ ему, что донесетъ патріарху, но не исполнилъ угрозы; Петръ объясняетъ это такимъ

образомъ, что прежде Богъ не попустилъ его отца принести эту жертву, но теперь настало время, и Богъ призываетъ самъ къ жертвѣ. Желаніе пострадать у Петра очень сильно, въ страданіи онъ видитъ даже счастье. „О дабы благоволилъ меня той пожирати,—говоритъ онъ о патріархѣ,—и съ пировниками елико множайшими, толико ми сладчайшими“. Онъ смѣется надъ соборомъ, называя его по созвучію заборомъ. Съ какой-то ненавистью отзываясь онъ о чудовскомъ монахѣ Евѣиміи, извѣстномъ ученомъ того времени и защитникѣ греческаго направленія. Письмо это сочинялось нѣсколько дней, слогъ его крайне неровный, постоянно встрѣчаются отступленія, Петръ иногда высказываетъ весьма сильное самоуничиженіе, попадаютъ въ высшей степени экзальтированныя обращенія къ Христу. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „Грѣхи мои такъ велики, какъ Ты самъ великъ; злоба моя такъ сильна, какъ Ты самъ силенъ, мерзости моей и сквернѣ всѣмъ гнушается, ибо я такъ мерзокъ и нечистъ, какъ Ты пречистъ“. Или въ другомъ мѣстѣ: „Остави съ Собою не мысленно только, но дѣломъ. Дай мнѣ Свое сердце моему сердцу въ товарищи съ Тобою, мой всесладкій Иисусе, разъязвится, тогда сердце сердцу соединится, когда мое сердце за одно съ Твоимъ прободется стрѣлами острѣйшими. Введи въ нѣдра сердца Твоего мое сердце въ сосѣди, и присосѣдившись улюблюсь Тебѣ, мой Боже, неизглаголанно, и не захочу въ небесномъ царствѣ искать чего нибудь лучшаго; и зачѣмъ, когда Ты, мой Богъ и царь всякаго царства, ко мнѣ благоволишь. И такъ, полюбивъ Тебя, воспую Тебя посреди церкви. Боже мой, Боже, милосердный мой Боже, одинъ Ты мой Боже, коли Ты такъ меня полюбилъ, и я Тебя“... и т. д. Всюду проявляется желаніе пострадать и мистическій экстазъ, граничащій съ горячечнымъ бредомъ.

Письмо свое къ отцу Петръ показывалъ одному зна-

комому священнику Андрею, и тотъ сказалъ ему: „дьяволъ тебя учить такъ врать“, а отецъ чуть не далъ ему заушины за его еретическія враки. Мѣсяцъ спустя, въ началѣ мая 1698 года, на Петра священникомъ той церкви, гдѣ онъ служилъ, сдѣланъ былъ доносъ: сообщено было о разныхъ его латинскихъ мнѣніяхъ и о тѣхъ безпорядкахъ, которые онъ позволялъ себѣ производить во время богослуженія. Патріархъ приказалъ отправить его, до разбора дѣла на соборѣ, въ Новоспасскій монастырь, на увѣщаніе къ архимандриту Исаи. Изъ монастыря Петръ написалъ патріарху посланіе, которое, какъ мы уже выше замѣтили, до насъ не дошло въ полномъ своемъ составѣ. Въ этомъ посланіи онъ подробно разсказалъ объ обстоятельствахъ своего обращенія въ католицизмъ и о своей жизни въ Москвѣ, причемъ не изъявилъ никакого раскаянія, а, напротивъ, позволилъ себѣ нападать на приближенныхъ къ патріарху людей и оскорбилъ самого патріарха, не величая его полнымъ титуломъ и даже называя его не патріархомъ, а архіепископомъ. Петръ увѣряетъ, что онъ хулитъ не церковь, а своихъ учителей грековъ, монаха Евѣимія и ихъ единомышленниковъ. О Евѣиміи онъ выражается такимъ образомъ; „Лѣтъ съ двадцать и больше, какъ изъ ума выжилъ Евѣимій. Гдѣ онъ учился? За печью въ углу, что сверчокъ, или муха въ щели“. Обо всѣхъ своихъ учителяхъ говоритъ: „Греки мои учителя и Евѣимій не ссылаются въ богомерзкихъ своихъ тетрадищахъ на святыхъ отцовъ древнихъ, но грезятъ, какъ во снѣ, составляя тщетные силлогизмы“. Между прочимъ, Петръ ожесточенно нападаетъ на инквизиціонный трибуналъ, который явился въ Москвѣ, въ концѣ XVII столѣтія: „Въ Константиновкѣ (т. е. въ Константиновской башнѣ въ Кремлѣ) при дыбѣ стоятъ учителя нѣмые (т. е. бояре); вмѣсто евангелія огнемъ и вмѣсто апостола кнудомъ просвѣщаютъ. О! коль бесполезно ихъ учительство!“—воскликаетъ Петръ. Порицая

противохристіанское мучительство, Петръ имѣеть въ виду не одного себя, онъ вспоминаеть о людяхъ, которыхъ тогда у насъ болѣе всего притѣсняли за вѣру, о раскольникахъ: „О Боже,—пишетъ онъ,—даждь кротчайшій образъ и нашимъ государямъ архіереямъ о простачкахъ нашего рода капитонахъ, чтобъ они, какъ духовные, исправляли ихъ духомъ кротости; или пускай спасають ихъ страхомъ, но восхищаютъ отъ огня“. Онъ обращается съ этой же просьбой и къ патріарху: „Молю ваше архипастырство, да потщишься ихъ спасти отъ огня“.

Увѣщанія Исаи, архимандрита новоспасскаго, не подѣйствовали на Петра. 13-го іюня 1698 года, онъ приведенъ былъ на соборъ, на которомъ присутствовали, кромѣ патріарха, Тихонъ, митрополитъ сарскій и подонскій, Трифілій, митрополитъ нижегородскій и алатырскій, Гавріиль архіепископъ вологодскій и бѣлозерскій, и нѣсколько греческихъ архіереевъ. Не смотря на всѣ увѣщанія, Петръ не покаялся. Соборъ рѣшилъ разстричь его и предать анаѣмѣ. Затѣмъ постановлено было отослать его къ Аѳанасію, архіепископу холмогорскому и важескому, которому приказано держать его подъ крѣпкимъ надзоромъ, не давать ему чернилъ и бумаги, никому не позволять съ нимъ разговаривать, въ церковь его не пускать; Петръ долженъ былъ пребывать въ постѣ, молитвѣ и молчаніи.

Послѣднія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Петрѣ, заключаются въ письмѣ архіепископа Аѳанасія. Аѳанасій сообщаетъ, что онъ обратилъ на Петра особенное вниманіе. Съ 5-го іюля, когда Петръ былъ къ нему присланъ, до 11-го сентября онъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы вернуть его къ православной церкви, узналъ всю его жизнь, много говорилъ съ нимъ и нашель его „весьма непотребнымъ и растлѣннымъ сосудомъ“. Петръ оказался очень дерзкимъ: кричалъ „со всякимъ смѣльствомъ“, что въ Россіи въ сорокъ лѣтъ

церковь измѣнила всѣ апостольскіе догматы, называлъ троеперстное сложеніе для крестнаго знаменія неизвѣстнымъ, грековъ и русскихъ бранилъ раздорниками; истиннымъ и правымъ называлъ „римскій костелъ“; говорилъ, что вскорѣ русская церковь соединится въ догматахъ съ римскою; объявлялъ, что будетъ защищать римскую церковь до смерти. Видя такое упорство Петра, Аѳанасій отослалъ его въ Соловецкій монастырь и приказалъ держать его тамъ въ темницѣ. Оттуда настоятель извѣщалъ его, что все исполнено „по заповѣданному неослабно“. О дальнѣйшей судьбѣ Петра, покался ли онъ, или умеръ католикомъ, намъ ничего неизвѣстно.

Русскій дипломатъ стараго времени.

„Наши дипломаты рѣдко удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ требованіямъ, какія обыкновенно должны предъявляться государственнымъ дѣятелямъ. Они имѣютъ весьма смутное представленіе о дѣйствительныхъ русскихъ интересахъ, не знаютъ, чего имъ слѣдуетъ добиваться въ сношеніяхъ съ иностранными кабинетами, не понимаютъ прямыхъ цѣлей и задачъ своей дѣятельности, а преслѣдуютъ какія-то чисто фантастическія цѣли, которыя для ихъ родины, для Россіи, совсѣмъ никакого существеннаго значенія не имѣютъ. Въ нихъ нечего искать ни настоящей любви къ отечеству, ни сознанія національнаго своего достоинства. Понятно поэтому, что защита русскихъ государственныхъ (а тѣмъ болѣе частныхъ) интересовъ ведется ими чрезвычайно слабо, и что мы постоянно попадаемъ въ просакъ въ нашей внѣшней политикѣ“.

Такія рѣчи приходится въ послѣднее время слышать со всѣхъ сторонъ, онѣ становятся избитымъ, общимъ мѣстомъ; на нашихъ дипломатовъ считаютъ необходимымъ нападать всѣ, кромѣ развѣ ужъ очень лѣнливыхъ людей—и во всѣхъ этихъ нападкахъ есть очень много справедливаго. Типъ русскаго дипломата со временъ Петра Великаго претерпѣлъ довольно много различныхъ видоизмѣненій. Въ петровскихъ сподвижникахъ, Головинѣ, Куракинѣ и другихъ, сквозь европейское просвѣщеніе сказываются упорство и даже

грубость старинныхъ московскихъ пословъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такое-же, какъ у послѣднихъ, ясное сознаніе интересовъ отечества и твердая готовность постоять за его достоинство. Разные иностранцы, въ родѣ Остермана, служащіе по дипломатической части, оказываются весьма полезными и ревностными дѣятелями, и весьма часто не уступаютъ въ защитѣ русскаго дѣла природнымъ русскимъ. Такимъ-же характеромъ отличаются дипломаты въ царствованіи ближайшихъ преемниковъ Петра. Екатерининская эпоха выдвигаетъ цѣлый рядъ блестящихъ дипломатовъ; это все сановитые бояре, европейски образованные, или, вѣрнѣе, усвоившіе весь лоскъ европеизма, прекрасно умѣвшіе представлять за границей величіе своего отечества, поддерживать обаяніе своей государыни.

Но уже въ эту эпоху начинается тотъ типъ космополитовъ, который окончательно становится преобладающимъ среди нашихъ дипломатовъ въ царствованіе императора Александра I. Говоря объ этомъ космополитизмѣ, А. А. Васильчиковъ, авторъ прекраснаго и основательнаго сочиненія: „Семейство Разумовскихъ“ *), видитъ причину его въ самомъ основномъ свойствѣ дипломатической карьеры, въ продолжительномъ удаленіи отъ родины. „Русскій человѣкъ“, говоритъ онъ, —какъ-бы тверды въ немъ ни были задатки народности, не можетъ безнаказанно вынести слишкомъ долгаго удаленія отъ родины. Или онъ зачахнетъ, съ тоски по ней, или-же по слабости славянской природы, мало-по-малу отрѣшается отъ обычаевъ, взглядовъ и даже весьма часто вѣрованій своей отчизны, чтобы вполне и всецѣло слиться съ тою средою, въ которой проводить долгіе годы. Разительный тому примѣръ представляютъ намъ духовныя особы, отправляемые въ

---

*) Настоящая наша статья составлена преимущественно на основаніи третьяго и четвертаго томовъ этого замѣчательнаго изслѣдованія.

былое время къ разнымъ миссіямъ нашимъ за-границей. Молодой, вполнѣ русскій семинаристъ, являясь въ Англію и проживъ тамъ лѣтъ двадцать, принималъ всю важность и всю сановитость англійскаго right reverend'a. Товарищъ его, поселившійся среди степенныхъ нѣмцевъ, мало-по-малу выцвѣталъ въ холоднаго протестантскаго пастора; наконецъ, среди шумнаго и суетливаго Парижа русскій духовный невольно заражался ухватками латинскихъ монсиньоровъ. Разумѣется, все это относилось до одной только внѣшности. Даже лучшихъ нашихъ поэтовъ и писателей завлекала прелесть жизни на Западѣ—стоитъ только вспомнить Жуковского, который до конца жизни не могъ рѣшиться переѣхать въ Россію, или Гоголя, такъ любившаго мечтать о Россіи „изъ прелестнаго далека“. И это все были люди, внутренній духъ которыхъ съ младенчества сильно закаленъ былъ народнымъ элементомъ. Чего-же послѣ этого ожидать отъ тѣхъ, которые еще въ пеленахъ оторваны были отъ родной среды, которые воспитались и возросли въ космополитизмъ?“.

Сперва французскіе философы — энциклопедисты, потомъ французскіе-же эмигранты пустили въ ходъ въ русскомъ общественномъ сознаніи большое количество политическихъ идей, совершенно ему чуждыхъ и малопонятныхъ; но этотъ циклъ идей, страннымъ образомъ, совсѣмъ не успѣвъ перебродить въ умахъ русскихъ государственныхъ людей, проникаетъ всю нашу внѣшнюю политику; изъ-за европейскаго равновѣсія легитимизма, отвлеченнаго либерализма и консерватизма, не имѣвшихъ для насъ почти ни малѣйшаго значенія, приносятся огромныя жертвы русской кровью и русскими деньгами. По какому-то донкихотству мы постоянно распинаемся за законный порядокъ и миръ въ Европѣ, мы ее спасаемъ отъ Наполеона, преслѣдуемъ въ ней революціонныя движенія, всѣми силами стремимся ее облагодѣтельствовать, все это дѣлаемъ вполнѣ

безкорыстно, но—вотъ по истинѣ трагическое положеніе—въ Европѣ никто намъ не вѣрить, всѣ насъ боятся, видятъ въ насъ *état aggressif*, подозрѣваютъ во всѣхъ нашихъ донкихотскихъ дѣйствіяхъ какую-нибудь заднюю эгоистическую цѣль. Да это и понятно. Всякій судить самъ по себѣ. Ни одинъ европейскій государственный дѣятель не станетъ преслѣдовать фантастическихъ цѣлей во внѣшней своей политикѣ, онъ понимаетъ цѣну народныхъ жертвъ, и самъ такъ дѣйствуя, онъ не можетъ понять противоположнаго образа дѣйствій, не можетъ видѣть другого стимула въ политикѣ, кромѣ насущныхъ реальныхъ интересовъ страны. Космополитическое направленіе пустило крѣпкіе корни въ нашей политикѣ и дипломатіи, хотя въ послѣднее время развитіе нашего народнаго самосознанія даетъ себѣ знать и въ этой области.

Наши дипломаты зачастую всецѣло подчинялись влиянію той страны, въ которой приходилось имъ отстаивать честь и права своей родины. Къ тому-же нигдѣ какъ у насъ дипломаты не оставались такъ долго внѣ отчизны и притомъ почти постоянно на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Понятно, что съ теченіемъ времени, незамѣтно для нихъ самихъ, всѣ усилія офранцузенныхъ, онѣмечившихся, или-же англазированныхъ русскихъ дипломатовъ стали стремиться не столько къ сохраненію чести и блага родины, сколько къ сохраненію тѣхъ мѣстъ, гдѣ успѣли пустить они глубокіе корни. Часто ради этого все прочее терялось изъ виду. Самые русскіе изъ нашихъ пословъ стараго времени, тѣ, которые умѣли вполнѣ отрѣшиться любовь къ родинѣ отъ личныхъ эгоистическихъ видовъ, которые стойко защищали честь отчизны отъ людей, съ которыми были иногда связаны узами дружбы, даже и они невольно подпадали подъ обаяніе чуждой имъ народности, но любезной среды. Такой примѣръ видимъ мы въ вполнѣ русскомъ, глубокочестномъ и совѣстливомъ графѣ Се-

менѣ Романовичѣ Воронцовѣ. При чтеніи его писемъ иногда невольно себя спрашиваешь, не выдержки-ли это изъ сочиненій Хомякова, Самарина или Аксакова. И что-же? этотъ вѣрный сынъ Россіи съ ужасомъ думалъ о необходимости вернуться на родину и то на самый короткій срокъ, и отказывался отъ блестящихъ мѣстъ, лишь-бы не покидать дорогой ему Англии *).

Свѣтлѣйшій князь Андрей Кирилловичъ Разумовскій представляетъ собою одинъ изъ яркихъ образчиковъ сейчасъ нами охарактеризованнаго типа. Третій сынъ гетмана Кирилла Григорьевича, Андрей родился въ Глуховѣ въ 1752 году. Съ дѣтства онъ поражалъ своихъ наставниковъ блестящими способностями. Особенно его полюбилъ извѣстный историкъ Шлецеръ. Между ними завязались самыя дружескія отношенія; часто, по вечерамъ, когда наступало время отдыха, мальчикъ забирался въ комнату Шлецера и велъ съ нимъ разговоры объ исторіи и статистикѣ. Двѣнадцати лѣтъ Разумовскій поѣхалъ съ отцомъ за-границу, и дальнѣйшее его ученіе происходило въ Страсбургѣ, о которомъ онъ сохранилъ самое отрадное воспоминаніе. Въ 1769 году, поступивъ на службу во флотъ, Разумовскій былъ произведенъ въ лейтенанты и возвратился въ Россію.

Первые шаги его на служебномъ поприщѣ вполне могутъ быть названы блестящими. Въ 1775 году, т. е. на 23 году, онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры. Императрица была къ нему очень милостива, всесильный князь Таврическій ему покровительствовалъ, особенная дружба связывала его съ наслѣдникомъ престола. Въ сохранившихся письмахъ къ нему Павла Петровича высказывается чрезвычайно нѣжное и пылкое чувство; великій князь называетъ себя: „votre fidèle et sincère ami“, совѣтуется съ Разумовскимъ по многимъ вопросамъ и т. п. Успѣхи Разумовскаго по ограничи-

---

*) Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. III, стр. 2—3.

вались однимъ дворомъ и службой. „Красивый, статный, вкрадчивый и самоувѣренный, Андрей Кирилловичъ съумѣлъ вскружить головы всѣмъ петербургскимъ красавицамъ.

Первыя львицы того времени: Анастасія Николаевна Нелединская-Мелецкая, рожденная графиня Головкина, княгиня Марья Васильевна Барятинская, рожденная княжна Хованская, и много другихъ красавицъ сходили по немъ съ ума. Любезностью и щегольствомъ онъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Не разъ приходилось отцу, дѣла котораго были въ это время нѣсколько запущены, уплачивать долги молодого щеголя. Однажды къ графу Кириллу Григорьевичу, и такъ уже недовольному поведеніемъ сына, явился портной со счетомъ въ 20000 руб. Оказалось, что у графа Андрея Кирилловича однихъ жилетовъ было нѣсколько сотенъ. Разгнѣванный отецъ повелѣлъ его въ кабинетъ и, раскрывая шкафъ, показалъ ему кобеякъ и мерлушечью шапку, которые носилъ онъ въ дѣтствѣ. „Вотъ что носилъ я, когда былъ молодъ, не стыдно-ли тебѣ безумно тратить деньги на платье“,—сказалъ Кириллъ Григорьевичъ.—„Вы другого платья и носить не могли“,—хладнокровно отвѣчалъ графъ Андрей Кирилловичъ,—„вспомните, что между нами огромная разница—вы, сынъ простого казака, а я сынъ російскаго генераль-фельдмаршала“. Гетманъ былъ обезоруженъ этимъ отвѣтомъ сына.

Но скоро этой блестящей и разсыянной свѣтской жизни Андрея Кирилловича суждено было прекратиться. Скончалась первая супруга Павла Петровича, великая княгиня Наталія Алексѣевна, и въ ея бумагахъ найдены были нѣкоторыя, компрометировавшія ее въ отношеніяхъ къ французскому посольству; найдены были документы о займѣ, сдѣланномъ ею черезъ Разумовскаго. Это возбудило гнѣвъ императрицы и наслѣдника противъ Разумовскаго, и онъ былъ высланъ въ

Ревель, откуда ему разрѣшено было уѣхать къ отцу въ Батуринъ, но опала не была съ него снята даже и въ слѣдующемъ 1777 году, когда онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Неаполь.

Съ этого времени начинается дипломатическая карьера графа Андрея Кирилловича, продолжавшаяся 50 лѣтъ и представляющая собою весьма много интереснаго. Изъ Неаполя онъ былъ назначенъ въ Копенгагенъ, оттуда въ Стокгольмъ и, наконецъ, въ 1791 году въ Вѣну, гдѣ оставался дольше всего. Мы не будемъ по недостатку мѣста подробно разбирать разные событія, въ которыхъ привелось графу Андрею Кирилловичу обнаружить свой дипломатическій талантъ и тактъ, мы сдѣлаемъ только самую общую характеристику его дѣятельности.

Нельзя сказать про Разумовскаго, что онъ не любилъ Россіи, но онъ любилъ ее какой-то странною любовью, она была для него какимъ-то отвлеченнымъ понятіемъ, и какъ такое отвлеченное понятіе, онъ ее любилъ и думалъ ей служить. Ему трудно было писать по русски, и когда было приказано посламъ при иностранныхъ дворахъ дѣлать донесенія на русскомъ языкѣ, онъ горько жаловался и просилъ отмѣнить это распоряженіе. Жить въ Россіи ему было тяжело, онъ такъ свылся съ Западомъ, что столкновеніе съ реальной, а не отвлеченной Россіей было ему невыносимо. Живя въ Батуринѣ, онъ писалъ своей женѣ въ Вѣну: „*Tout m'éloigne de mon pays, rien ne peut jamais m'y attacher*“. Весь домашній строй его жизни такимъ образомъ сложился, что его все тянуло за-границу и спеціально въ Вѣну. Отсюда была родомъ его жена, урожденная графиня Тунъ, черезъ нее онъ породнился и сблизился съ первыми аристократическими домами австрійскими. „Вѣна въ тѣ времена“,—разсказываетъ графъ Рибопьеръ“,— была аристократическимъ городомъ роскоши и веселья,

столицею вкуса и утонченности. Жизнь протекала тамъ, какъ упоительный сонъ. Императорскій дворъ имѣлъ мало вліянія на общество. Приемовъ тамъ не бывало; туда ѣздили только съ поклонами на новый годъ. При искренней преданности къ престолу, вѣнская аристократія отличалась, однако, полною независимостью... Такого общества, каково было въ тѣ времена вѣнское, теперь ужъ не найдешь. Жена русскаго посла блистала тонкимъ умомъ, живымъ разговоромъ, любезнымъ и всегда ровнымъ нравомъ. Сестры ея, княгиня Лихновская и лэди Кланвильямъ, на нее походили. У Разумовскаго приемы рѣдко ограничивались однимъ угощеніемъ и разговоромъ. Графъ Андрей Кирилловичъ былъ страстнымъ меломаномъ. Въ Вѣнѣ въ это время жили три величайшихъ музыканта Германіи: Гайдень, Моцартъ и Бетховень. Всѣ они бывали у Разумовскаго. Особенно близкія отношенія установились между нимъ и Гайденомъ. Композитора поразило въ русскомъ меломанѣ тонкое музыкальное чутье, благодаря которому онъ угадывалъ въ сочиненіяхъ Гайдена самыя сокровенныя побужденія, остававшіяся для большинства публики недоступными. Разговоры свои съ Гайденомъ Разумовскій передалъ позднѣе Бетховену и черезъ это имѣлъ громадное вліяніе на музыкальное его развитіе. Поддерживая связи съ вѣнскимъ обществомъ, Разумовскій жилъ крайне широко, онъ не останавливался передъ самыми подчасъ безразсудными тратами. Оказалось, напримѣръ, что ѣздить кататься на Пратеръ, любимое вѣнское гульбище, было далеко, такъ какъ Дунай отдѣлялъ гулянье это отъ садовъ Разумовскаго. Приходилось дѣлать огромный объѣздъ, ибо по близости не было моста. Не долго думая, графъ Андрей Кирилловичъ, на свой счетъ, велѣлъ перекинуть черезъ рѣку каменный мостъ, который долгое время носилъ его имя. Понятно, что подобная широкая жизнь не могла покрываться одними его средствами, приходи-

лось дѣлать постоянные долги; мы видимъ, что Разумовскій постоянно запутанъ и просить изъ Петербурга, или отъ отца, или отъ казны, разныхъ пособій для уплаты долговъ.

Мы не можемъ сказать, чтобы Разумовскій не умѣлъ стоять за русское достоинство; онъ доказалъ, что умѣеть его защищать, своимъ образомъ дѣйствій въ отношеніи къ шведскому королю, Густаву III; много разъ старался онъ его поддержать своими представленіями при австрійскомъ дворѣ. Но все-же приходится признать, что, хотя и несознательно, Разумовскій весьма часто дѣйствовалъ въ ущербъ русскому достоинству. Поддавшись чрезмерно вліянію извѣстнаго австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, барона Тугута, Разумовскій справедливо возбудилъ противъ себя негодованіе императора Павла I и Суворова. Въ письмахъ къ нему послѣдняго довольно часто появляются упреки. Такъ, въ письмѣ изъ-подъ Александріи отъ 25 іюня 1799 г., Суворовъ писалъ: „совѣтую вамъ, почтенный другъ, ежели случится в. с. съ чѣмъ ни есть къ войскамъ отнестись, чтобы мнѣ о томъ для соображенія, какъ къ ихъ начальнику, сообщить изволили. Вѣна въ воинскихъ операціяхъ не можетъ никогда, какъ я, свѣдуща быть. Не заведите другой гофкригерать, и одинъ всю мою вѣру и вѣрность крушить. Простите мое чистосердечіе“. „Стыдно вамъ будетъ“,—читаемъ мы въ письмѣ отъ 1-го іюля,—„ежели вы не обращаете вашимъ духомъ лучшія правила, вѣжественнѣе (т. е. болѣе вѣскія) моихъ, для осаженія мудраго Тугута, единственно честнаго патріота, но водимаго прожектерами для военныхъ дѣлъ, по недостатку истинныхъ вождей“. „Оставьте вѣнскіе предразсудки“,—писалъ онъ еще,—„зрѣлѣе и безпристрастно судите мои дѣла“. Иногда упреки принимали шуточный тонъ: „матушка графиня“, обращался къ графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Суворовъ, „высѣки графа, онъ передъ этимъ немного дурилъ“. Суворовъ жаловался государю

на Тугута и на Разумовскаго, который окончательно поддался вліянію хитраго австрійскаго министра. Разумовскому приходилось съ одной стороны успокаивать вспыльчиваго императора, а съ другой усовѣщевать подозрительнаго, безтактнаго и упрямаго Тугута. Въ своихъ депешахъ къ государю, посолъ старался извинить австрійскаго министра, котораго вліяніе было въ апогеѣ. Какъ истому космополиту, графу Андрею Кирилловичу выше всего казалось политическое положеніе Европы, поддержка тѣхъ принциповъ стараго отжившаго европейскаго строя, до которыхъ собственно Россіи, не было никакого дѣла. Разрывъ съ Австріей казался ему невозможнымъ, позоромъ на весь міръ и торжествомъ для ненавистной ему республиканской Франціи. Необходимо ради соглашенія съ Римской имперіей жертвовать всѣмъ, даже Суворовымъ, и Разумовскій старается защитить и выгородить Тугута отъ гнѣва государя, вызваннаго жалобами Суворова. Разумовскій даже не могъ ясно понять причинъ этого гнѣва, вполнѣ справедливаго, свои дѣйствія объяснялъ желаніемъ служить общему благу Европы, не видя, что Австрія при этомъ имѣла чисто эгоистическіе виды; опала, постигшая графа Андрея Кирилловича, представлялась ему слѣдствіемъ недоразумѣнія, онъ жаловался, что не умѣли оцѣнить, какъ слѣдуетъ, его дѣятельности, направленной къ восстановленію европейскаго Status quo.

Теоріи европейскаго равновѣсія (*balance politique*), борьбы съ республиканской Франціей, опредѣлили всю дипломатическую задачу для Разумовскаго. Эти теоріи онъ развивалъ въ запискѣ, поданной государю Александру Павловичу въ началѣ его царствованія. Записка не имѣла успѣха, государь и его молодые либеральные сотрудники мало обращали вниманія на вѣнскую политику, имъ казалось необходимымъ посвятить себя исключительно заботамъ о внутреннемъ благосостояніи

имперіи. Но черезъ нѣсколько времени это пренебреженіе къ внѣшней политикѣ исчезло, у государя составилъ даже цѣлый крайне либеральный, но вполне фантастическій планъ полнаго замиренія и переустройства Европы на федеративныхъ началахъ. Либеральныя тенденціи этого проекта были непонятны и не сочувственны Разумовскому, но для него важно было, что государь обратилъ свое вниманіе на дѣло Европы. Проектъ по своей непрактичности долженъ былъ испытать много перемѣнъ, въ Европѣ высказывали на словахъ сочувствіе проекту, но относились нѣсколько подозрительно къ мечтаніямъ, въ немъ проводимымъ; очень хвалили возвышенный и благородный образъ мыслей императора Александра, но объ осуществленіи проекта говорили нехотя, не придавали ему серьезности; каждая держава имѣла въ виду свои интересы, далеко не соотвѣтствовавшіе самоотреченію, требовавшемуся проектомъ. Но для Разумовскаго важенъ былъ фактъ вступленія Россіи въ общеевропейскую политику, онъ радостно сталъ мечтать о подавленіи революціонной гидры, объ отнятіи власти у ненавистнаго ему узурпатора, Наполеона. Это время было исполнено самой энергичной для него дѣятельности. Онъ весь устремился на составленіе коалицій противъ Наполеона. Въ переговорахъ своихъ съ вѣнскимъ дворомъ, не рѣшавшимся выступить противъ могущественнаго предводителя французовъ, Разумовскій обнаружилъ много такта, настойчивости. Онъ почти насильно заставилъ Австрію вступить въ коалицію, имѣвшую столь плачевный исходъ подъ Аустерлицемъ.

Но придавая такую важность европейскимъ дѣламъ, Разумовскій былъ слабъ тамъ, гдѣ сосредоточивались болѣе реальные интересы Россіи: онъ не понималъ восточнаго вопроса, не понималъ значенія славянства. Въ этомъ отношеніи интересно его поведеніе по дѣлу о Боккѣ Которской. Онъ совсѣмъ не оцѣнилъ важ-

ности этого дѣла, не оказалъ должной поддержки адмиралу Сенявину, дѣйствовавшему съ большою энергіей. Въ этомъ вопросѣ гораздо выше Разумовскаго оказался русскій дипломатъ изъ иностранцевъ—Поццо-ди-Борго. Онъ сѣумѣлъ, во всей путаницѣ тогдашнихъ политическихъ усложненій, разгадать тотъ путь, котораго должна была держаться Россія. Это былъ единственный исходъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, который давалъ петербургскому кабинету огромный перевѣсъ и въ то же время разомъ рѣшалъ тотъ вѣковой вопросъ, котораго важности не сознавали наши дипломаты. Поццо-ди-Борго предлагалъ русскому императору войти въ переговоры съ Наполеономъ изъ Константинополя. Что бы ни случилось, какъ-бы ни разрѣшились дѣла на Западѣ, а все же для Россіи главный интересъ сосредоточивался на Востокѣ. Это понимали свѣтлые русскіе умы. Это понялъ и Поццо, къ крайнему недоумѣнію министра иностранныхъ дѣлъ Чарторижскаго и онѣмечившагося Разумовскаго. Для послѣдняго восточный вопросъ не представлялъ никакого интереса, даже напротивъ, онъ мѣшалъ исполненію его любимыхъ мечтаній, отвлекая силы Россіи въ другую сторону, и понятно, что онъ отстранился отъ Поццо, котораго, надо, однако, къ чести его сказать, онъ первый замѣтилъ и привлекъ на русскую дипломатическую службу.

Конецъ жизни своей Разумовскій, возведенный въ княжеское достоинство, по ошибкѣ произведенный въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника перваго класса, провелъ уже въ вѣ удаленіи отъ дѣлъ въ любимой имъ Вѣнѣ. Здѣсь онъ женился второй разъ на графинѣ Тюргеймъ. Передъ смертію онъ перешелъ въ католицизмъ и этимъ окончательно запечатлѣлъ свое отчужденіе отъ православнаго отечества. Этотъ переходъ въ католицизмъ совершился подъ вліяніемъ фанатичной невѣстки Разумовскаго, графини Лулу Тюргеймъ, и вѣроятно не представилъ особыхъ трудностей для сла-

бавольнаго старика, никогда не отличавшагося глубокой религіозныхъ убѣжденій. Узнавъ объ этомъ фактѣ уже послѣ его смерти, императоръ Николай значительно сократилъ пенсію его вдовѣ. Такъ печально окончилась въ началѣ блестящая карьера этого стараго нашего дипломата.

Вольнодумецъ XVI вѣка.

Въ русской жизни XVI вѣка все болѣе и болѣе замѣчаются проявленія какихъ-то новыхъ вѣяній, которыя могутъ считаться подготовкою къ коренному переустройству стариннаго русскаго быта, происшедшему при Петрѣ Великомъ. Видно усиленіе западно-европейскаго вліянія, но и безъ этого вліянія чувствуется какое-то недовольство старинными традиціями, исканіе новыхъ путей для разрѣшенія постоянно возникающихъ духовныхъ запросовъ. Это исканіе приводитъ зачастую къ разнымъ ошибкамъ, навлекаетъ всяческія бѣды на пытливыхъ искателей правды, которые представляются современникамъ совершеннѣйшими вольнодумцами. За такое вольнодумство они осуждаются, караются, какъ еретики, хотя для насъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, при объективномъ историческомъ изслѣдованіи, ихъ еретичество становится весьма сомнительнымъ.... Къ числу такихъ „вольнодумцевъ-еретиковъ“ относится любопытная личность боярскаго сына Матвѣя Семеновича Башкина.

Неизвѣстно, откуда онъ былъ родомъ: по мнѣнію Н. И. Костомарова, „судя по фамиліи татарскаго происхожденія“, а по предположенію митрополита Макарія, „человѣкъ, если не знатный, то богатый или достаточный“. Въ великій постъ 1553 г. Башкинъ пришелъ на исповѣдь къ священнику московскаго Благовѣщен-

скаго собора, Симеону, и, по словамъ послѣдняго, высказалъ ему нѣкоторыя свои недоумѣнія по вопросамъ нравственности. „Бога ради, пользуй меня душевно,—говорилъ Башкинъ Симеону, — ибо надобно не только читать написанное въ Евангельскихъ бесѣдахъ, но и выполнять на дѣлѣ; все начало отъ васъ, и потому вамъ, священникамъ, слѣдуетъ насъ учить; въ Евангеліи же сказано: Научитесь отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; ибо бо Мое благо и бремя Мое легко есть. Но какая нужда человѣку быть смиреннымъ, кроткимъ и тихимъ? Все это ваша обязанность: сперва исполняйте сами, а потомъ и учите“. Въ другой разъ Башкинъ пригласилъ Симеона къ себѣ и, цитируя апостольскій текстъ: „весь законъ въ словеси скончается: возлюбивши искренняго своего, яко самъ себѣ; аще себѣ грызете и снѣдаете, блюдите, да не другъ отъ друга снѣдени будете“,—говорилъ: „а мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ. Христосъ всѣхъ братією нарицаетъ, а у насъ на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя; а я благодарю Бога моего, у меня что было кабаль и полныхъ, то я всѣ изодралъ, да держу своихъ людей добровольно: добро ему, и онъ живетъ; а не добро,—и онъ куда хочетъ. А вамъ, отцамъ, хорошо бы посѣщать насъ почаще и наставлять, какъ намъ жить, и какъ людей у себя держать, не изнуряя ихъ. Объ этомъ я видѣлъ въ правилахъ, и мнѣ это показалось хорошимъ“. Послѣ этого разговора Башкинъ показывалъ Симеону Апостолъ, „по мѣстомъ извощенъ до трети“, и предлагалъ ему другіе „недоумѣнные“ вопросы, которые представились Симеону „развратными“, такъ что онъ отказался отъ ихъ разрѣшенія. Тогда Башкинъ просилъ его посоветоваться съ знаменитымъ Сильвестромъ: „онъ тебѣ скажетъ, а ты тѣмъ пользуй душу мою; а тебѣ, я знаю, некогда объ этомъ думать въ суетѣ мірской: ни въ день, ни въ ночи покоя не знаешь“.

Когда наступилъ Петровъ постъ, Симеонъ повѣдалъ Сильвестру о своемъ „необычномъ“ духовномъ сынѣ, который, по всей вѣроятности бесѣдовалъ о своихъ недоумѣніяхъ и съ другими лицами, вызывая ихъ смущеніе своимъ не совсѣмъ зауряднымъ любопытствомъ по отношенію къ вопросамъ церковной нравственности: по крайней мѣрѣ, Сильвестръ уже зналъ о немъ и замѣтилъ Симеону: „каковъ тотъ сынъ духовный будетъ, слово про него недобро носится“, а затѣмъ пожелалъ узнать, что у него въ Апостолѣ воскомъ „мѣчено“. Когда царь, ходившій на богомолье въ Кирилловъ монастырь, возвратился въ Москву, Сильвестръ сказалъ ему о Башкинѣ и его недоумѣніяхъ, а Симеонъ „Апостолъ государю отнесъ“. Кромѣ Сильвестра и Симеона царю докладывалъ о Башкинѣ и протопопъ Андрей, а до Алексѣя Адашева дошли слухи, что у Башкина есть единомышленники, впадающіе въ еретичество, которое напоминало секту жидовствующихъ: „испражняють владыку нашего Христа, нещуютъ Сына Божія быти и преславныя дѣйства таинства, и о литургіи, и о причастіи, и о церкви, и о всѣхъ православныхъ въ вѣрѣ христіанской“.

Не входя пока въ разсмотрѣніе дѣла, такъ какъ получено было извѣстіе о предполагаемомъ набѣгѣ крымцевъ, царь выѣхалъ 6 іюля въ Коломну, а Башкина приказалъ арестовать, посадить у себя въ подклѣтъ и поручилъ его двумъ іосифовскимъ старцамъ, Герасиму Ленкову и Филофею Полеву. Башкинъ отрицалъ свое еретичество, но, находясь въ заключеніи, заболѣлъ, „богопустнымъ гнѣвомъ обличенъ бысть, бѣсу преданъ и языкъ извѣся, непотребная и нестройная глаголаше на многіе часы“. Потомъ онъ „въ разумъ прииде“ и слышалъ будто бы голосъ: „нынѣ ты исповѣдуешь меня Богородицею, а враговъ моихъ, своихъ единомышленниковъ, таишь“. Это видѣніе побудило его къ сознанію сперва передъ духовникомъ, а затѣмъ и передъ выс-

шей духовной властью, по приказанію которой онъ „своею рукою исписа и свое еретичество и свои единомышленники о всемъ подлинно. Башкинъ призналъ своими единомышленниками Григорія и Ивана Борисовыхъ и какихъ-то Игнатія и Оому, указалъ, что свое ученіе принялъ отъ аптекаря Матеея, родомъ литвина, и отъ Андрея Хотѣева—латынниковъ, и что заволжскіе старцы не только „не хулили его злобы“, но и утверждали въ ней.

По извѣстію Курбскаго, вольномысліе Башкина шло не отъ латынниковъ, но отъ „люторскихъ ересей“, хотя это извѣстіе ничѣмъ не подтверждено. Бесѣды съ заволжскими старцами у Башкина бывали, но трудно рѣшительно утверждать, чтобы старцы поддерживали еретичество Башкина: вѣроятно, въ силу своей широкой вѣротерпимости, они не препятствовали Башкину толковать о религіи, искать разрѣшенія нравственныхъ вопросовъ, но противъ догматическихъ его заблужденій они и сами возставали, тѣмъ болѣе, что для нихъ и самое еретичество этой „горячей головы“, какъ называетъ Башкина новѣйшій изслѣдователь, г. Калугинъ, представлялось скорѣе ребячествомъ. Такъ можно заключать изъ дѣла о бывшемъ Троицкомъ игуменѣ Артеміи. Кирилловскій игуменъ Симеонъ писалъ царю, что когда онъ объявилъ Артемію, что Башкинъ уличенъ въ ереси, то Артеміи отвѣчалъ на это: „Не знаю, что ересь такая! сожгли Курицына да Рукаваго, и теперь не знаютъ, за что ихъ сожгли“. Артеміи сказалъ на это на соборѣ: „Не помню, такъ ли я про новгородскихъ еретиковъ говорилъ; я новгородскихъ еретиковъ не помню, и самъ не знаю, за что ихъ сожгли и кто ихъ судилъ, то я говорилъ это про себя; не сказалъ я: они того не знаютъ“. Митрополитъ, обратившись на соборѣ къ Артемію, говорилъ ему: „Матвѣй Башкинъ ереси проповѣдывалъ, Сына Единороднаго отъ Отца раздѣлилъ, называлъ Сына не равнымъ Отцу, говорилъ: сдѣ-

лаю грубость Сыну и въ страшное пришествіе Отець можетъ избавить меня отъ муки; а сдѣлаю грубость Отцу, то Сынъ не избавить; молился Матвѣй одному Богу Отцу, а Сына и Св. Духа оставилъ; теперь Матвѣй во всемъ этомъ кается, дѣла всѣ свои на соборѣ обнажилъ“. Артемій отвѣчалъ митрополиту: „Это Матвѣй по ребячески поступалъ, и самъ не знаетъ, что дѣлалъ своимъ самосмышленіемъ: въ Писаніи этого не обрѣтается, и въ ересяхъ не написано“. Митрополитъ говорилъ: „Прежніе еретики не калялися,—и святители ихъ проклинали, а цари ихъ осуждали, и заточали, и казнямъ предавали“. Артемій отвѣчалъ: „За мною посылали еретиковъ судить, и мнѣ такъ не судить, что казни ихъ предать, да теперь еретиковъ нѣтъ и никто не спорить“. Митрополитъ говорилъ ему: „Написалъ Матвѣй молитву къ Единому Началу, Бога Отца одного написалъ, а Сына и Св. Духа оставилъ“. Артемій отвѣчалъ: „Что ему досталось еще время, вѣдь есть молитва готовая Манасіина къ Вседержителю“. Митрополитъ сказалъ на это: „То было до Христова пришествія, а кто теперь такъ напишетъ къ Единому Началу, тотъ еретикъ“. Артемій отвѣчалъ: „Манасіина молитва въ большомъ ефимонѣ написана, и говорятъ ее“.

Изъ приведеннаго разговора ясно видно, что „либеральничанье“ (какъ выражается митр. Макарій) Артемія, а съ нимъ и другихъ заволожскихъ старцевъ, было только въ снисходительномъ взглядѣ ихъ на „ребяческое самосмышленіе“ Башкина и въ болѣе свободномъ отношеніи къ буквѣ „Божественнаго писанія“, чѣмъ это было обычно въ средѣ тогдашняго, преимущественно осифлянскаго духовенства. Башкинъ представлялся, вѣроятно, Артемію и старцамъ, а, можетъ быть и дѣйствительно былъ только человѣкомъ, ищущимъ правильнаго пониманія нравственныхъ христіанскихъ наставленій, а вмѣстѣ и догматики, но не утверждающимъ завѣдомо еретическое ученіе. Однако на соборѣ,

открывшемся въ октябрѣ того же 1553 г., собранномъ послѣ того, какъ „многими глаголы вниде въ слухи“ царю о злыхъ ученіяхъ Башкина, еретичество его и его единомышленниковъ было сформулировано такъ: 1) не признають Іисуса Христа равнымъ Богу Отцу, а нѣкоторые и другихъ поучають на это нечестіе; 2) тѣло и кровь Христову считаютъ простымъ хлѣбомъ и виномъ; 3) святую, соборную апостольскую Церковь отрицають, говоря, что собраніе вѣрныхъ только церковь, а эти созданныя—ничто; 4) изображенія Христа, Богоматери и всѣхъ святыхъ называютъ идолами; 5) покаяніе ни во что полагають, говоря: какъ перестанетъ грѣшить, такъ и нѣтъ ему грѣха, хотя и у священника не покается; 6) отеческія преданія и житія Святыхъ баснословіемъ называютъ, на семь вселенскихъ соборовъ гордость возлагають, говоря: все это они для себя писали, чтобъ имъ всѣмъ владѣть, и царскимъ и святительскимъ: однимъ словомъ, все Священное Писаніе баснословіемъ называютъ, Апостолъ и Евангеліе неправильно излагають.

За неимѣніемъ подлинныхъ показаній Башкина нѣтъ никакой возможности судить, на сколько правильна эта формулировка его взглядовъ, но все-таки можно съ большой вѣроятностью предполагать (хотя бы по аналогіи съ судомъ надъ Артеміемъ), что въ этомъ изложеніи, сдѣланномъ обличителями Башкина, есть значительная доля преувеличеній и казуистическихъ толкованій, которымъ подверглись слова увлекашагося вольнодумца. За свое еретичество Башкинъ былъ осужденъ соборомъ къ ссылкѣ въ Волоколамскій монастырь, куда и прибылъ 22 декабря 1553 г. Дальнѣйшая судьба Башкина неизвѣстна.

Одинъ изъ противниковъ патріарха Никона.

Александръ, вятскій епископъ (род. въ 1609 году, † 17 окт. 1679 г.), происходилъ изъ сольвычегодскихъ посадскихъ людей, постригся въ Никольскомъ монастырѣ, на Коряжмѣ, былъ тамъ поставленъ игуменомъ, оттуда переведенъ въ Спасо-каменный монастырь на Вологду, въ 1643 г. поставленъ во епископы коломенскіе и каширскіе. Присутствуя въ апрѣлѣ, въ маѣ и октябрѣ 1656 г. на соборныхъ засѣданіяхъ по исправленію книгъ, онъ вмѣстѣ съ другими проклялъ Неронова и его единомышленниковъ и одобрилъ изданныя патр. Никономъ книги: „Скрижаль“ и „Требникъ“. На соборѣ 1658 г. была учреждена новая епархія изъ областей Вятки и Великой Перми, подлежащихъ прежде вѣдѣнію патріарха и вологодскаго епископа, и Александръ переименованъ во епископы вятскіе и великопермскіе. На содержаніе и на постройку архіерейскаго дома ему даны вотчины, въ которыхъ считалось не менѣе 300 душъ. По свидѣтельству Никона, Александръ былъ недоволенъ этимъ назначеніемъ, не хотѣлъ ѣхать въ Вятку, говоря, что пойдетъ только въ митрополиты или патріархи. Этимъ недовольствомъ можно отчасти объяснить и послѣдующую дѣятельность Александра. Въ 1662 г., въ самый разгаръ знаменитой ссоры между царемъ и патріархомъ, Александръ подалъ царю болшую челобитную противъ клятвы Никона на митропо-

лита Пителима. Тонъ челобитной чрезвычайно рѣзкій: Александръ называетъ Никона нечестивымъ, суесловнымъ, буйнымъ, сыномъ древняго злодѣя, обвиняетъ его во лжи, уподобляетъ еретикамъ и блудникамъ, проситъ царя избрать новаго патріарха, а Никона отдать „подъ крѣпкое начало въ пречестную которую-либо лавру“. Въ это же время онъ входитъ въ близкія сношенія съ раскольниками, переписывается съ Нероновымъ, боярыней Морозовой, и др.; у него въ кельѣ живетъ златоустовскій игуменъ Теокистъ, который „держитъ у себя на церковь Божию многія развратныя письма“. Александръ руководитъ дѣятельностью Теокиста, даетъ ему совѣты и самъ пишетъ противъ никоновскаго исправленія книгъ. Въ началѣ 1666 г. царь приказалъ осмотрѣть всѣ кельи, какъ Теокиста, такъ и самаго епископа и забрать всѣ, какія найдутся, бумаги Теокиста, а съ ними взять и самого Теокиста, и чтобы епископъ нисколько не препятствовалъ этому осмотру. Въ перечнѣ бумагъ, отобранныхъ отъ Теокиста, значатся слѣдующія раскольничьи сочиненія: 1) „Двѣ тетради о сложеніи перстовъ крестнаго знаменія“, 2) „Столпикъ, вопросы ко всему освященному собору, пятьдесятъ одинъ вопросъ въ церковныхъ вещѣхъ“, 3) „Грамота Пыскорскаго монастыря къ архимандриту Пафнутію о иконникѣ, что онъ писалъ Троицкѣ образъ, да и память подъячему Василью Яковлеву о томъ же дѣлѣ; да тутъ же вопросъ о нынѣшнемъ настоящемъ времени и отвѣтъ“. Въ вопросахъ къ освященному собору сличается „Требникъ“ никоновскій съ могилянскимъ и старыми московскими; Александръ только указываетъ на различія (иногда самыя мелочныя), нисколько не разсуждая о томъ, что правильно, что неправильно, и проситъ соборъ разрѣшить его недоумѣнія. На соборѣ 1666 г. Александръ, покался въ своихъ сомнѣніяхъ и съ четвертаго засѣданія принимаетъ участіе въ соборныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1667 г. онъ под-

писалъ дѣяніе собора, окончательно осудившее раскольниковъ, хотя по свидѣтельству Андрея Денисова и послѣ этого тайно имъ покровительствовалъ. Въ 1669 г. онъ возвращенъ былъ въ свою епархію. Въ 1674 г. самовольно оставилъ паству и посхимился въ Никольскомъ Коряжминскомъ монастырѣ, отпустивъ своихъ архіерейскихъ домовыхъ людей и извѣстивъ о своемъ рѣшеніи царя и патріарха. Въ монастырѣ прожилъ 5 лѣтъ до своей смерти. По словамъ пр. Платона Любарскаго, „о жизни и нравахъ Александра въ Вяткѣ мало что воспоминають, говорятъ, что онъ ничему кромѣ славянорусской грамоты не учень, нравомъ тихъ, кротокъ, благочестивъ, знаковъ никакихъ трудолюбія, экономіи и всякихъ по своей должности учрежденій по себѣ не оставилъ“.

Основатель новоженства.

Основатель новоженства, Иванъ Алексѣевъ *) родился въ 1709 г. въ Великороссіи. Молодымъ человѣкомъ переселился въ Стародубье, гдѣ раскольникамъ жилось гораздо вольнѣе, чѣмъ въ Великороссіи. Есть извѣстіе, что онъ занимался иконописаніемъ. Соединяя съ большою начитанностью тонкій критическій умъ, пламенность въ исканіи истины, „рѣшительность“, по выраженію Павла Любопытнаго, онъ очень скоро выдвинулся изъ среды своихъ единовѣрцевъ, раскольниковъ едосѣвскаго согласія.

Къ этому времени относится цѣлый рядъ его сочиненій противъ православной церкви и поповщины. Въ

---

*) О немъ см. 1) *Александръ Б.* Описаніе нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій, т. I, стр. 262—291. 2) *Макарій.* Исторія русскаго раскола, стр. 277—278. 3) *Нильскій.* Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, вып. I, стр. 105—199. 4) *Ивановскій.* Критическій разборъ ученія старообрядцевъ, стр. 355—360. 5) *Его-же.* Руководство по исторіи и обличенію раскола, ч. I, стр. 99—100. 6) *Филипповъ.* Современные церковные вопросы, стр. 235—270. 7) Чтенія Общ. Истор. и Древн. при Моск. ун. 1863 г. т. I. Каталогъ Павла Любопытнаго, стр. 33—36 и 144. 8) „Исторія о бѣгствующемъ священствѣ въ жур. „Истина“ 1875 г., кн. 39 и 43, и въ „Лѣтоп. рус. литер. и древн.“ изд. Тихонравова 1862 г., т. VI, стр. 53—69. 9) *А. Поповъ.* Описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова №№ 278, 279, 353; Первое прибавленіе къ этому описанію, № 95. 10) *Лилеевъ.* Описаніе рукописей Черниговской Духовной семинаріи, № 124. 11) Труды кievской духовной академіи, 1876 г. 1 кн. стр. 116 и сл.

одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ С.-Петербургской духовной академіи сохранились слѣдующія его сочиненія по вопросу о священствѣ у поповцевъ: а) Исторія о бѣгствующемъ священствѣ; б) О власти преосвященнаго чина, в) О вѣчности священства Христова суетно поемлющимъ возраженіе, г) О истинной церкви доказательство, кую и врата адава одолѣти не могутъ, разговоръ; д) Мужу честному, приславшему къ намъ четыре нѣкіе вопроса; е) Книга о бѣгствующемъ іерействѣ, разговоры и извѣщеніе о должности святѣйшаго преданія; ж) Иного разума вопросы, сирѣчь не о іерействѣ, но о принадлежащихъ іерейству. Въ перечисленныхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ самое замѣчательное „Исторія о бѣгствующемъ священствѣ“, Алексѣевъ сильно полемизируетъ противъ пріема бѣглыхъ поповъ; стоя на строго-канонической почвѣ, онъ категорично отвергаетъ законность бѣглопоповства.

Кромѣ своего полемическаго значенія, „Исторія о бѣгствующемъ священствѣ“ важна и въ историческомъ отношеніи, въ ней сообщаются довольно подробныя свѣдѣнія: 1) Объ основателяхъ раскола въ южныхъ и юго-западныхъ предѣлахъ нашего отечества, іеромонахѣ Іовѣ, игуменѣ Досифеѣ, попахѣ Козьмѣ и Стефанѣ, іереяхъ Іоасафѣ и Θεодосіи; 2) О появленіи раскола въ Рыльскомъ уѣздѣ, на Дону, на Донцѣ, при Чирѣрѣкѣ, за Астраханью у моря Хвалынскаго, близъ Кумы, на Кубани, въ Калугѣ, въ Стародубѣ; 3) Объ основаніи въ расколѣ толка поповщины при попѣ Θεодосіи; 4) О построеніи церкви на Вѣткѣ; 5) О первыхъ бѣглыхъ попахѣ новаго посвященія на Вѣткѣ; 6) Объ исканіи архіерейства, о раскольничьихъ епископахъ Епифаніи, Аѣиногенѣ и Анѣимѣ; 7) О первыхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ въ расколѣ образованіемъ толка поповщины. По этой „Исторіи“ можно судить о начитанности Алексѣева и объ объемѣ раскольничьей литературы его времени: онъ упоминаетъ очень много

разныхъ раскольничьихъ сочиненій, напр. „Исторію объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ“, „Отвѣты діаконовъ“ и др.

Благодаря всѣмъ этимъ писаніямъ, Алексѣевъ занялъ почетное мѣсто у еедосѣвцевъ, они считали его своею крѣпкой опорой. Но и съ ними ему суждено было скоро разойтись. Причиной раздора послужилъ вопросъ о бракѣ. Еще живя въ Великороссіи, Алексѣевъ сталъ задумываться надъ судьбою еедосѣвскихъ дѣтей, которыя по ученію секты считались незаконными или сиротами, не имѣющими ни отца, ни матери. Впослѣдствіи онъ убѣдился, что ученіе о всеобщемъ безбрачїи порождаетъ множество всякихъ злоупотребленій и рѣшилъ искать выхода изъ ненормальнаго положенія, установленнаго этимъ ученіемъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ имѣлъ предшественника въ лицѣ нѣкоего Михаила Вышати́на. Вышати́нъ не рѣшился сойти съ еедосѣвской точки зрѣнія, что бракъ невозможенъ безъ законнаго священства, и отправился искать „Христовъ Священства“ въ Палестинѣ. Алексѣевъ поставилъ вопросъ иначе. Онъ сперва искалъ разрѣшенія его у своихъ единовѣрцевъ: ѣздилъ къ Андрею Денисову, предлагалъ ему разные вопросы, былъ въ Москвѣ, гдѣ встрѣтилъ сочувствіе своему дѣлу въ наставникахъ Антонѣ Ивановичѣ и Семенѣ Артемьевичѣ; въ польскомъ городѣ Кутѣ познакомился съ учениками Вышати́на; много бесѣдовалъ съ наставникомъ Леонтіемъ Θεοδοсіевичемъ.

Удовлетворительнаго рѣшенія своихъ вопросовъ онъ нигдѣ не нашелъ и выработалъ свое оригинальное ученіе, изложенное въ огромномъ сочиненіи „О тайнѣ брака“. Сочиненіе это, экземпляръ котораго есть въ библиотекѣ петербургской духовной академіи, состоитъ изъ двухъ частей: въ первой 20 главъ, во второй 7. Сущность ученія Алексѣева состоитъ въ слѣдующемъ: бракъ есть тайна, но не въ смыслѣ таинства, какъ по-

нимаетъ его православная церковь, таинства, въ которомъ черезъ пресвитерское благословеніе сообщается брачущимся особенная благодать Св. Духа, а въ смыслѣ таинственнаго значенія супружеской любви, какъ образа любви Христа къ Церкви. Богъ благословилъ бракъ первыхъ людей, и это благословеніе преемственно переходитъ на всѣхъ вступающихъ въ бракъ. Необходимыми элементами для совершенія брака слѣдуетъ признавать взаимную любовь брачущихся, согласіе ихъ на бракъ и благословеніе родителей. Церковное вѣнчаніе не есть необходимость, оно только „общенародный христіанскій обычай“, освященный древностью. Основатель еедосѣвской секты принималъ староженовъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви, не разводя ихъ. Въ виду такой практики, Алексѣевъ полагалъ, что вѣнчаніе, какъ общенародный обычай, можно совершать въ православной церкви и повѣнчавшихся тамъ не разводить въ еедосѣвской общинѣ. Выраженіе „общенародный обычай“ подало поводъ въ 60-хъ годахъ къ горячему ученому спору: проф. Нильскій приравнилъ Алексѣева къ „современнымъ защитникамъ женской эмансипаціи“; противъ этого возражалъ Т. И. Филипповъ, рѣшительно доказывая, что у Алексѣева не было никакой мысли о гражданскомъ бракѣ, что въ основѣ его разсужденій лежитъ все же мысль о церковномъ преданіи. При своемъ появленіи ученіе Алексѣева было неодинаково встрѣчено раскольниками разныхъ сектъ: поморы отнеслись къ нему дружелюбно, но за то крайнюю враждебность къ нему обнаружили еедосѣвцы: Алексѣева всячески поносили и бранили, и на соборѣ 1752 г. его ученіе объявили ересью и рѣшили не имѣть общенія ни съ нимъ, ни съ его послѣдователями. Но около Алексѣева образовался значительный кружокъ единомышленниковъ, составившій въ 1757 г. общество новоженовъ. Впослѣдствіи, отчасти даже при его жизни, ученіе Алексѣева подверглось нѣкоторымъ измѣне-

ніямъ, но существо его сохранилось. Алексѣевъ умеръ на 67 году жизни, въ 1776 году.

Наиболѣе полный перечень его сочиненій находится въ „Каталогѣ“ Павла Любопытнаго: 1) Разговоръ съ монахомъ Ѳеодоромъ Ковашевскимъ о таинствахъ и бракъ; 2) Разсужденіе о старовѣрческой церкви и старообрядцахъ; 3) Исторія о бѣгствующемъ іерействѣ старообрядцевъ; 4) Опроверженія по разговору на всѣ основанія старообрядцевъ въ приѣмъ пресвитеровъ отъ Никоновой церкви; 5) Книга о бракахъ; 6) Показаніе о явныхъ заблужденіяхъ грубыхъ ееодосіянъ, заключающееся въ 24 статьяхъ; 7) Краткое и любопытное описаніе старообрядческой церкви, нѣкоторыхъ церковныхъ мудрованій и ея въ сихъ отношеніяхъ распри, о началѣ бытія Анофріевой церкви или согласія, тоже діаконщины и скопищъ нѣтовщины; 8) Показаніе о ееодосіянскихъ злочестіяхъ; 9) Книга Титинъ, о двуперстномъ сложеніи, и триперстіи Никона патріарха; 10) Опроверженіе всѣхъ старообрядческихъ доводовъ о ихъ бѣгствующемъ беззаконномъ іерействѣ и прочемъ; 11) Книга по разговору о существенномъ бытіи антихриста въ мірѣ и многихъ его происшествіяхъ; 12) Возгласительное слово ееодосіянцевъ, лжемудрственно по невѣжеству своему и суетно дѣвство святящихъ; 13) Десять посланій въ разныя страны къ пастырямъ душъ и благочестивымъ мужамъ о назиданіи церкви и ея украшеніи; 14) Отвѣты на вопросы старообрядцевъ или поповщины о конечности Христова священства и Евхаристіи, 5 тетрадей въ 4, сочинены 1756 года іюля 24; 15) Показаніе о силѣ вѣчныхъ завѣтовъ и приказаній Божіихъ, 30 тетрадей въ 4, соч. 1757 г.; декабря 20; 16) Разсужденіе о свойствѣ благовѣрія и церковныхъ таинствахъ, 8 тетрадей въ 4, соч. 1757 г. февраля 30; 17) Апологія о ненужныхъ поповскихъ молитвахъ очищенія рождающей женѣ дѣтей, 7 тетрадей въ 4, сочинена 1758 г. и докончена апрѣля 25; 18) Вторая апо-

логія о семъ предметѣ по вопросамъ и отвѣтамъ, 12 листовъ въ 4, соч. и конч. 1758 г. мая въ послѣднихъ числахъ; 19) Показаніе о возобновленіи древнихъ нѣкоторыхъ ересей еѳодосіанами и прочихъ, 5 тетрадей въ 4, соч. и доконч. 1758 г. февраля 27; 20) На вопросы поповщинѣ отвѣты о покаяніи, дѣйствиюемъ простолюдинами, 2 тетр. въ 4, соч. и оконч. 1759 г. дек. 20; 21) Показаніе о постриженіи въ иночество нерукоположенными мужами, 3 тетр. въ 4; 22) Полная апологія о нарѣчномъ пѣніи, 9 тетр. въ 4, соч. и оконч. 1760 г. мая 31; 23) Апологія о хриstopреданномъ двуперстномъ сложеніи на благословеніе и знаменованіе христіанства, 5 тетр. въ 4, соч. 1760 г. іюля 31; 24) Возраженіе на всѣ поповщинскія основанія о бѣгствующемъ священствѣ, 4 тетр. въ 4, соч. 1762 г. іюля 3; 26) Убѣдительныя предложенія и отвѣты старообрядцамъ о ихъ заблужденіи въ священствѣ, 8 тетр. въ 4, соч. 1762 г. сент. 15; 26) Изслѣдованіе о Христовомъ священствѣ и опроверженіе бѣгствующаго іерейства старообрядцевъ, 9 тетр. въ 4, соч. 1762 г. іюля 30; 27) Вторая полная апологія о знаменіи на себѣ двуперстнаго Хриstopреданнаго сложенія, 8 тетр., соч. 1764 г. окт. 4; 28) Разговоръ съ езуитомъ о Хриstopреданномъ тревогужательномъ крещеніи христіанства, 2 тетр. въ 4, соч. 1764 г. ноябр. 30. Кромѣ этихъ, по словамъ Любопытнаго, были еще сочиненія Алексѣева, но они утрачены

Распространитель ученіе о приходѣ антихриста.

Какъ извѣстно, при Петрѣ Великомъ значительно усилились среди раскольниковъ толки о пришествіи антихриста и предстоящей вскорѣ кончинѣ міра. Преобразованія Великаго Императора такъ рѣзко мѣняли вѣками выработавшійся укладъ жизни, что вполне естественно въ умахъ русскихъ людей должна была рождаться тревога за будущее: царь порвалъ со всѣми изстаринными преданіями, онъ явно не обнаруживаетъ того благочестія, которымъ отличались его предшественники, онъ не только самъ усвоилъ, но и заставляетъ своихъ подданныхъ принять еретическіе, заморскіе обычаи, курить табакъ, брить бороду, носить нѣмецкое платье, водиться съ иностранцами. Для людей, уже раньше взволнованныхъ церковными исправленіями патріарха Никона, подобные факты представлялись подозрительными, внушающими серьезныя опасенія, тѣмъ болѣе, что уже съ половины XVII вѣка ожидалась кончина міра, предсказанная въ книгѣ о Вѣрѣ, въ Кирилловой и Ефремовой книгахъ. Въ этихъ и въ другихъ различныхъ книгахъ встревоженные современники Петра Великаго находили, какъ имъ казалось, прочное основаніе утверждать, что уже наступили послѣднія времена, что въ мірѣ царствуетъ антихристъ. Но кого же считать этимъ антихристомъ? Конечно, такимъ лицомъ проще всего было признать того человѣка, который,

пользуясь своею властью, причинилъ особенно много вреда истинной вѣрѣ, искажилъ въ конецъ древнее благочестіе. Такимъ образомъ слагалась легенда о томъ, что антихристъ воплотился именно въ лицѣ Петра Великаго, и находились люди, фанатично увѣровавшіе въ эту легенду и усердно ее распространявшіе для того, чтобы спасти ближнихъ отъ конечной гибели.

Къ числу такихъ людей принадлежалъ монахъ Самуиль, въ мірѣ Степанъ, дьячекъ одной изъ Тамбовскихъ церквей, человѣкъ, крайне чуткій къ вопросамъ вѣры и нравственности и не способный удовлетворяться однимъ разглагольствованіемъ о нихъ: для него слово почти непосредственно обращалось въ дѣло, вѣрованіе приводило къ опредѣленнымъ практическимъ результатамъ. Разъ увѣровавъ въ какую-либо истину, подобный человѣкъ уже не могъ хранить ее для себя одного и становился ревностнѣйшимъ ея пропагандистомъ.

Какой-то монахъ Савва преподавалъ Самуилу ученіе о томъ, что антихристъ не кто иной, какъ самъ царь Петръ, „потому что владѣетъ самъ одинъ, и патріархъ нѣтъ, а то его печать, что бороды брить и у драгунъ раскаты“. Вслѣдствіе этого Степанъ пересталъ ходить въ церковь. Духовникъ его еще болѣе усилилъ его сомнѣнія, рассказавъ такой случай: „Какъ мы бывали на Воронежѣ въ пѣвчихъ, то пѣвали предъ государемъ и въ компаніи, проклинали измѣнниковъ кой-какихъ; однажды дошелъ разговоръ до Талицкаго, и государь говорилъ: „какой онъ воръ Талицкій! Уже и я по его антихристъ! О Господи! уже и я антихристъ предъ тобою“. Передавая этотъ эпизодъ, духовникъ выражался неопредѣленно, такъ что Петръ дѣйствительно могъ представляться антихристомъ. Тѣ же впечатлѣнія вынесъ Степанъ изъ чтенія Кирилловой книги и изъ разговора съ какой-то бабой, видѣвшей царицу Евдокію, которая будто бы говорила о Петрѣ: „это не мой царь, иной выше“. Подъ вліяніемъ этихъ рассказовъ

Степанъ постригся подъ именемъ Самуила въ треугляевскомъ Тамбовскомъ монастырѣ.

Ожидая гоненія на монастыри, онъ собирався „уйти въ горы“. А между тѣмъ монахъ Филаретъ сообщилъ ему, что Петръ сынъ Лефорта, а монахъ Никодимъ подтвердилъ, что Петръ предтеча антихристовъ. Находясь въ Воронежѣ, Самуилъ подбросилъ въ неизвѣстный дворъ письмо, что Петръ антихристъ; а послѣ этого устыхалъ, что царь сидитъ въ заточеніи въ Стокгольмѣ. Запрещеніе читать Ефремову книгу и Соборникъ и нѣкоторыя распоряженія Духовнаго регламента о монахахъ окончательно привели Самуила въ отчаяніе: онъ бѣжалъ, но былъ пойманъ и посаженъ на цѣпь. Во время вторичнаго побѣга къ казакамъ онъ встрѣтился съ какимъ-то попомъ, который называлъ Петра „имперетеромъ:“ „людей де имъ перетерли“. Но здѣсь же, у казаковъ чтеніе Увѣта Духовнаго и Пращицы оказало такое дѣйствіе на Самуила, что онъ возвратился въ православіе. По указу Синода, какъ молодой монахъ, Самуилъ былъ отправленъ для ученія въ Богоявленскій монастырь въ Москвѣ. Тягости этого школьнаго обученія, а также извѣстіе, что бывшая его жена вышла за кого-то замужъ, снова возбуждаютъ ропотъ Самуила. Онъ порицаетъ Духовный регламентъ, и въ безсильной ярости, чтобы какъ-нибудь облегчить себя, сталъ писать на клочкахъ бумаги бранныя слова противъ преобразователя, когда того уже не было въ живыхъ. Одну такую бумажку нашли, признали руку Самуила и взяли его въ тайную канцелярію. Самуилъ откровенно изложилъ дѣло, клялся, что писалъ не для того, чтобы пустить въ народъ, но ради покоя совѣсти. Его казнили смертью.

Одинъ изъ раскольничьихъ полемистовъ XVIII вѣка.

Среди расколоучителей XVIII вѣка одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Александръ-Дьяконъ, (род. въ 1674 или 1675 г., казненъ 21 марта 1720 г.). Родомъ онъ былъ изъ нерехотскихъ посадскихъ людей и служилъ дьякономъ въ тамошнемъ женскомъ Владимірскомъ монастырѣ. Читая старыя книги, онъ обратилъ вниманіе на мѣста, гдѣ говорилось о двуперстіи и сугубой аллилуіи; его смутило слово: „иже не крестить двѣма персты, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ“. Онъ обращался за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ монастырскому священнику, Василию Ѳедорову, но тотъ ничего не разъяснилъ и посовѣтовалъ только не читать старыхъ книгъ. Но Александръ необходимо было разъясненіе. Въ это время онъ сошелся со старицей Елисаветой, которая пришла въ Нерехту изъ Ярославскаго монастыря. Елисавета „съ великимъ ужасомъ открыла Александру, „что-де нынѣ вѣра неправая и говорить-де о томъ не смѣю для того, что-де нынѣ за то мучать“, и рассказала въ раскольничьемъ духѣ о книжномъ исправленіи при патр. Никонѣ.—„Гдѣ же истинная вѣра“, спросилъ Александръ.

— „Она обрѣтается въ сокровенномъ мѣстѣ, а именно въ лѣсу, въ нижегородскихъ пустыняхъ, коли хочешь спастись, то туда иди“—отвѣтила Елисавета и дала ему

наставленіе, какъ узнать истинныхъ подвижниковъ: „они сухи, постны и въ худой одеждѣ.“

Александръ продалъ все свое имущество и съ женой тайкомъ ушелъ изъ Нерехты (1703 г.). Въ Ярославлѣ встрѣтился онъ на постояломъ дворѣ со слѣпцомъ Каріономъ и пошелъ за нимъ. Но вскорѣ онъ познакомился со старцемъ Іоною, который ему понравился больше слѣпца. Старецъ его увелъ въ свой скитъ въ чернораменскихъ лѣсахъ Балахнинскаго у. Нижегородской губ. Жена Александра постриглась въ одномъ изъ керженскихъ женскихъ скитовъ. Проживъ годъ у Іоны, Александръ „научился подлинно разумѣнію въ вѣрѣ“. Потомъ онъ жилъ во многихъ другихъ скитахъ на послушаніи у разныхъ старцевъ. Въ 1709 г. постриженъ въ монахи наставникомъ Лаврентіемъ, а черезъ годъ сдѣлался настоятелемъ скита послѣ смерти Лаврентія.

Ко этому времени относятся споры о мурѣ и кажденіи, послужившіе поводомъ къ образованію согласія „дьяконовцевъ“ или „новокадильниковъ“. Вѣтковскій настоятель, черный попъ Θεодосій, принимая бѣглыхъ поповъ черезъ муропомазаніе, сталъ употреблять священное имъ самимъ муро. Но керженцы возстали, съ дьякономъ Александромъ во главѣ, противъ употребленія этого мюра. Александръ писалъ объ этомъ посланіе къ Θεодосію (объ этомъ свидѣтельствуетъ Иванъ Алексѣевъ въ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“), ссылаясь на Кормчую книгу и доказывалъ, „яко муро древнее окончася“. Послѣднее показаніе Алексѣева не совсѣмъ достовѣрно, такъ какъ дьяконовцы все же употребляли какое-то „древнее муро“, освященное отъ архіереевъ до Никона, и къ нему „за оскудѣніемъ приливали масла по правилу св. Матвѣя іерусалимскаго“. Другимъ отличіемъ дьяконовской секты является особый видъ кажденія: по мнѣнію Александра, вѣтковцы неправильно совершали

во время службы троекратное каженіе, ходя дважды прямо, а третій разъ поперекъ, тогда какъ по уставу слѣдуетъ кадить крестообразно, разъ прямо, потомъ поперекъ, какъ крестообразно мы ограждаемъ себя рукою. Согласно этому ученію, въ 1706 г. 6 янв., во время крестнаго хода для освященія воды, онъ началъ кадить крестообразно; народъ, замѣтивъ это нововведеніе, бросился на дьякона, такъ что онъ едва могъ спастись бѣгствомъ. Но вскорѣ онъ склонилъ на свою сторону настоятеля своего скита, попа Дмитрія, и многихъ другихъ. Начались ожесточенные споры между двумя партіями. Θεодосій писалъ грозныя посланія противъ „новокадильниковъ“, обѣщавъ ихъ отлучить отъ церкви; ему отвѣчали Тимоѳей Матвѣевичъ Лысенинъ, Василій Власовъ, попы Тихонъ, Герасимъ, Дмитрій, самъ дьяконъ Александръ. Такимъ образомъ явилось согласіе дьяконовщины.

Слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующіе пункты ученія дьяконовцевъ: 1) должно почитать четвероконечный крестъ, какъ и весьмиконечный (хотя впоследствии дьяконовцы стали говорить о четвероконечномъ крестѣ, что онъ „по всему первообразному Христову кресту подобенъ быти не можетъ“); 2) можно употреблять молитву: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ“, какъ и молитву: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божіи, помилуй мя грѣшнаго;“ 3) Миряне, приходящіе изъ православной церкви, принимаются черезъ мѣропомазаніе, такъ же принимаются и попы, хотя относительно ихъ исполнѣ опредѣленныхъ правилъ не установилось.

Во время этихъ споровъ и толковъ въ нижегородскихъ предѣлахъ противъ раскольниковъ дѣйствовалъ извѣстный Питиримъ. 1 янв. 1716 г. онъ послалъ къ дьякону Александру 130 вопросовъ и требовалъ письменнаго отвѣта, „коихъ ради винъ отдрались отъ единства церкви и какъ содержимое ими разумѣютъ быти.“

Дьяконовцы приняли вопросы, обѣщали отвѣчать, и 1 авг. написали посланіе и 240 вопросовъ со своей стороны. Въ 1717 г. Питиримъ извѣстилъ дьяконовцевъ, что его отвѣты готовы и спрашиваль, готовы-ли они. Долго дьяконовцы отказывались отвѣчать ему письменно, наконецъ силой вынуждены были это сдѣлать и представили свои отвѣты 15 мая 1719 г. Есть извѣстіе, что они писаны Андреемъ Денисовымъ, но къ этому извѣстію слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою осторожностью. Первая часть „отвѣтовъ,“ такъ сказать, общая, чрезвычайно сходна съ „Поморскими Отвѣтами“ и относительно ея приведенное извѣстіе можетъ быть принято, но вторая часть, излагающая спеціально дьяконовскія возрѣнія, по всему вѣроятію, писана самими дьяконовцами, т. е. дьякономъ Александромъ и др. 29 сент. Питиримъ пріѣхалъ съ солдатами въ Дрюковскую волость и приказалъ раскольникамъ собраться для спора. Между тѣмъ тайно, черезъ раскольниковъ старца Варсонофія, онъ прислалъ къ дьяконовцамъ черновое доношеніе такого рода: „разсуждали мы многое время и уразумили неправо, а на многіе не отвѣчали, понеже не возмогахомъ, какъ бы многіе не отвѣщати праведно. И того ради просимъ по совѣту всего нашего сословія, прости насъ безъ остоязанія въ оныхъ неправедныхъ нашихъ отвѣтахъ понеже мы не можемъ отвѣщати нынѣ и впредь; а мы оныя наши отвѣты полагаемъ нивочто, яко бы и не писаны; далѣе говорится, что отказъ писанъ не по насилію, но добрымъ произволеніемъ. Стѣдовало переписать это доношеніе, приложить руки, подать при народѣ Питириму и ни о чемъ не спорить. Варсонофій говорилъ: хотя станеть и истязать васъ, чтобы вы противъ вопросовъ отвѣтствовали, а вы кланяйтесь, чтобы не отвѣтствовать, а довлѣтъ доношеніемъ“. Долго колебались Александръ и дьяконовцы, но наконецъ „убоясь большихъ мукъ и ссылокъ и ноздрей рванія,“ приложили руки къ доношенію.

1 октября состоялась бесѣда въ той обстановкѣ, какъ говорилъ Варсонофій. Совѣсть мучила Александра послѣ этого поступка, онъ клялся своимъ единомышленникамъ, что подписалъ доношеніе изъ страха. Но ему хотѣлось торжественно отречься отъ этого дѣла. Въ декабрѣ онъ тайно ушелъ въ Петербургъ и подалъ на имя Государя кабинетъ—секретарю Макарову новое доношеніе, въ которомъ подробно описалъ дѣйствія Питирима, отрекался отъ „приложенія руки къ несправедливому доношенію.“ Противъ Александра былъ поставленъ Варфонофій, который доказывалъ, что Александръ написалъ новое свое доношеніе безъ совѣта скита. 12 февраля дьяконъ допрашивался въ кабинетѣ Государя, 16 февраля посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, 22-го его пытали, желая узнать, кто его сообщники, но онъ никого не открылъ. Приказано было отвезти его въ Нижній и казнить. Тамъ ему всенародно отрубили голову, и тѣло сожгли на кострѣ 21 марта 1720 г.

Изъ очерка жизни и дѣятельности дьякона Александра видно, что это былъ человѣкъ искренно стремившійся къ истинѣ; не его вина, если онъ заблуждался: люди, съ которыми онъ сталкивался, не могли ему помочь въ его исканіяхъ; оказавши нѣкоторую слабость въ стояніи за свою вѣру, онъ не могъ перенести своей измѣны, совѣсть заставила его отречься отъ покаянія, и спокойно пошелъ онъ на смерть. Андрей Іоанновъ и нѣкоторые историки съ его словъ обвиняютъ дьякона въ непостоянствѣ, будто онъ присоединился къ православію, а потомъ отрекся, но, какъ справедливо замѣчаетъ Н. Я. Аристовъ, это „чистѣйшая ложь,“ и въ указѣ о казни Александра ничего не говорится о его переходѣ въ православіе.

Изъ сочиненій дьякона Александра до сихъ поръ ничего не напечатано, хотя въ рукописяхъ они встрѣчаются во многихъ библіотекахъ. Вообще надо замѣтить, что степень авторства Александра трудно опре-

дѣлать. „Духовное Завѣщаніе“ его, находящееся въ числѣ рукописей Царскаго (опис. Строева, № 750 ст. 100), и нѣкоторыя, такъ называемыя „новокадильническія“ сочиненія, несомнѣнно принадлежать ему одному; относительно-же „Дьяконовыхъ отвѣтовъ“ и нѣкоторыхъ другихъ рукописей, ему приписываемыхъ, слѣдуетъ допустить коллективное авторство.

Основатель скопчества въ Россіи.

Въ числѣ разныхъ религіозныхъ ученій, распространенныхъ въ Россіи, съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ и отдѣльныя упоминанія о скопчествѣ; однако уже самая рѣдкость подобныхъ упоминаній показываетъ намъ, что это ужасное проявленіе религіознаго фанатизма долго не могло встрѣтить сочувствія въ русскомъ народѣ, что среда не благопріятствовала распространенію этой ереси. Только XVIII вѣкъ оказывается такою эпохою, въ которую скопчество могло сдѣлать очень замѣтные успѣхи. Причиною этихъ успѣховъ нужно считать съ одной стороны общее религіозное броженіе, а съ другой—появленіе энергичнаго проповѣдника скопческой доктрины. Религіозное чувство русскаго народа въ XVIII вѣкѣ, какъ мы знаемъ, было сильно возбуждено: Никоновское исправленіе книгъ, Петровская реформа были причиной усиленнаго распространенія толковъ о страшномъ судѣ, о приходѣ антихриста, о гибели истинной вѣры и т. п. При этихъ толкахъ легко рождалось страстное исканіе путей спасенія, и всякія мистическія доктрины должны были привлекать къ себѣ общее вниманіе. Вотъ почва для возникновенія хлыстовщины и одного изъ ея развѣтвленій, скопчества. Однако самая исключительность этого послѣдняго религіознаго заблужденія должна была служить помѣхою его распространенія, если бы пропаганда его не оказалась въ рукахъ рѣдко фанатичнаго человѣка.

Личность этого человѣка, Кондратія Селиванова, котораго слѣдуетъ признавать настоящимъ основателемъ скопческой ереси въ Россіи, до сихъ поръ еще остается не вполне разъясненной, такъ какъ единственнымъ источникомъ являются его собственные показанія, изложенныя или въ официальныхъ документахъ, или же въ такъ называемыхъ „страдахъ“. Послѣднія издавались нѣсколько разъ, и, какъ видно уже изъ самаго ихъ заглавія („Страданій свѣта, истиннаго Государя-Батюшки, странствованій и трудовъ дрожайшаго нашего Икупителя и Вселенскаго учителя оглашеніе“) имѣютъ цѣлью, главнымъ образомъ, прославленіе ересіарха, и, какъ своеобразная религіозная эпонея, изобилующая чудесами, не могутъ считаться прочнымъ основаніемъ для какихъ-нибудь опредѣленныхъ заключеній о личности и о первыхъ временахъ дѣятельности Селиванова. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Селиванову приписываются различныя имена: то его называютъ Кондратіемъ, то Семеномъ, то Андреемъ, Иваномъ или Өомой, и нѣтъ возможности рѣшить, какое изъ этихъ именъ настоящее, хотя официально за Селивановымъ удерживается имя Кондратія.

О своемъ происхожденіи Селивановъ показывалъ въ 1802 г. Д. П. Трошинскому, что онъ „крестьянинъ князя Кантемира, Орловской губерніи, села Столбова“; однако по дознанію 1844 г. причтъ села Столбова, волостное правленіе и старожилы до 80-лѣтняго возраста показали, что „ни о какомъ Селивановѣ въ Столбовѣ и слуховъ не было“; кромѣ того онъ не значится и въ ревизскихъ сказкахъ 1762 г. Архимандриту Суздальскаго Спасо-Евѣиміева монастыря Парѣенію Селивановъ называлъ себя уроженцемъ Орловской губерніи, города Дмитровска, изъ крестьянъ помѣщика Воловскаго. Е. В. Барсовъ полагалъ, что Селивановъ былъ поручикъ Нотебургскаго пѣхотнаго полка (по имени Владиміръ), исключенный изъ службы въ 1757 г. и пропавшій безъ

вѣсти; съ этимъ предположеніемъ до нѣкоторой степени соглашался и П. И. Мельниковъ, такъ какъ въ Нотенбургскомъ полку въ семидесятихъ годахъ XVIII ст. существовало скопчество, явилось въ полку одновременно или, можетъ быть, ранѣе пропаганды Селиванова въ Тульской губерніи; а кромѣ того въ пользу этого предположенія приводится то соображеніе, что „всѣ видѣвшіе впослѣдствіи Селиванова въ Петербургѣ отзываются, что онъ, судя по наружности и пріемамъ, не казался человѣкомъ изъ простонародья“. Г. Реутскій думалъ, что настоящее имя Селиванова было Андрей Ивановъ, и былъ онъ крестьянинъ села Брасова, Сѣвской округи; въ 1737—1745 г.г. подъ именемъ Андреяна Петрова онъ игралъ видную роль въ средѣ московскихъ хлыстовъ, а въ 1772 г. былъ за скопчество наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, а уже послѣ возвращенія изъ ссылки назвался Кондратіемъ Селивановымъ; но все это построеніе г. Реутскаго, какъ доказалъ Мельниковъ, не выдерживаетъ вовсе критики. Наконецъ, намъ неизвѣстенъ въ точности годъ рожденія Селиванова: Мельниковъ указываетъ, что онъ родился около 1740 г., а по свѣдѣніямъ Трощинскаго, Селиванову въ 1802 г. было около 70 лѣтъ, такъ что онъ родился въ 1730 г.; и наконецъ по донесеніямъ архимандрита Пароевскаго можно заключить, что Селивановъ родился въ 1720 г.

Что касается „страдъ“, то въ нихъ о происхожденіи Селиванова сообщаются вполне легендарныя свѣдѣнія: „Отецъ-Искупитель“ родился чудесно отъ пренепорочной Дѣвы, императрицы Елизаветы Петровны, скрывшейся въ Орловскую губернію подъ именемъ Акулины Ивановны. Она „Царица Небесная“, „Сіонъ-гора“, „божественная клеща, уголь огненный въ себѣ державшая“, родила его, „разблажившись Святымъ Духомъ“. Помолясь Саваоу, она затрубила въ золотую трубу, утроба ея растворилась, и на рукахъ ея явилось „вознѣженное

дита“. Акулина Ивановна удивилась, залилась слезами, благодарила Саваою за это чудесное рожденіе сына. И тогда вся вселенная перекрестилась, земля и небо обновились, ангелы, архангелы и вся небесная помолилась, и разрушились стѣны ада. Отець-Искупитель, рожденный такимъ образомъ, былъ государь Петръ Ѳедоровичъ. Онъ воспитывался въ Голштиніи и былъ оскотченъ въ отрочествѣ. Возвратившись въ Россію, онъ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которая, узнавъ, неспособность супруга къ брачной жизни, подговорила вельможъ убить его. Въ Ропшинскомъ дворцѣ угрожала смерть Отцу-Искупителю, но нашелся вѣрный солдатъ, который надѣвъ платье императора, былъ убитъ и затѣмъ похороненъ въ Александро-невской лаврѣ, царствомъ же завладѣла Екатерина Алексѣевна. Она предалась „лѣпости“ со своими вельможами и даже съ самимъ діаволомъ, отъ котораго родила сына. Послѣдній учился въ Петербургѣ, въ Россійской академіи, а потомъ отправленъ былъ въ Парижъ, гдѣ по своимъ способностямъ вышелъ въ императоры. Этотъ сынъ Діавола и Екатерины былъ Наполеонъ. Искупитель, избавившись отъ смерти, послѣ скитаній у чухонцевъ и въ Европѣ и послѣ многихъ чудесъ, отправился въ Орловскую губернію, гдѣ пребывала Елизавета Петровна съ вельможами, гр. Чернышевымъ, кн. Дашковымъ и др.

О началѣ дѣятельности Селиванова болѣе или менѣе достоверно извѣстно слѣдующее: принадлежакъ весьма распространеннымъ въ Орловской и Тульской губерніяхъ послѣдователямъ хлыстовщины, Селивановъ замѣчалъ, что его единовѣрцы не исполняютъ заповѣди основателя секты, Данилы Филипповича, о необходимости дѣвства, а, напротивъ, предаются грубому разврату. Чтобы устранить всякую возможность подобнаго разврата, нужно „убѣдиться“, т. е. прибѣгнуть къ оскотченію, на основаніи буквально толкуемыхъ словъ Спа-

сителя: „аще око твое десное соблазняетъ ты, изми е и верзи отъ себе, аще десная рука твоя соблазняетъ ты, усѣцы ю и верзи отъ себе“. Послѣ такого заключенія, „воспринявъ на себя огненную корону“ и испивъ „налитой Отцомъ Небеснымъ чаши высокоумдраго ученія и сладчайшаго житія“, т. е. оскотившись вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, Мартыномъ Родіоновымъ, или Мартынушкой (по свѣдѣніямъ арх. Пареевн, это случилось съ Селивановымъ на четырнадцатомъ году жизни), Селивановъ началъ проповѣдывать всеобщее убѣленіе, „огненное крещеніе“, и въ 60-хъ годахъ XVIII в. на хлыстовскихъ радѣніяхъ стали замѣчать человѣка высокаго роста, лѣтъ 45 отъ роду, съ большими глазами и нѣсколькими волосками на щекахъ, подбородкѣ и верхней губѣ, а съ нимъ другого „человѣка росту средняго, лицомъ бѣлаго, съ острымъ носомъ, съ желторусыми волосами, и пустоборода“. Первый больше молчитъ, а за него говорить второй, Мартынъ.

Селивановъ такъ рассказываетъ объ этихъ хожденіяхъ: „онъ меня крѣпко любилъ и во всемъ берегъ, а я былъ молчаливъ и несмѣлъ, и куда мы съ нимъ ни пойдёмъ, и гдѣ дадутъ намъ какой блинъ, то онъ меня все кормилъ, да подкладывалъ и говорилъ: „ну, братъ, ѣшь да пожалуйста, ѣшь!“ А я молча кушалъ. И мы съ нимъ странствовали много и ходили по Божьимъ людемъ“. Во время этихъ скитаній Селивановъ подвергался разнымъ опасностямъ со стороны хлыстовскихъ „пророковъ“, негодовавшихъ за то, что онъ отъ нихъ „людей отвращаетъ“; однако онъ скоро сумѣлъ склонить на свою сторону пророчицу Анну Родіоновну, бывшую руководительницею въ „кораблѣ“ особенно почитаемой Акулины Ивановны. Селивановъ открылъ Аннѣ Родіоновнѣ, что онъ искомитель. Она пригласила его къ себѣ, посадила и, какъ онъ рассказываетъ, „схватила крестъ и хотѣла меня, моя тварь, своего творца, привести на путь и говорила: приложись ко кресту!—

„Дай-ка я тебя саму съизнова приведу!“ Она изумилась. „И ты говоришь: что же мы никогда отъ тебя не слышали, чтобы ты съ кѣмъ говорилъ?“ И тутъ накатилъ на нее мой духъ, и она сдѣлалась безъ чувствъ и упала на полъ... Я дунулъ на нее, и она, якобы отъ сна пробудившись, сказала: „о, куда какъ твой Богъ великъ и силенъ!“. Приложилась ко кресту и стала скзывать: „отъ тебя птица полетѣла по всей вселенной всѣмъ возвѣститъ, что ты Богъ надъ Богами, Царь надъ Царями, пророкъ надъ пророками. Увѣровавъ сама въ Селиванова, Анна Родіоновна черезъ нѣсколько дней собрала около 80 человекъ и объявила имъ, указывая на Селиванова: „зрите, возлюбленные, вотъ гдѣ Богъ живетъ“, а ему самому изрекла слѣдующее пророчество: „Ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, а будутъ у тебя оныхъ спрашивать, а ты никому не давай и не показывай, сиди крѣпко на своемъ сундукѣ. А тебя теперь же хотятъ всѣ предать; но хотъ ты и будешь сосланъ далеко, хотъ и наложатъ тебѣ оковы на руки и ноги, но, по претерпѣніи всѣхъ нуждъ, возвратишься въ Россію, и потребуешь всѣхъ пророковъ къ себѣ на лицо, и станешь судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ всѣ цари, всѣ короли и архіереи поклонятся, и отдадутъ тебѣ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками“.

Признанный такимъ образомъ „сыномъ божіимъ“, причемъ роль „богородицы“ приняла на себя сама Акулина Ивановна, Селивановъ съ помощью нѣкогого Шилова принимается за усиленную пропаганду скопчества въ Орловской губерніи. „Лѣпость весь свѣтъ поѣдаетъ, говорилъ онъ, и отъ Бога отвращаетъ, и къ Богу итти не допускаетъ, и потому многіе изъ пагубной лѣпости учителя учительства, пророки пророчества, угодники и подвижники своихъ подвиговъ лишились, не доходили до царства небеснаго, промѣняли вѣчное сокровище на пагубное житіе. Единые дѣвственники пред-

стоять у престола Господня: храните дѣвство и чистоту, не заглядывайтесь братья на сестеръ, а сестры на братьевъ, и не имѣйте праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, и празднословія не чините; отъ сего рождается злая лѣпость, которую не безъ труда искоренить можно. Удаляйтесь злой лѣпости, ибо она, какъ магнитъ камень, по врожденному свойству своему, каждого, близко обращающагося брата съ сестрой, привлекаетъ къ себѣ и непримѣтно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко молъ точить и поѣдаетъ всю добродѣтель и изгоняетъ благодать Божію“. Проповѣдь Селиванова имѣла большой успѣхъ, и въ короткое время онъ оскосилъ до 100 человѣкъ.

Однако слухъ о новой ереси достигъ Петербурга, и въ 1772 г. императрица Екатерина II повелѣла полковнику Волкову произвести слѣдствіе и наказать зачинщиковъ. На этотъ разъ Селивановъ какъ-то укрывся отъ розысковъ, а былъ арестованъ уже при новомъ разслѣдованіи того же Волкова въ 1775 г. въ Тулѣ, гдѣ скрывался у какой-то Іевлевой, „жены грѣшной“, въ подпольѣ. „Солдаты разломали полъ и вытащили меня, говоритъ Селивановъ, за святые волосы и, Бога не страшась, тутъ всѣ били, чѣмъ кто попало, безъ всякой пощады, и поясокъ съ меня сняли, и крестъ и ручки назадъ связали, и назадъ гири привязали... Когда меня повезли въ Тамбовъ, то народу было не численно: кто бранить, кто плюетъ, а Господь то и любить... А мои дѣтушки стоятъ и провожаютъ, да плачутъ... И опять повезли меня въ Сосновку (село Моршанскаго уѣзда, въ которомъ особенно сильно было скопчество) съ конвоемъ великимъ наказывать... Народъ шелъ за мною полки полками. Стали меня наказывать кнутомъ, и сѣкли долгое время, такъ, что не родился человѣкъ на свѣтѣ. И было мнѣ весьма тошно. Во время наказанія мою рубалечку всю окровенили съ головы до ногъ: вся стала какъ въ морсу. И тутъ мои дѣтушки мою

рубашечку выпросили, а на меня свою бѣленькую надѣли“. Эта рубашечка, подъ названіемъ „крестной ризы“, хранилась въ началѣ XIX ст. у рижскихъ скопцовъ; тамъ же, по свѣдѣніямъ Мельникова, находилась и другая реликвія скопцовъ, сѣрый кафтанъ или армякъ, въ которомъ Селивановъ былъ наказанъ и содержался въ ссылкѣ. Кафтанъ этотъ прошитъ вездѣ по швамъ крестиками, и скопцы говорятъ, что Государь Батюшка, истинный свѣтъ, искупитель самъ своими руками весь его сшилъ“. Послѣ наказанія кнутомъ Селивановъ, по указу Екатерины II, долженъ былъ быть сосланъ въ Нерчинскъ на каторгу, но его почему-то оставили въ Иркутскѣ. Хотя Селивановъ и рассказываетъ, что ему приходилось въ ссылкѣ терпѣть много униженій и исполнять тяжелыя работы, однако скорѣе можно предположить, что его положеніе было очень сноснымъ, такъ какъ онъ имѣлъ постоянныя сообщенія со своими вѣрными послѣдователями, писалъ имъ множество посланій, въ которыхъ высказывалъ увѣренность, что послѣ смерти его „жены“, въ царствованіе „любезнаго сына своего великаго князя Павла Петровича“, онъ возвратится изъ ссылки.

Въ Иркутскѣ Селивановъ пробылъ 20 лѣтъ, а въ 1795 г. по словамъ скопца Громова, онъ бѣжалъ изъ Сибири. Уже въ ссылкѣ (а, можетъ быть, и ранѣе) онъ сталъ называть себя императоромъ Петромъ III. Какъ рассказывалъ Громовъ, „искупитель пахалъ однажды землю у какого-то крестьянина и досадилъ ему. Крестьянинъ хотѣлъ его ударить, но искупитель сказалъ: „этакъ ты и царя ударишь“.—Развѣ ты царь?—спросилъ крестьянинъ. Искупитель показалъ ему звѣзду, крестьянинъ испугался и сказалъ царю: „иди, куда знаешь“.

Бѣжавъ изъ Сибири, Селивановъ появился въ Московской губерніи, въ селѣ Быковѣ, въ видѣ „трудника“ съ желѣзными веригами на тѣлѣ. Крестьянинъ Московской губерніи, Никитскаго уѣзда, деревни Дур-

нихи, Иванъ Гавриловъ доносилъ 16 февраля 1797 г., что Селивановъ въ его домъ объявилъ себя государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ и завѣщалъ клятвою никому объ этомъ не сказывать, „а если скажете, то будетъ вамъ казнь“. Приказано было произвести розыски, и Селивановъ былъ взятъ у купца Колесникова.

Привезенный въ Петербургъ, онъ былъ представленъ императору Павлу I. Какой разговоръ происходилъ между императоромъ и ересіархомъ, въ точности неизвѣстно, хотя скопцы передаютъ, будто на вопросъ государя, почему Селивановъ называется его отцомъ, Селивановъ отвѣчалъ: „я грѣху не отецъ, я чистотѣ отецъ, прими мою чистоту, и я буду тебѣ отцомъ“,—т. е. предложилъ государю оскопиться. Какъ бы то ни было, императоръ вынесъ убѣжденіе, что имѣетъ дѣло съ помѣшаннымъ, и повелѣлъ помѣстить Селиванова въ „смирительный цухтгаузъ“ при Обуховской больницѣ, „съ запрещеніемъ ни съ кѣмъ о сихъ обстоятельствахъ (т. е. вѣроятно, о бесѣдѣ съ государемъ) не разглаговльствовать, подѣ страхомъ лишенія языка“.

Въ смирительномъ домѣ Селивановъ находился до 1802 г., велъ себя по свидѣтельству Трошинскаго, „скромно, тихо и набожно“ и „по кротости нрава употреблялся даже въ надзиратели къ безпокойному своему сосѣду, извѣстному Роде“. Въ 1802 г. Селивановъ просилъ о томъ, чтобы „опредѣлить его въ какой-либо богадѣльный домъ, гдѣ бы онъ остальные дни своей жизни провелъ въ покаяніи и теплыхъ къ Богу молитвахъ о долгоденствіи царствующаго милосердаго Александра и объ отпущеніи своихъ прегрѣшеній“. Мельниковъ сообщаетъ, что императоръ Александръ, въ сопровожденіи гр. Строганова, посѣтилъ Обуховскую больницу, бесѣдоваль съ Селивановымъ и 6 марта приказалъ освободить его и помѣстить въ богадѣльню при Смольномъ монастырѣ. Въ богадѣльнѣ Селивановъ ходилъ съ кружкою для сбора пожертвованій, а черезъ 3¼ мѣсяца былъ

уволень по просьбѣ статскаго совѣтника Елянскаго (скопца изъ поляковъ) и поселился у купца Ненастьева.

Это время было для него самымъ счастливымъ. Въ одной скопческой рукописи такъ характеризуется положеніе ереси и ея учителя: „Въ славной Россіи красно солнышко появилось и вся вселенная удивилась, что благоволитъ тайный синодъ до своихъ вѣрныхъ сиротъ, что оно чудо творило, съ Сыномъ Божиимъ говорило“. Оживились надежды сектантовъ на конечное торжество ихъ ученія: „скоро намъ другая радость сотворится, говорили они,—съ восточной стороны Сынъ Божій прикатится въ золотой колесницѣ, а вокругъ райскія птицы распѣвають гостю дорогому пѣснь нову“. Дѣйствительность какъ бы оправдывала эти ожиданія, такъ какъ число скопцовъ безпрепятственно увеличивалось, а ихъ искупитель привлекалъ общее вниманіе: его, какъ праведника, „старца Божія“, посѣщали многочисленные тогда мистики и суевѣры. Нерѣдко, говоритъ Мельниковъ, по нѣскольку каретъ, заложенныхъ по тогдашнему обыкновенію четвернями и шестернями лошадей, стояло въ Басковомъ переулкѣ, у дома купца Ненастьева. Петербургскія барыни, не говоря уже о купчихахъ, толпами осаждали праведника, добываясь его благословеній, поученій и пророчествъ.

По сообщенію сенатора Лубяновскаго, посѣтилъ Селиванова и самъ государь передъ отъѣздомъ къ арміи подъ Аустерлицъ. Вотъ какъ объ этомъ передаетъ Лубяновскій: „входя въ свѣтелку (къ Селиванову), я видѣлъ, въ сторону отъ лѣстницы, въ большой горницѣ, много народу шумно молилось. Старикъ, какъ мы вошли къ нему, приподнялся съ постели и благословилъ меня: „се! еще одна овца заблудшаяся, говоритъ, возвращается въ стадо“. Вдругъ потомъ, взявъ меня за руку, спросилъ: „что, Алексаша уѣхалъ?“ Я смотрѣлъ въ глаза ему, не понимая, о комъ меня спрашиваетъ. „Ну, государь-то, продолжалъ онъ, уѣхалъ! Что будешь

дѣлать? А еще третьяго дня вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, я умолялъ его не ѣздить и войны съ проклятымъ французомъ теперь не начинать. Не пришла еще пора твоя, говорилъ ему; побѣть тебя и твое войско; придется бѣжать, куда ни попало; погоди да укрѣп-
ляйся, часъ твой придетъ; тогда и Богъ тебѣ поможетъ сломить супостата. Упаси его, Боже! А добру тутъ не быть: увидите! Надобно было потерпѣть нѣсколько го-
диковъ; мѣра супостата, вишь, не полна еще“.—„Ни одного слова здѣсь нѣтъ моего,—говоритъ Лубяновскій,—нельзя было не подивиться предсказанію, но еще болѣе посѣщенію и непонятной терпимости“.

По показанію фельдфебеля Николая Иванова, Селивановъ жилъ у Ненастьева въ роскошной обстановкѣ и принималъ поклоненіе своихъ послѣдователей. „Привели меня, говорилъ Ивановъ, въ комнату, убранную цѣльнымъ большимъ ковромъ; на немъ были вытканы лики ангеловъ и архангеловъ. Я увидалъ постель. На постелѣ лежалъ старикъ въ батистовой рубашкѣ. Скопцы молились ему, какъ мы молимся истинному Богу. Выходы его на радѣнія были довольно торжественны. Для радѣній въ домѣ Ненастевыхъ были назначены двѣ большія комнаты: въ одной радѣли мужчины, въ другой женщины. Часу въ девятомъ вечера пѣніе прекратилось вдругъ минутъ на пять. Настала мертвая тишина. Потомъ запѣли: „Царство, ты царство, духовное царство...“, и послѣ того снова все затихло. Тутъ рас-
творились двери, и богъ, одѣтый въ короткое зеленое шелковое полукафтанье, тихо вошелъ въ комнату. Его вели подъ руки два человѣка, которыхъ называли Иоанномъ Предтечей и Петромъ апостоломъ. На нихъ были темныя рясы, подпоясанныя ремнями. Увидя ихъ, всѣ пали на колѣни, а богъ, махая батистовымъ платкомъ, говорилъ: „покровъ мой святой надъ вами“.

Въ 1811 г. Селивановъ переселился въ домъ Андрея Кострова, который у нѣкоторыхъ скопцовъ былъ извѣ-

стенъ подъ названіемъ „Рождественскаго дѣвичьяго монастыря“. Здѣсь тоже часто собирались послѣдователи Селиванова, но постороннія лица почти уже не допускались. Рядомъ находился домъ богатаго купца Солодовникова, который, сломавъ его въ 1816 г., выстроилъ новый, получившій послѣ переселенія въ него Селиванова названія „Дома Божія“, „Горняго Сіона“, „Новаго Іерусалима“. Надъ входомъ въ ту комнату, гдѣ жилъ Селивановъ, была надпись золотыми буквами: „Святой храмъ“. Стѣны комнаты были выкрашены голубой краской. Золотые багеты, лѣпные карнизы и росписанный потолокъ съ изображеніемъ херувимовъ довершали ея убранство; полъ былъ покрытъ ковромъ съ вытканными ангелами и архангелами. Въ комнатѣ стояла высокая кровать, подъ великолѣпнымъ пологомъ, съ кисейными занавѣсками и золотыми кистями: на ней въ пуховикахъ проводилъ большую часть времени Селивановъ. Собранія происходили въ нижнемъ этажѣ. По одну сторону корридора была огромная зала для мужчинъ, по другую такая же для женщинъ. Какъ въ той, такъ и въ другой залѣ въ корридоръ выходили огромныя окна, одно противъ другого. Они всегда были закрыты: открывались только на то время, когда Селивановъ выходилъ на „соборы“ посмотреть, какъ радѣютъ его обожатели, и благословить ихъ своими милостью и покровомъ. Для него въ корридорѣ ставилась на возвышеніи великолѣпно-убранная кровать, на которой онъ лежалъ. Ему было видно и мужчинъ и женщинъ, но мужчины не могли видѣть женщинъ, равно какъ и женщины мужчинъ. Какъ скоро искупитель удалялся, окна закрывались. Послѣ молитвенной пляски, Селивановъ раздавалъ кусочки „освященнаго“ хлѣба и маленькіе образки. Скопцамъ-учителямъ давались деревянные крестики съ изображеніемъ Селиванова.

Чтобы опровергнуть ходившіе въ городѣ слухи о подобныхъ собраніяхъ и разсѣять подозрѣнія властей,

скопцы приглашали къ себѣ гр. П. А. Толстого, кн. А. Н. Голицына, А. Д. Балашева, гр. М. А. Милорадовича, оберъ-полицмейстера И. С. Горголи, и при нихъ чинно молились и слушали поученія, такъ что въ этихъ высокопоставленныхъ лицахъ нашли себѣ защитниковъ, которые долго отрицали всякій вредъ ихъ ученія, видя въ немъ только проявленіе обычнаго въ то время, одобряемаго правительствомъ, мистицизма. Большую для себя поддержку находилъ Селивановъ и въ лицѣ извѣстной тогда Е. Ф. Татариновой. Когда въ іюнѣ 1818 г. митавскій мѣщанинъ Разказовъ подалъ с.-петербургскому митрополиту Михаилу письменное раскаяніе въ заблужденіи и, указывая на мѣсто жительства Селиванова, объяснилъ, что онъ называется и Христомъ, и Богомъ, и императоромъ Петромъ III, причемъ и изложилъ ученіе и обряды скопцовъ,—двое изъ членовъ „Духовнаго Союза“ Татариновой, тайный совѣтникъ Поповъ и статскій совѣтникъ Урбановичъ-Пилецкій были у Селиванова, дѣлали ему увѣщанія, чтобы онъ не скопилъ; однако при этомъ, по словамъ скопцовъ, Поповъ выразился о Селивановѣ: „Господи! если бы не скопчество, за такимъ человѣкомъ пошли бы люди полки полками“. Въ книжкѣ „о скопцахъ“, изданной Урбановичемъ-Пилецкимъ въ 1818 г. по порученію государя, говорилось, что въ обществѣ скопцовъ остались „нѣкоторые слѣды собраній древнихъ христіанъ временъ апостольскихъ“, и такимъ образомъ какъ бы оправдывался культъ сектантовъ, хотя прибавлялось, что отпаденіе отъ истиннаго ученія случилось съ обществомъ скопцовъ съ тѣхъ поръ, какъ оно признало скопчество средствомъ къ спасенію.

Между тѣмъ въ концѣ 1818 г. или въ началѣ 1819 г. петербургскій генераль-губернаторъ гр. Милорадовичъ узналъ, что его двоюродные племянники, полковникъ Дмитрій Григорьевичъ и поручикъ Семеновскаго полка Алексѣй Григорьевичъ Милорадовичи были вовлечены

въ сборище Селиванова, и изъ нихъ младшій соглашался даже на оскотпленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣстно, что въ корабль Селиванова оскотплено нѣсколько нижнихъ чиновъ изъ гвардейскихъ полковъ и матросовъ. Милорадовичъ написалъ кн. А. Н. Голицыну о полученныхъ свѣдѣніяхъ и такъ какъ въ домъ, гдѣ жилъ Селивановъ, доступъ полиціи былъ запрещенъ, просилъ доложить государю, что злая ересь растеть съ каждымъ днемъ, и вредъ, наносимый ею обществу, долѣе терпимъ быть не можетъ. Хотя по настоянію Милорадовича и было произведено разслѣдованіе, но оно было настолько благопріятно обставлено для Селиванова, что князь Голицынъ писалъ Милорадовичу, что онъ „вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ его о необходимости принять дѣятельнѣйшія мѣры къ укрощенію сей вредной секты; что еще въ бытность С.-Петербургскимъ генераль-губернаторомъ гр. П. А. Толстого, оба они посѣщали, по повелѣнію Государя Императора, моленную скопцовъ, у Солодовникова, и объявили имъ Высочайшую волю, дабы они прекратили скопленіе другъ надъ другомъ, а со старика, называемаго Искупителемъ, взяли обѣщаніе отнюдь не позволять и самому не дѣлать ни надъ кѣмъ своей операціи, подъ опасеніемъ ссылки въ Сибирь; а такъ какъ это не исполняется, то онъ, князь Голицынъ, считалъ благоразумною мѣру, предлагаемую гр. Милорадовичемъ, т. е. удаленіе распространителей скопчества въ уединенные монастыри, но полагаетъ, что такъ какъ извѣстный старикъ по дряхлости своей и слабости здоровья, не можетъ, какъ кажется, самъ собою оказывать никакой дѣятельности въ распространеніи вреднаго сего заблужденія, а служить орудіемъ только другихъ, дѣйствующихъ его именемъ, то доволно удалить только сихъ главныхъ лицъ, потомъ, собравъ общество скопцовъ, черезъ кого слѣдуетъ, объявить оному, въ присутствіи извѣстнаго старика, что сіи три человѣка удалены единственно за распростра-

неніе скопчества; что же касается старика, то оставить его въ покоѣ: пускай его молится, но Искупителемъ бы только его не называли и отнюдь не принимали бы въ свое общество солдатъ.

13 іюня 1819 г. состоялось Высочайшее повелѣніе въ этомъ смыслѣ, однако уже въ ноябрѣ того-же года гр. Милорадовичъ и Горголи узнали, что въ Петербургѣ многіе дома наполнены скопцами, въ особенности смежные между собою дома Солодовникова и Васильева, а въ послѣднемъ живеть „дѣвица рѣдкой красоты“ называющаяся „и богородицею и разведенною супругою цесаревича Константина Павловича, великой княгиней Анной Ѳеодоровной, и царевной Еленой Павловной“. Это была лебедянская мѣщанка Катасанова которая, наравнѣ съ Селивановымъ, принимала отъ скопцовъ божескія почести, но своею красотою смущала дѣвственниковъ, отчего у нея съ Селивановымъ произошелъ раздоръ.

Лѣтомъ 1820 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о взятіи Селиванова и помѣщеніи его въ Суздальскомъ Спасо-Евѣиміевомъ монастырѣ. Ночью 7 іюля Селивановъ былъ арестованъ оберъ-полицмейстеромъ Горголи и, въ сопровожденіи пристава Путвинскаго, отправленъ изъ Петербурга. По пути, въ Тоснѣ высланнаго ересіарха догнали скопцы Солодовниковъ и Кузнецовъ и онъ давалъ имъ „послѣднія наставленія и ободренія“. Министръ внутреннихъ дѣлъ секретно предписалъ управляющему Владимірской губерніей: 1) чтобы сей начальникъ скопцовъ ни съ кѣмъ не имѣлъ никакихъ сношеній, кромѣ тѣхъ лицъ, коихъ изъ монашествующихъ архимандритъ назначить для увѣщанія его и спасительной для него бесѣды; 2) чтобы не было доставляемо къ нему ни писемъ, ни посылокъ, ни подаяній: онъ долженъ быть удаленъ отъ всякаго сношенія съ людьми посторонними; 3) чтобы всемѣрно было сокрыто и нахождение его въ семъ монастырѣ, 4) если нужно, учредить при монастырѣ особенный караулъ.

Подобныя же предписанія были даны и архимандриту Пареенію митрополитомъ Михаиломъ, причеиъ присовокуплялось о необходимости воздѣйствовать на Селиванова ласковостію, христіанскимъ расположеніемъ сердца, увѣщевать его, дабы онъ раскаялся въ своемъ заблужденіи. На содержаніе Селиванова въ монастырѣ высылалось ежегодно 550 р. ассигнаціями. Изъ донесеній архимандрита Пареенія видно, что Селивановъ довольно скоро сталъ наружно каяться, такъ что даже допущенъ былъ къ причастію, отъ котораго уклонялся 18 лѣтъ; однако „частое напоминаніе имъ о единомысленникахъ своихъ, о моленной, о надеждѣ видѣть послѣдователей своихъ и жить съ ними“, заставляло сомнѣваться въ его искренности. Кроме того изъ этихъ же донесеній мы узнаемъ, что скопцы пытались повидать Селиванова, и даже сенаторъ Горголи (когда-то арестовавшій Селиванова) прислалъ ему по почтѣ „подушку, двѣ пары рубашекъ, чулки теплыя и платокъ на шею“, но свиданія не допускались, а посылка была возвращена отправителю. Однако, при всей этой строгости Селивановъ какъ-то умудрился сношиться со своими послѣдователями и продолжалъ пропаганду. Такъ, появившіеся въ Нижегородскомъ уѣздѣ скопцы показывали, что „они къ нему ѣздили и получали маленькіе финифтяные образа въ знакъ благословенія, какіе-то небольшіе пирожки и пряники, кои почитали и употребляли вмѣсто просфоръ“. Хотя архимандритъ Парееній и отрицалъ всякую возможность такихъ сношеній, однако епископъ Владимірскій счелъ нужнымъ предписать ему, чтобы „онъ принялъ всевозможныя мѣры предосторожности къ удержанію арестанта отъ распространенія вреднаго заблужденія и отъ сообщенія съ единомысленниками“. Въ Спасо-Евѣиміевомъ монастырѣ Селивановъ оставался 13 лѣтъ, и умеръ въ ночь на 20 февраля 1832 г., исповѣдавшись и причастившись.

Общій очеркъ развитія раскольнической литературы

Съ самаго возникновенія нашего церковнаго раскола является длинный рядъ произведеній раскольническихъ полемистовъ, главная цѣль которыхъ доказать правоту старыхъ воззрѣній и обличить заблужденія никоніанствующей церкви. Съ внѣшней стороны въ этихъ сочиненіяхъ замѣтно отражается стремленіе авторовъ къ сохраненію старинныхъ формъ языка и стиля; но такая тенденція не вездѣ выдерживается, такъ какъ съ одной стороны раскольническіе писатели волей-неволей примѣняются къ языку представителей православной церкви и свѣтской власти, съ которыми имъ постоянно приходится имѣть дѣло; а съ другой стороны и на самихъ дѣятеляхъ раскола мало-по-малу сказывается вѣяніе духа времени. Иногда сознательно, иногда безсознательно раскольническіе писатели начинаютъ употреблять новыя формы рѣчи, пользоваться тѣми новыми приѣмами, которые имѣются въ распоряженіи православныхъ полемистовъ.

Кромѣ борьбы съ православною церковью и кромѣ самозащиты, раскольническая литература съ самаго начала своего существованія занялась разрѣшеніемъ многочисленныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ раскольнической общинѣ, сильно ее волновавшихъ и даже иногда приводившихъ къ ея дробленію на различные новые толки. Таковы были, напримѣръ, вопросы о священствѣ, о бракѣ, вообще о таинствахъ, объ отношеніи къ свѣтской власти, о молитвѣ за царя, объ антихристовомъ царствѣ и т. п. Въ основѣ всѣхъ этихъ вопросовъ

лежитъ интересъ религіозный, тѣмъ не менѣе несомнѣнно присутствіе довольно сильной національно-соціальной окраски, которая проявляется не только въ содержаніи, но и въ формѣ раскольнической литературы, а рядомъ съ этимъ замѣтно, при стремленіи сохранять старину, постоянное, хотя и очень медленное движеніе впередъ.

Рядомъ съ литературными родами, распространенными въ древней русской письменности, каковы поучительныя и обличительныя посланія, бесѣды о различныхъ лицахъ и событіяхъ священной и церковной исторіи, житія подвижниковъ, легенды благочестиваго содержанія, мы съ самаго начала находимъ у расколотчиковъ въ немаломъ числѣ челобитныя и такъ называемыя „отвѣты“, т. е. такія формы, которыя раньше имѣли исключительно дѣловое значеніе, а съ этого времени употребляются раскольниками въ цѣляхъ литературно-богословской полемики.

По своему содержанію раскольническая литература, ограничиваясь кругомъ богословскихъ вопросовъ, стараясь строго держаться стариннаго преданія, почти совсѣмъ не нуждается въ творчествѣ. Не слѣдуетъ однако забывать, что произведенія раскольническихъ писателей составляли, да частью и теперь составляютъ единственную духовную пищу для огромной массы русскаго народа, отдѣлившейся отъ православной церкви, и слѣдовательно вполне исключить поэтическій элементъ изъ раскольнической литературы не представлялось возможнымъ. Дѣйствительно, нѣкоторая доля творчества, поэзіи, имѣется въ многочисленныхъ духовныхъ стихахъ, проникнутыхъ аскетическимъ настроеніемъ, въ сатирическихъ произведеніяхъ, направленныхъ противъ нѣкоторыхъ лицъ свѣтской и духовной іерархіи или противъ нѣкоторыхъ ихъ мѣропріятій (напр. противъ единовѣрія), въ легендарныхъ сказаніяхъ о чудесахъ раскольническихъ подвижниковъ или о не-

честивыхъ дѣяніяхъ православнаго духовенства, о дѣйствіяхъ нечистой, бѣсовской силы, въ апокалипсическихъ изображеніяхъ будущаго антихристовъ пришествія и страшнаго суда.

Несмотря на значительный интересъ, представляемый раскольнической литературой, она до сихъ поръ остается почти незатронутою изслѣдователями, и даже самые памятники этой литературы, весьма многочисленные, далеко еще не вполне приведены въ извѣстность. Наиболѣе богатые собранія раскольническихъ рукописей находятся въ Петербургѣ (въ Императорской Публичной Библіотекѣ—коллекціи Толстого, Погодина и особенно Богданова, — и въ духовной академіи), въ Москвѣ (въ Румянцовскомъ музеѣ—коллекціи Ундольскаго и Пискарева, въ библіотекѣ гр. Уварова въ Порѣчѣ, въ Синодальной библіотекѣ, въ библіотекѣ Хлудова, принадлежащей Никольскому единовѣрческому монастырю), въ Кіевѣ (въ Церковно-археологическомъ музеѣ и др. хранилищахъ, рукописи московскаго митрополита Макарія и Е. В. Барсова), въ Казани (Соловецкія и др. рукописи въ духовной академіи), въ Черниговѣ (въ библіотекѣ духовной семинаріи), въ Ярославлѣ (у г.г. Вахрамѣева и Титова). Въ этихъ собраніяхъ, доступныхъ для пользованія ученыхъ, есть весьма цѣнные матеріалы, но масса раскольническихъ памятниковъ находится еще въ частныхъ рукахъ, у нѣкоторыхъ коллекціонеровъ и у раскольническихъ начетниковъ и почти совсѣмъ недоступна для изученія. Напечатано памятниковъ раскольнической литературы сравнительно мало: въ шестидесятыхъ годахъ кое-что было издано книгопродавцемъ Кожанчиковымъ, подъ редакцій Н. С. Тихонравова, Г. В. Есипова, С. В. Максимова, въ 70-хъ и 80-хъ г.г. были изданы Н. И. Субботинымъ его замѣчательные „Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія“; позже напечатаны нѣкоторые матеріалы Е. В. Барсовымъ, В. Г. Дру-

жининымъ, Х. М. Лопаревымъ, А. Н. Пыпинымъ, П. С. Смирновымъ и нами, а также и самими раскольниками, въ заграничныхъ типографіяхъ (между прочимъ въ Мануиловскомъ монастырѣ были напечатаны знаменитые „Поморскіе Отвѣты“).

Первымъ памятникомъ раскольнической литературы, о которомъ мы знаемъ со словъ протопопа Аввакума, была челобитная, поданная имъ вмѣстѣ съ протопопомъ Даніиломъ Костромскимъ царю Алексѣю Михайловичу, о земныхъ поклоняхъ во время великопостной молитвы Ефрема Сирина и о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія; эта челобитная до насъ не дошла, но объ ея содержаніи можно отчасти догадываться по статьѣ Аввакума „О сложеніи персть“, представляющей собою, по всей вѣроятности, позднѣйшую переработку этой челобитной, которая, по указаніямъ Аввакума, заключала въ себѣ главнымъ образомъ выписки изъ Св. Писанія. Позже, подъ диктовку сосланнаго въ Спасокаменный монастырь протопопа Іоанна Неронова, златоустовскій игумень Θεоктистъ писалъ письма къ царю, царицѣ, царскому духовнику Стефану Вонифатьеву и весьма многочисленнымъ почитателямъ ссыльнаго протопопа. Возставая противъ Никоновыхъ новшествъ, Нероновъ во всемъ винить грековъ и малороссовъ, увлекшихъ Никона къ отпаденію отъ старинныхъ преданій, и особенно нападаетъ на Арсенія Грека, повторяя обычные, во многомъ справедливыя, противъ него обвиненія. Настаивая на необходимости provѣрить новыя исправленія на соборѣ, Нероновъ рѣшительно высказывается противъ участія въ этомъ соборѣ малороссовъ и грековъ, какъ людей, нетвердыхъ въ вѣрѣ и причастныхъ всяческому порокамъ и преступленіямъ. Въ противоположность подозрительнымъ ему исправителямъ Нероновъ выставляетъ своихъ „любезныхъ сверстниковъ“, Павла, еп. Коломенскаго, протопоповъ Аввакума, Даніила, Логгина, какъ людей, „любящихъ Божій законъ“.

Онъ предостерегаетъ царя и своихъ послѣдователей отъ имѣющаго въ скоромъ времени явиться антихриста, который, притворяясь сторонникомъ добра, въ сущности будетъ покровительствовать только злымъ людямъ и подниметь гоненіе на рабовъ Христовыхъ.

Идея о приходѣ антихриста, высказанная Нероновымъ и имѣющая свой ближайшій источникъ въ предсказаніяхъ Кирилловой книги, Книги о вѣрѣ и Ефремовой книги, нашла благодарную почву въ обществѣ защитниковъ старины, и мы вскорѣ находимъ ее весьма обстоятельно развитою въ сочиненіяхъ архимандрита Покровскаго монастыря, Спиридона Потемкина. Этому расколоучителю принадлежитъ обширный сборникъ изъ девяти „словъ“, называемый „Книгою о правой вѣрѣ“ и посвященный обличенію исправителей, при чемъ главнымъ основаніемъ всѣхъ обличеній является мысль, что исправленія вѣры нельзя ожидать въ послѣднія времена. Что конецъ міра наступилъ, или по крайней мѣрѣ очень близокъ—это для Спиридона Потемкина не подлежитъ никакому сомнѣнію, и самая смута, происходящая въ русской церкви, объясняется имъ, какъ дѣйствіе сатаны, уготовляющаго путь антихристу.

Но кто же этотъ антихристъ? есть ли это опредѣленное лицо или только символъ? Послѣднее рѣшеніе мы находимъ въ довольно распространенномъ, хотя и болѣе позднемъ, сочиненіи, озаглавленномъ „Словотвореніе соловецкаго инока Теокиста объ антихристѣ и о тайномъ царствѣ его“, въ которомъ доказывается, что приходъ антихристовъ будетъ только духовный, и всѣ относящіяся къ нему пророчества надо понимать также духовно. Теорія, приписываемая Теокисту, найдя не мало послѣдователей и сохранившись въ раскольнической средѣ даже до нашего времени, встрѣтила не мало и противниковъ, для которыхъ гораздо доступнѣе было болѣе реалистическое пониманіе царства антихристового, воплощеніе этого антихриста въ лицѣ какого-либо выдаю-

щагося, ненавистнаго имъ дѣателя. Такого, напимѣрь, взгляда держался монахъ Ефремъ Потемкинъ, проповѣдывавшій, что антихристъ уже родился и есть никто иной, какъ патріархъ Никонъ. Эта проповѣдь имѣла значительный успѣхъ, особенно въ нижегородскомъ краѣ.

Къ тому же времени, повидимому, надо относить возникновеніе цѣлаго ряда легендъ о Никонѣ, записанныхъ въ „Житіи инока Корнилія“ и въ раскольнической „Повѣсти о рожденіи и воспитаніи, и житіи, и кончинѣ Никона, бывшаго патріарха Московскаго и всея Россіи“. Согласно этимъ легендамъ, старецъ Елеазаръ Анзерскій, уже задолго до патріаршества Никона, увидѣлъ въ немъ „смутителя и мятежника“, замѣтивъ у него на шеѣ огромнаго чернаго змія; а какой-то чудовскій старецъ Симеонъ видѣлъ страшнаго змѣя, обвивавшагося вокругъ Грановитой палаты, въ которой царь бесѣдовалъ съ Никономъ; разныя лица свидѣтельствовали, что Никонъ попиралъ ногами святыню и т. д.

Всѣ подобныя рассказы усиленно распространялись противниками Никона, но особенно яркимъ протестъ противъ новшествъ становится со времени оставленія Никономъ патріаршаго престола. Царю подаются челобитныя романово-борисоглѣбскимъ попомъ Лазаремъ и суздальскимъ священникомъ Никитою Добрынинымъ, извѣстнымъ съ прозвищемъ Пустосвята, а также особенно уважаемая раскольниками челобитная возмущившихся соловецкихъ монаховъ. Въ этихъ челобитныхъ по пунктамъ излагаются многочисленныя заблужденія, въ которыя яко бы впала русская церковь по винѣ патріарха Никона. Обвиненія отличаются крайнею мелочностью и казуистичностью, въ каждой чисто-формальной поправкѣ въ новыхъ книгахъ усматривается искаженіе основнаго христіанскаго догмата, въ родѣ отрицанія истинности Св. Духа вслѣдствіе опущенія въ 9-мъ членѣ Символа вѣры словъ „Господа истиннаго“.

Въ томъ же духѣ пишутъ и нѣкоторые расколоучители, вернувшіеся изъ ссылки, особенно же протопопъ Аввакумъ, подавшій царю челобитныя о смѣнѣ патріарха Никона и о восстановленіи старыхъ порядковъ.

Послѣ ссылки главныхъ защитниковъ старины, отдаленный Пустозерскъ становится центромъ борьбы съ православною церковью и внутренней устроительной работы самаго раскола. Это время въ исторіи раскольниковъ литературы самое живое, горячее: вожаки раскола были талантливы, проникнуты сильнѣйшимъ одушевленіемъ „огнепальною ревностью“; у многихъ изъ нихъ, при отсутствіи знаній, даже по отзыву ихъ противниковъ, была замѣчательная „острота тѣлеснаго ума“. Общій духъ раскола старообрядческаго и многія существенныя стороны его доктрины выработались именно въ это время: будущему предстояло только выясненіе нѣкоторыхъ деталей, усиленіе той или другой стороны движенія—соціальной, національной или чисто религіозной, мистической. Больше всего за это время дѣйствуетъ протопопъ Аввакумъ, которымъ написано около полусотни посланій, бесѣдъ по вопросамъ обрядовымъ, нравственнымъ, догматическимъ, а также весьма замѣчательная біографія, по своему складу напоминающая житія святыхъ. Простота и яркость языка, приноровленнаго къ пониманію паствы, заставляютъ признавать Аввакума не только выдающимся расколоучителемъ, но и человекомъ, занимающимъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи вообще русской литературы XVII вѣка. Вслѣдствіе неясности нѣкоторыхъ замѣчаній Аввакума о спасительности огненной смерти за вѣру, сторонники самосожженія стали считать его своимъ апостоломъ, вслѣдствіе чего замѣчательный трактатъ раскольниковъ писателя конца XVII вѣка, старца Евфросина „Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей“ (изд. Х. М. Лопаревымъ), направляется болѣе всего

именно противъ Аввакума. Подобная же пестротность выражений породила догматическій споръ между Аввакумомъ и діакономъ Ѳеодоромъ, отразившійся въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Аввакума и въ очень интересномъ, какъ историческій источникъ, посланіи Федора къ его сыну, Максиму. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи лучше всего выразились черты, отличающія Ѳеодора, какъ писателя, отъ другихъ расколуучителей: спокойствіе, систематичность и доказательность изложенія.

Въ Пустозерскѣ, какъ даютъ основаніе предполагать новѣйшія изслѣдованія, созрѣлъ планъ подачи челобитной царю о восстановленіи старой вѣры, планъ, осуществленный въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны во время извѣстной стрѣлцкой смуты. Съ этимъ фактомъ связаны челобитная Сергія и „Исторія о вѣрѣ“ Саввы Романова, весьма любопытная по своей объективности. Челобитная Сергія представляется послѣднею попыткою раскольниковъ склонить на свою сторону свѣтскую власть и одержать такимъ образомъ побѣду надъ сторонниками ненавистныхъ имъ Никоновыхъ новшествъ. Какъ однако ни важенъ этотъ памятникъ по своей цѣли, надо сказать, что по внутреннимъ достоинствамъ онъ далеко уступаетъ другимъ раскольническимъ челобитнымъ, особенно произведеніямъ Аввакума или инока Авраамія, которые могли захватить своего читателя страстностью полемики противъ православной церкви.

XVIII вѣкъ выдвинулъ такихъ дѣятелей, какъ братья Денисовы, изъ которыхъ Семенъ особенно замѣчательнъ, какъ первый раскольническій исторіографъ, авторъ „Исторіи объ отцѣхъ и страдальцахъ соловецкихъ“, отличающейся крайнимъ многословіемъ, и столь же многословнаго и витиеватаго собранія житій раскольническихъ подвижниковъ подъ заглавіемъ „Виноградъ Россійскій“, Андрей же выдается, какъ человѣкъ, получившій правильное школьное образованіе и внесшій усвоенные имъ въ Кіевской академіи схоластическіе приемы изло-

женія и въ раскольническую полемику, что, напримѣръ, видно изъ весьма любопытнаго его сочиненія, сохранившагося въ рукописи: „Толкованіе російскаго реченія: благочестіе“. Въ своихъ „Поморскихъ Отвѣтахъ“ подвергнувъ безпощадной критикѣ подложные „Дѣяніе“ противъ еретика Мартина и Теогностовъ Требникъ, Андрей Денисовъ явился чуть ли не первымъ въ нашей литературѣ представителемъ историко-филологическаго анализа, первымъ нашимъ палеографомъ. „Поморскіе отвѣты“ послужили образцомъ для нѣсколькихъ послѣдующихъ сочиненій въ защиту раскольнической доктрины отъ нападокъ православныхъ полемистовъ, каковы, напримѣръ, „Дьяконовы отвѣты“, Архангелогородскіе отвѣты“ и др.

XVIII вѣкъ богатъ также сочиненіями по внутреннимъ вопросамъ, возникавшимъ въ расколѣ, напр. по вопросамъ о молитвѣ за царя, о бракѣ, о священствѣ, которые особенно интересовали филипповское и еедосѣевское согласія. Въ этомъ отношеніи наиболѣе выдающеюся представляется дѣятельность Ивана Алексѣева, изъ сочиненій котораго важнѣйшими надо считать „Исторію о бѣгствующемъ священствѣ“ и „О тайнѣ брака“. Въ первомъ Алексѣевъ сильно возстаетъ противъ пріема бѣглыхъ поповъ, такъ какъ, стоя на строго-канонической почвѣ, онъ вынужденъ категорически признать незаконность бѣглопоповства; кромѣ своего полемическаго значенія, „Исторія о бѣгствующемъ священствѣ“ очень важна и по сообщаемымъ въ ней обильнымъ фактическимъ свѣдѣніямъ. Сочиненіе „О тайнѣ брака“, внося поправку въ ученіе еедосѣевцевъ, послужило основаніемъ для доктрины такъ называемыхъ ноженовъ.

Изъ другихъ раскольническихъ сочиненій XVIII в. любопытно по своему фантастическому характеру описаніе путешествія инока Марка Топозерскаго: этотъ старецъ черезъ Китай добрался до „Опоньскаго царства“,

у „Бѣловодья“, т. е. у океана, и тамъ онъ обрѣлъ патріарха и церкви ассирскаго языка, отъ которыхъ можетъ явиться истинная іерархія. Къ тому же XVIII вѣку относится еще большее число полемическихъ сочиненій и памфлетовъ раскольниковъ противъ единовѣрія. Къ литературѣ памфлетовъ принадлежатъ также нѣкоторыя злыя нападки на Петра Великаго.

XIX вѣкъ для исторіи раскольниковской литературы не представляетъ чего-либо важнаго въ качественномъ отношеніи, и хотя количественно раскольниковская литература разрастается чрезвычайно широко, ея произведенія являются варіаціями на старыя темы, такъ что упоминанія заслуживаетъ только дѣятельность Павла Любопытнаго, раскольниковскаго библіографа и исторіографа, которому принадлежитъ витіеватый, но очень обстоятельный „Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви“ и обширнѣйшее „Хронологическое ядро старовѣрческой церкви, объясняющее отличія ея дѣянія съ 1650 по 1814 г.“,—сочиненіе лѣтописнаго характера, не всегда точное и главнымъ образомъ посвященное исторіи поморской секты. Въ произведеніяхъ Любопытнаго языкъ и стиль значительно подновлены. Подобное подновленіе особенно сильно начинается въ сочиненіяхъ новѣйшихъ раскольниковскихъ писателей, Иларіона Егоровича Кононова Ксеноса (автора извѣстнаго „Окружнаго посланія“), Онисима Швецова, Антона Егорова, Антонія Шутова, Конона, епископа Новозыбковскаго, еврея Карловича и др. Новостью являются и тѣ источники, которыми пользуются раскольники-полемисты нашего времени: это произведенія православныхъ писателей преимущественно свѣтскихъ, каковы Т. И. Филипповъ, Н. Ѳ. Каптеревъ, Е. Голубинскій и др.; въ ихъ историческихъ разысканіяхъ раскольники находятъ иногда опору для своихъ мнѣній, отвергаемыхъ православною церковью.

Штундизмъ.

Штундизмъ—обыкновенно представляется, какъ нѣ-которая секта рационалистическаго характера, наиболѣе распространенная на югѣ Россіи; ни догматическое, ни нравственное ученіе секты не поддается опредѣленію съ достаточною полнотою и ясностью: въ разныхъ отдѣльных случаяхъ получаются различныя характеристики секты, и даже не всѣ фракціи штундизма можно признать рационалистическими (такъ напр., въ малеванщинѣ и адвентизмѣ гораздо сильнѣе элементы мистическіе). Иногда штундизмъ представляется возможнымъ отождествлять съ баптизмомъ, и духовные изслѣдователи для отличенія баптистовъ-нѣмцевъ отъ баптистовъ-русскихъ и для болѣе энергичной борьбы съ русскимъ баптизмомъ, стали его называть штундобаптизмомъ; однако, В. И. Ясевичъ-Бородаевская рѣшительно отвергаетъ этотъ терминъ и полагаетъ, „что лишь баптизмъ, какъ признанное вѣроученіе, появился въ самомъ началѣ въ Кіевской губ.; но, въ виду отсутствія наставниковъ, трудности совершенія обряда крещенія, вслѣдствіе начавшихся гоненій, баптистамъ приходилось сначала или вовсе игнорировать обрядности, или ограничиваться совершеніемъ нѣкоторыхъ обрядовъ и таинствъ; и только въ срединѣ семидесятыхъ годовъ баптизмъ пускаетъ болѣе глубокіе корни, завоевываетъ себѣ вполнѣ прочное положеніе. Баптизмъ явился съ самаго начала кореннымъ сектантскимъ элементомъ въ Кіевской губ., о чемъ можно судить какъ по первоначальнымъ источникамъ, такъ и по пережиткамъ этого дви-

женія, которое въ настоящее время лишь возрасло и окрѣпло, имѣя правильную генетическую связь съ тѣми піонерами, которые взбудоражили послѣ освобожденія крестьянъ проснувшееся народное самосознаніе“ ¹⁾. Необходимо замѣтить, однако, что у духовныхъ писателей терминъ, „штундобаптизмъ“ является иногда специально для обозначенія извѣстной вѣтви штундизма. Это видно, напримѣръ изъ „Дѣяній“ третьяго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда, который устанавливаетъ существованіе двухъ главныхъ толковъ штундизма: Косяковскій толкъ требуетъ перекрещиванія лицъ, принимаемыхъ въ секту, и къ нему съѣздъ приимѣняетъ названіе староштундизма или штундобаптизма; второй толкъ—Чаплинскій, отвергаетъ перекрещиваніе и называется, по терминологіи съѣзда, младоштундизмомъ. Даже если принимать вполнѣ такую классификацію, ясно, что въ ней отличительнымъ признакомъ штундобаптизма признается главная особенность вообще баптизма, и не указывается разницы между баптизмомъ и Косяковскимъ толкомъ. Наконецъ, что касается самаго основного термина штундизма, то и онъ признается самими духовными писателями только въ извѣстномъ условномъ смыслѣ, такъ какъ самостоятельной секты, которую можно было въ отличіе отъ другихъ назвать штундистскою, не существуетъ. „Южно-русская штунда, говоритъ свящ. І. Недзѣльницкій— есть протестантство, съ массою толковъ и свойственными каждой общинѣ признаками, полученными отъ вліянія баптизма, или братства „штунде“, или гуттерства, или менонитства (умѣреннаго анабаптизма) и т. п.“ ²⁾. Такимъ образомъ, догмы, составляющей специальное отличіе штундизма, не имѣется, такъ какъ „ударяясь въ

¹⁾ В. И. Ясевичъ-Бородаевская. Сектанство въ Кіевской губерніи. Баптисты и малеванцы. СПб. 1902. стр. 4.

²⁾ Недзѣльницкій. Штундизмъ, причины появленія и разборъ ученія его. СПб. 1894, стр. 1.

сектантство, наши крестьяне, по словамъ того же изслѣдователя, довольствовались частями, клочками учений разныхъ нѣмцевъ реформаторовъ, особенно назарянъ, баптистовъ и пр.“.

Въ виду этого гораздо болѣе важною, чѣмъ выясненіе догмы, является характеристика развитія штундизма. Откуда возникло это религіозное движеніе? Духовные писатели и большинство свѣтскихъ указываютъ на вліяніе нѣмцевъ-колонистовъ, какъ на главный источникъ южно-русскаго раціонализма, и хотя А. М. Бобрищевъ - Пушкинъ и полагалъ, что штундизмъ „представляется продуктомъ русской жизни, плодомъ ея старыхъ раціоналистическихъ увлеченій“, отвергать нѣмецкое вліяніе едва ли возможно. Старыя раціоналистическія увлеченія были однимъ изъ факторовъ, подготовившихъ почву для новаго раціонализма, но рядомъ дѣйствовали и другія причины, въ числѣ которыхъ фактически подтверждается вліяніе нѣмцевъ-колонистовъ. Полнѣе всего причины возникновенія штундизма представлены въ обширномъ трудѣ свящ. Рождественскаго ¹⁾. По словамъ свящ. Недзѣльницкаго ²⁾, „Наши южно-руссы, не удовлетворяясь формализмомъ въ своей вѣрѣ и не находя по незнанію въ ней спасенія, подготовленные жизнью къ недовольству своими пастырями, испорченною жизнью многихъ православныхъ, экономическимъ своимъ бытомъ, будучи вообще невѣжественными, но имѣя стремленіе къ свѣту, съ пробужденіемъ сознанія, послѣ освобожденія отъ крѣпостничества, искали выхода изъ своего незавиднаго положенія. Нѣмцы же разныхъ сектъ только повліяли на нихъ, указавъ имъ путь спасенія въ Евангеліи и отреченіи отъ православной вѣры, какъ отъ языческой, и навязали, хотя и съ со-

---

¹⁾ А. Рождественскій. Южно-русскій штундизмъ. СПб. 1889.

²⁾ Штундизмъ и пр., стр. 2.

гласія малороссовъ, отрывки ученій и взглядовъ разныхъ протестантскихъ сектъ“.

Свящ. Рождественскій указываетъ на то, что возникновенію штундизма предшествовало съ одной стороны сектантское броженіе среди нѣмецкихъ колонистовъ, а съ другой—броженіе религіозно-соціального характера среди русскаго населенія. „Сосѣдство херсонскихъ крестьянъ съ нѣмцами,—говоритъ изслѣдователь—сношенія ихъ съ послѣдними по хозяйственнымъ дѣламъ, а въ особенности, продолжительное пребываніе многихъ изъ херсонскихъ малороссовъ въ работникахъ у нѣмцевъ не могли остаться безъ плачевныхъ послѣдствій для нѣкоторыхъ православныхъ приходскихъ общинъ, находившихся въ религіозномъ отношеніи въ самомъ жалкомъ состояніи. Назаряне, скакуны, баптисты и другіе нѣмецкіе сектанты открыли пропаганду между южно-руссамъ, заранѣе подготовленными къ воспріятію ея разными лицами, принадлежавшими къ евангелическому и реформатскому исповѣданіямъ, не исключая даже и нѣкоторыхъ пасторѣвъ“.

Возникло новое движеніе среди православныхъ впервые въ дер. Основа, Одесскаго у., и первымъ пропагандистомъ былъ здѣсь крестьянинъ Онищенко. Гораздо большее значеніе имѣла дѣятельность его ученика, крестьянина Михаила Ратушнаго: Онищенко самъ говорилъ, что „Богъ далъ ему свѣтъ, а Михайлѣ разумъ“. По признанію Ратушнаго, онъ усвоилъ свои воззрѣнія отъ нѣмцевъ, вѣроятно, отъ назарянъ колоніи Рорбахъ, находящейся отъ Основы всего въ 12 вер. У Ратушнаго стали собираться его односельцы для чтенія Евангелія и для пѣнія духовныхъ стиховъ. Этотъ примѣръ нашелъ послѣдователей въ жителяхъ принадлежащей къ тому же Ряснопольскому приходу

1) Рождественскій, Ю—р. штундизмъ, стр. 48.

деревни Игнатовки и самого мѣстечка Ряснополя; черезъ два года одесскій исправникъ доносилъ херсонскому губернатору, что „между временно-обязанными крестьянами образовался расколъ, сходный съ реформатскимъ, что собираются общества: въ Основѣ изъ 14 семействъ, въ Игнатовкѣ изъ 15 и въ Ряснополѣ изъ 5, которыя занимаются чтеніемъ церковно-славянскихъ книгъ, толкованіями ихъ подъ руководствомъ раскольниковъ-нѣмцевъ изъ сосѣдней колоніи Рорбахъ, давно тамъ существующихъ (вѣроятно здѣсь разумѣлись назаряне). Послѣдователи раскола въ православную церковь не ходятъ, иконъ не чтутъ и не исполняютъ никакихъ обрядовъ... Виновники образованія общества—Михаилъ Ратушный и его братъ арестованы“. Въ Игнатовкѣ у Ратушнаго оказался дѣятельный помощникъ, Герасимъ Балабанъ; къ тому же времени относится начало работы Ефима Цымбала въ колоніи Старый Данцигъ и Ивана Рябошапки въ деревнѣ Карловкѣ и мѣстечкѣ Любоміркѣ Елизаветградскаго уѣзда. Къ концу 1870 г. секта была официально обнаружена въ 11 мѣстностяхъ Одесскаго, Елизаветградскаго и Ананьевскаго уѣздовъ. Пока еще штундисты, не разрывали окончательно своихъ связей съ православіемъ и для крещенія дѣтей, совершенія брака и погребенія умершихъ обращались къ православнымъ священникамъ.

Съ такимъ же характеромъ появился шутидизмъ въ 1868 г. въ Кіевской губ. среди однодворцевъ села Плосскаго, Таращанскаго у., гдѣ пропагандистами были жившій долго въ Херсонской губ. Тышкевичъ и Павелъ Цыбульскій. У послѣдняго начались тайныя собранія, на которыхъ занимались чтеніемъ и толкованіемъ Евангелія и пѣніемъ духовныхъ стиховъ изъ книги „Приношеніе православнымъ христіанамъ“. Были приняты репрессивныя мѣры, Тышкевичъ и Цыбульскій были арестованы и отправлены въ таращанскую тюрьму. Здѣсь ихъ поручено было

увѣщевать священнику Игнатовичу, по словамъ котораго „они сначала отъ всего отказывались и говорили, что они ни въ чемъ не виноваты, что во всемъ слѣдуютъ ученію православной церкви... наконецъ, однако, высказали нѣкоторыя заблужденія, говорили, что Пресвятая Богородица и святые—обыкновенные люди, не могущіе ходатайствовать за насъ предъ Богомъ, что каждый человѣкъ долженъ молиться самъ за себя, а не надѣяться на молитвы церкви и святыхъ; что Богу надлежитъ поклоняться только духомъ и истиною, что поклоненіе иконамъ и Кресту—идолопоклонство; мощи святыхъ также не могутъ быть предметомъ поклоненія; посѣщеніе мѣстъ увеселенія грѣшно, употребленіе спиртныхъ напитковъ также“.

Черезъ два года изъ Херсонской губ. былъ высланъ Балабанъ; онъ прибылъ въ Тарашанскій у. и началъ пропаганду въ дер. Чаплынкѣ, гдѣ въ числѣ его послѣдователей самыми выдающимися оказались Ив. Лясоцкій и крестьянинъ Яковъ Коваль, написавшій исповѣданіе чаплынскихъ штундистовъ. Вскорѣ появились штундисты въ дер. Косяковкѣ, въ 5 вер. отъ Чаплынки, и около этого времени опредѣлились упомянутые выше два толка штунды. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ штундизмъ распространяется по всему югу Россіи, заходя на сѣверѣ въ Орловскую губернію, а въ послѣдующее время онъ проявляется уже въ великорусскомъ населеніи, въ губерніяхъ Калужской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Рязанской, Смоленской и въ самой Москвѣ. Съ 70-хъ г.г. штундисты вступаютъ въ связь съ пашковцами, и у нихъ яснѣе обнаруживаются элементы баптизма.

Параллельно съ ростомъ секты развиваются и мѣры противъ ея распространенія: сперва это увѣщанія духовныхъ властей, но уже очень рано къ увѣщаніямъ присоединяется репрессія. Въ 1894 г. комитетъ министровъ въ

виду того, что „молитвенныя собранія штундистовъ, внося смуту въ жизнь мѣстныхъ приходовъ, не только способствуютъ укрѣпленію этихъ сектантовъ въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, но и служатъ самымъ удобнымъ способомъ распространенія штундистскаго лжеученія среди православныхъ“, положили „предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ св. синода, объявить секту штундъ болѣе вредною, съ воспрещеніемъ штундистамъ общественныхъ молитвенныхъ собраній“. Это положеніе комитета было Высочайше утверждено 4 іюля 1894 г., и на этомъ основаніи 3 сентября того же года послѣдовалъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ разъяснялось, что „права и льготы, дарованныя закономъ 3 мая 1883 г. раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ, не могутъ быть примѣняемы къ штундистамъ, и что всякія общественныя молитвенныя собранія отнюдь не должны быть допускаемы на будущее время подъ опасеніемъ привлеченія виновныхъ къ строгой судебной отвѣтственности въ установленномъ для сего порядкѣ“. Практика правительствующаго сената внесла существенныя дополненія къ вопросу объ отношеніи къ штундизму и баптизму; по дѣламъ Франца-Нехуты, а также Александрова и Крючкова, выяснилось, что совращеніе въ баптизмъ наказывается легче, чѣмъ совращеніе въ расколъ, что на русскихъ баптистовъ распространяется дѣйствіе закона 1883 г., дающаго раскольникамъ свободу въ отношеніи общественнаго моленія; что наконецъ, законъ этотъ одинаково примѣнимъ какъ къ баптистамъ, бывшимъ православными, т. е. къ отступникамъ, такъ и къ баптистамъ отъ рожденія. Если эта практика будетъ послѣдовательно примѣняться, то вполне исчезнетъ смыслъ признанія особо-вредной секты „штундобаптизма“, такъ какъ она рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ баптизма.

Вожди раскола въ Поморьѣ.

Братья Андрей и Семень Денисовы могутъ считаться наиболѣ замѣчательными вождями раскола XVIII вѣка. Они—организаторы поморской безпоповщинской секты, устроители Выговской пустыни. Они происходили изъ рода князей Мышецкихъ, въ смутное время поселившихся въ Олонецкомъ краѣ, но, хотя и сохраняли связи съ своими родичами, обыкновенно называли себя Вторушинными или Второго и князьями не титуловались. Старшій изъ братьевъ, Андрей, родился въ 1674 г. и уже въ отцовскомъ домѣ приобрѣлъ большую начитанность въ Св. Писаніи и произведеніяхъ древне-русской литературы. Постоянное общеніе съ разными ревнителями древняго благочестія, посѣщавшими домъ Діонисія Мышецкаго, сильное возбужденіе противъ Никоновой реформы, царившее вообще въ Олонецкомъ краѣ, вліяніе Соловецкаго діакона Игнатія, усердно пропагандировавшаго расколъ, повели къ тому, что Андрей увлекся аскетическими идеями и оставилъ тайно отцовскій кровъ. Восемнадцатилѣтнимъ юношей онъ приходилъ на Сароозеро, гдѣ скрывалось въ лѣсахъ много раскольниковъ. Знакомится онъ тутъ съ Даніиломъ Викулинымъ, главой одной изъ раскольниковыхъ группъ и вступаетъ въ его общину. Вскорѣ онъ возвращается домой, увлекаетъ за собой свою сестру, Соломонію, и племянника, Петра Прокопьева, которымъ впослѣдствіи суждено было играть видную роль въ его общинѣ. Въ 1695 г. вмѣстѣ съ Даніиломъ Викулинымъ и братіей онъ переселяется на Выгъ и здѣсь основываетъ обитель.

За истекшіе три года, какъ полагаетъ проф. Н. И. Барсовъ, „онъ довершилъ свое самовоспитаніе: изучалъ священныя книги, создавалъ для себя репутацію между пустынниками, присматривался къ людямъ, изучалъ характеры и нужды своихъ братій. Въ это время, конечно, ему пришлось много пережить, во многомъ разочароваться, въ это время долженъ былъ совершиться нѣкоторый переломъ въ его убѣжденіяхъ, отъ идеализаціи онъ перешелъ къ болѣе практическому взгляду на вещи“. Года черезъ два въ новую пустыню переселяются и братья, Семенъ и Иванъ, и его отецъ: изъ нихъ особенно полезнымъ для Андрея оказался Семенъ, какъ его ревностный помощникъ въ управленіи общежитіемъ. Главою общежитія считается Даніилъ Викулинъ, но фактически все находится въ рукахъ Андрея, отличавшагося замѣчательной энергіей, даровитостью и начитанностью; а въ 1703 г., по просьбѣ самого Даніила и всей братіи, Андрей занимаетъ его мѣсто. Какъ велико было значеніе новой общины, можно видѣть изъ слѣдующаго панегирическаго отзыва раскольническаго историка: „гониміи за православіе, въ отишіи сей пустыни пріимаху отдохновеніи, отсюду получаху образы благочинія, отсюду взимаху добродѣтельные виды, сими пустынными благочиніями хваляхуся всѣхъ странъ и городовъ жителіе; понеже убо кто отеческаго благочестія во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ, ясный громъ возгремѣ? — Выговская пустынь. Кто церковныя службы и уставы за неимѣніемъ церковнослужителей простолюдиномъ изобрѣталъ?—Выговская пустынь. Новолюбителей заданія развяза кто? Клеветникомъ ли лютые языки связалъ кто? Гонительную ли ярость увѣща кто? У высокихъ ли властей щедрую гонимымъ милость обрѣте кто? Кто, еще не Выговскихъ премудрыхъ учителей и хитрословныхъ просителей ревность? Ибо въ сей Выговской пустыни ораторствоваша проповѣдники, просіяша премудрыи Платоны, показашася преславніи Демосеены,

обрѣтошася пресладкіи Сократи, взыскашася храбрїи Ахиллеса, не басенныя повести плетушіи“. По существу эта характеристика положенія, занятаго Выговской пустыней, не смотря на цвѣтистыя украшенія стиля, представляется вполне правильной: пустыня дѣйствительно стала крѣпкимъ оплотомъ раскольниковъ сѣвернаго края; она ихъ объединила, подняла ихъ матеріальное благосостояніе, придала имъ увѣренность въ борьбѣ съ церковной и свѣтской властью, результатомъ чего вообще было усиленіе русскаго раскола: съ одной стороны изъ пустыни выходили искусные и ревностные пропагандисты, а съ другой—раскольники въ остальной Россіи могли постоянно питать надежду на поддержку отъ выговцевъ и дѣйствительно получали такую поддержку и нравственно и матеріально. Этотъ результатъ былъ достигнутъ болѣе всего благодаря дѣятельности Андрея Д., который самъ рассказываетъ, насколько тяжело было его положеніе при основаніи пустыни: „Егда же благодатію Божіею совокупихомся въ сіе общежителство, о, коликихъ трудовъ и подвиговъ строительство сего общежителства востребовало: тѣлесное житіе составить и душевное спасеніе устроить, въ нелюдныхъ мѣстахъ прокормленіе промыслити и душевную трапезу всегда уготовити, нивы лѣторослыя съ трудами распахивати, да и терновидныя нравы со многими поты истерзати, одеждами въ нищихъ мѣстѣхъ одѣяти и общежителными св. отецъ обычаи не навывшихъ людей украсити, чары своевольныя поравняти, чащи міролюбныхъ обычаевъ искоренити, сѣно съ огнемъ раздѣлити, воды страстныя застановити, возгорѣнія похотныя угасити“. Изъ этого видно, что предстояло много работы, чтобы организовать матеріальное благополучіе общины и поднять нравственное состояніе ея членовъ. Прежде всего приходилось подумать о матеріальномъ обезпеченіи обще-

ства, такъ какъ нужда на первыхъ порахъ была велика. „Пашня, говоритъ проф. Барсовъ, устроенная поселенцами „подъ гарью“, обманула ихъ надежды,—открылись частыя зябели, а затѣмъ гладъ и хлѣбный недородъ; на первый разъ братія благодушно встрѣтила это несчастье: „и начаша солому ржаную сѣщи и толочь на муку и хлѣбы соломенные ясти, точію растворъ ржаной, а замѣсь весь соломенной муки; хлѣбы въ кучи не держались, помеломъ изъ печи пахали. И такова бысть скудость тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ что,—многожды и безъ ужина жили“.

Андрей показывалъ всѣмъ примѣръ благодушія, ободрялъ братію словами Писанія, сочинялъ даже чудеса, стараясь подѣйствовать на ихъ суевѣріе. Но этого, конечно, было недостаточно, потому, отобравъ у всѣхъ „въ братствѣ“, что у кого съ собою было принесено изъ міра: деньги, серебряныя мониста, Андрей самъ отправился на Волгу, гдѣ хлѣбъ былъ весьма дешевъ, и, частью купивъ, частью въ милостыню выпросивъ у христіанцевъ нужное количество его, Андрей въ непродолжительномъ времени доставилъ его въ Пигматку—такъ называлась принадлежавшая выговцамъ пристань на Онежскомъ озерѣ,—„а изъ Пигматки начаша онный хлѣбъ на себѣ въ крошняхъ носить въ монастырь“. Первая нужда миновала, но въ слѣдующіе годы неурожай повторились, многіе хотѣли уходить, не слушали увѣщаній Андрея и глухо роптали противъ него; но онъ не растерялся: новыя поѣздки за подаваніемъ къ московскимъ, новгородскимъ и др. христіанцамъ выручили изъ бѣды, а рядомъ съ этимъ было найдено вѣрное средство самопомощи—торговые обороты. Андрей завелъ торговлю, занимая у добрыхъ людей деньги изъ половины; добрые люди, „видя ихъ нужду, а въ торгѣ правду“, охотно снабжали ихъ деньгами. Выговцы завели свои суда, на которыхъ переправляли „въ Пи-

теръ“ хлѣбъ, покупаемый въ низовыхъ городахъ; у нихъ были свои пристани на рѣкахъ и озерахъ, свои постоянные дворы, и своихъ людей „держаша для торгу и прїѣзду всѣхъ“. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе расширялись обороты; явились новые предметы торга: мѣхъ, сукна. Благосостояніе общины было упрочено, потянулись въ нее новые поселенцы, приносившіе свои достатки и, главное, свой трудъ, и взамѣнъ того находившіе въ ней спокойное пристанище, безопасность отъ всякихъ притѣсненій, такъ какъ Андрей сѣумѣлъ установить отличныя отношенія съ властями. Этотъ замѣчательный успѣхъ былъ достигнутъ благодаря настойчивости и рѣдкой даровитости Андрея, но обезпеченіемъ этого матеріальнаго благосостоянія должно было стать хорошее внутреннее устройство общины: нужно было исправить „терновидные нравы“ выговскихъ насельниковъ, подчинить братію опредѣленной дисциплинѣ, утвердить въ ней вѣрность „древлеотеческимъ преданіямъ“,—а въ этомъ дѣлѣ Андрею, кромѣ его обычной энергіи и организаторскаго таланта, помогли его образованность и проповѣдническій даръ. Та высокая начитанность, которая выдѣляла его изъ среды его собратій, раскольническихъ учителей, представлялась ему самому недостаточной; онъ понималъ, что для борьбы за свои взгляды ему мало обычнаго арсенала раскольничьяго начетчика, что нужна систематичность, которая дается только правильной школой. Но гдѣ же искать этого систематическаго образованія? Приходится за нимъ идти къ врагамъ, у которыхъ есть уже школы, дающія умѣнье обращаться съ матеріаломъ.

Разъ рѣшившись на такой шагъ, Андрей отправляется подъ видомъ торговаго человека въ Кіевъ (какъ полагаетъ Н. И. Барсовъ, это было въ 1708 г.), приходитъ къ какому-то учителю, который задаетъ ему для испытанія сочинить проповѣдь, и когда это испытаніе пройдено съ столь блестящимъ успѣхомъ, что ученики

академіи признали составленное Андреемъ „слово“ принадлежащимъ Златоусту или Амвросію, онъ принимается въ академію „и о всемъ риторскомъ, философскомъ и оеологическомъ ученіи съ велимъ прилежаніемъ вопрошаше“. Пребываніе въ академіи въ теченіе года, при чемъ удалось прослужать лекціи такого талантливаго человѣка, какъ Теофанъ Прокоповичъ, положило сильнѣйшій отпечатокъ на литературныя произведенія Андрея; здѣсь выработалось въ немъ умѣнье стройно располагать матеріаль, здѣсь усвоены имъ многіе риторическіе приемы, отсюда вынесена терминологія богословская, отсюда-же почерпнуты и методы филологической критики, такъ блистательно примѣненные имъ въ „Поморскихъ отвѣтахъ“ къ анализу „Дѣянія на еретика Мартина“ и Теогностова Требника. Нѣкоторые произведенія Андрея, со стороны своего содержанія, а въ особенности формы (какъ напр. „Толкованіе російскаго реченія благочестіе“), иначе и не могутъ быть объяснены, какъ тѣмъ, что они являются продуктомъ школы, пройденной имъ въ Кіевѣ.

Особенно сильный отпечатокъ школы (помимо вліянія древнерусской литературы, въ частности произведеній Максима Грека, какъ въ „Словѣ о злостраданіяхъ и скорбяхъ церкви Христовой“) замѣчается въ проповѣдяхъ Андрея. Какъ говоритъ его біографъ, онъ одаренъ былъ отъ природы „естественною къ риторству добротою, имѣлъ мужественный возрастъ и сановитость тѣла, главу аки бисеромъ унизану чинными свѣтлорусыми кудрями и въ полъ-сѣдиною украшену, острый умъ, лицо бѣлое, очи ясныя и зрѣніемъ по чернилу скорозрительны, уста и ланиты румянностью помазанныя, круглую бороду, свободный и легкій языкъ, крѣпкую грудь, долгіи духъ, твердый хотя изтухла голосъ, тонкіе и длинныя, по естеству умѣренные персты, равно какъ и всѣ прочіе члены согласныя съ его благолѣпнымъ составомъ“. Однако, какъ бы ни были богаты

природныя средства проповѣдника, умѣніе свободно распоряжаться ими для того, чтобы оказывать желаемое воздѣйствіе на паству, вырабатывается лучше всего школою, а кіевская школа въ этомъ отношеніи могла дать Андрею очень много, такъ какъ въ ней по традиціи держались приемы проповѣдничества, заимствованные у такихъ образцовыхъ ораторовъ, какъ іезуиты. Въ сохранившемся описаніи тѣхъ внѣшнихъ средствъ, которыми пользовался Андрей при произнесеніи своихъ проповѣдей, мы можемъ ясно видѣть вліяніе школы: онъ обладалъ вполне выработанными приемами декламации и мимики, чѣмъ далеко не могли похвалиться православные проповѣдники (не малороссы или не прошедшіе схоластической школы), а также учителя-раскольники. Андрей говорилъ „не вельми косно и не вельми борзо“, различалъ паузы, умѣлъ отдѣлаться отъ недостатка рѣчи свойственнаго многимъ церковникамъ, отъ „изглашанія въ ноздри“ мѣнялъ интонацію, выраженіе лица, пользовался жестами. Съ этими чисто внѣшними ораторскими приемами онъ соединилъ также почерпнутое изъ школы умѣнье стилистически украшать свою рѣчь, „позлатить свои проповѣди всепрекрасными фигурами, окружить предивными періодами, обнизать и усладить аффекты пресладкими и преизмѣчтанны тропосы красноплетенными“. Проповѣди его всегда дѣлятся на части, какъ это предписывается юго-западными риториками; въ нихъ есть опредѣленная система доказательствъ: примѣры, эмблематы, свидѣтельства отъ сужденія, слытія, мученія, зависти, закона, клятвы; постоянно встрѣчаются описательныя и иносказательныя выраженія (напр. вмѣсто того, чтобы назвать Іоанна Дамаскина, проповѣдникъ говоритъ: „краснопѣвная духа цѣвница, всеблагодатная, добросочетанная гусль, сладкогласный церковный славій“), даются обширныя аллегорическія картины, встрѣчаются даже иностранныя слова (*ἄνθρωπος*, *μικροδύμος*) Правда, что это обиліе схоластическихъ оборотовъ при-

даетъ проповѣдямъ Андрея иногда крайнюю искусственность, такъ что можетъ казаться, что въ нихъ школьная логика преобладаетъ надъ непосредственнымъ чувствомъ; правда, что эти поученія не всегда могли быть доступны выговской братіи, стоявшей по своему умственному развитію гораздо ниже своего учителя, но тѣмъ не менѣе его „красноглаголаніе“ нравилось паствѣ, ее очаровывало, такъ что Андрей заслужилъ отъ нея лестное прозвище „второго Златоуста“; его малопонятныя философствованія располагали къ нему, быть можетъ, именно въ силу своей недоступности пониманію выговцевъ, такъ какъ они могли гордиться своимъ знаменитымъ ораторомъ „съ философственной душой“.

Общую основу философствованій Андрея въ его многочисленныхъ (болѣе 50) проповѣдяхъ составляетъ аскетизмъ. Въ мірѣ воцарился антихристъ, церковь Христова подвергается всякимъ скорбямъ и злостраданіямъ, близится страшный судъ Господень, а потому вѣрнымъ христіанамъ нужно всѣми мѣрами заботиться о соблюденіи чистоты своей вѣры и жизни. Такъ можно резюмировать главную мысль, изъ которой истекаютъ частныя наставленія Андрея въ его проповѣдяхъ и полемическихъ посланіяхъ. По формѣ и содержанію своему его проповѣди могутъ быть раздѣлены, какъ это указалъ Е. В. Барсовъ, на четыре разряда „во 1-хъ, слова догматическія—изъ нихъ извѣстны: о вѣрѣ, объ ангелахъ, объ антихристѣ; во 2-хъ, нравоучительныя, сюда относятся поученія о молитвѣ, покаяніи, чистотѣ, цѣломудріи и т. п.; въ 3-хъ, панегирическія, каковы напр. слово похвальное святителю Николаю Чудотворцу, Зосимѣ и Савватію, слово похвальное на Срѣтеніе Господне, Рождество Христово и т. п. и, наконецъ въ 4-хъ, надгробныя, изъ нихъ извѣстны—слово передъ гробомъ какого-то брата Даміана, надгробное слово Димитрію и Алексію нижегородскимъ, но самое замѣчательное изъ нихъ „Слово надгробное на своего срод-

ственника Петра, вкупѣ и исторія краткая, како и откуда зачася выгорецкое мѣстожителство“; это слово, въ которое Андрей включилъ рядомъ съ историческими и не мало автобіографическихъ данныхъ, составило первыя главы извѣстной „Исторіи Выговской Пустыни“, написанной Иваномъ Филипповымъ.

Согласно съ общимъ аскетическимъ міровоззрѣніемъ Андрея, наиболѣе важными являлись его правоучительныя слова, въ которыхъ „вспоминаше вся страсти чловѣческія и учаше, како подобаетъ праздновати и каковыми быти христіанами, яко не именемъ именоватися точію достoitъ, но и житіемъ украшатися добродѣтельнымъ, отъ грѣховъ и страстей удалитися, покаяніемъ же себѣ очищати, блуда бѣгати, сквернъ плотскихъ удалитися,—и тако ученіемъ своихъ всѣхъ слушающихъ въ плачь приводя и во умиленіе влагая, на покаяніе согрѣшающихъ понуждая“. Эти правоучительныя слова отличаются болшею живостью, чѣмъ другія проповѣди Андрея: въ нихъ видно порой сильное выраженіе чувства, замѣтна связь съ окружающей дѣйствительностью. Такъ какъ въ подобныхъ правоученіяхъ ощущалась для паствы наиболѣе сильная потребность, мы находимъ ихъ и въ догматическихъ, и въ другихъ словахъ Андрея.

Эти правоученія были однимъ изъ средствъ, которыми поддерживалась заведенная Андреемъ организація Выговской общины. Все общежитіе состояло изъ двухъ монастырей: Выговскаго, мужскаго, управлявшагося самимъ Андреемъ, и Лексинскаго, женскаго, находившагося подъ управленіемъ „высокопревосходительнѣйшей киновіарши“. Соломоніи Денисовой, и кромѣ того изъ нѣсколькихъ скитовъ, пользовавшихся сравнительной самостоятельностью. Вступавшіе въ общину обязывались: „1) древле-церковное благочестіе хранити, крестное знаменіе на лицахъ истово творити двѣма персты, поклоны добре полагати, службу церковную по вся дни исправляти, данныя посты сохраняти; 2) чины мо-

настырскіе, данные на письмѣ, хранить со всякимъ опасеніемъ, всякую нужду пустынную терпѣти и труды, трапезное благочиніе добрѣ имѣти; во время обѣдовъ и ужиновъ жертвенники читати, а братіямъ въ молчаніи сидѣть и внимать читаемому, особьяденія отнюдь не имѣть, а имѣть все общее, по воскреснымъ днямъ, и по праздникамъ книги читать братіи, послѣ заутрени и у яденья, часа по полтора; правило, данное отъ отецъ духовныхъ исполняти и о своемъ спасеніи всячески тѣшиться; 3) младшимъ къ большимъ имѣть покореніе безъ всякаго прекословія и роптанія, безъ благословенія старость ничего не дѣлать и никуда не шататься, между собою миръ и любовь имѣти братскую всѣмъ другъ друга къ полезному понукати и другъ съ другомъ вражды и ссоры не имѣти никогда же,—а когда у кого съ кѣмъ случится, миромъ и прощеніемъ скоро разрушати; 4) чтобы по вечерки между молодыми людьми (женщинами и мужчинами) сходовъ и говоровъ и бесѣдъ не было и въ другіе предѣлы (т. е. въ другой монастырь) не указнымъ никому не дерзати ходити подъ великимъ запрещеніемъ“.

Уставъ Выговскій былъ строго аскетическій и въ немъ главнѣйше требовались слѣдующія добродѣтели: богомоленіе, постъ, дѣвственное житіе, трудодѣланіе, нестяжаніе и послушаніе. Управлялось общежитіе соборомъ, который составляли старцы и должностныя лица: еkkлiсiархъ, келарь, казначей и староста съ выборными отъ скитовъ. Имъ была предоставлена власть „не хранящихъ сіе выписанное (т. е. уставныхъ правилъ) наказовати по правиламъ и по даннымъ имъ письмамъ, кто чего достоинъ,—овыхъ поклонами на трапезѣ, а овыхъ отъ трапезы отлученіемъ. Покоряющихся и прощающихся прощати съ милосердіемъ, а противящихся и не покоряющихся и тѣлеснымъ наказаніемъ наказовати (практиковались колѣностояніе, битие шелепами, сажаніе на цѣпь), или въ монастырь къ наказанію отсылати и

никому не попускати въ томъ своемъ непокорствѣ пребывати. Въ монастырѣхъ обоихъ всѣмъ соборнымъ, келаремъ, казначеемъ, городничимъ и надсмотрщикамъ и сторожамъ всѣмъ крѣпко данныя имъ службы отправляти, чтобы все было по чину монастырскому“. Несмотря, однако, на эти строгія мѣры, не смотря на увѣщанія въ проповѣдяхъ Андрея и на разныя поучительная легенды, подтверждавшія правильность устава, нарушенія бывали нерѣдко и особенно касались они „дѣвственнаго житія“: трудно было упразднить существовавшія уже семьи, заставить жить мужей съ женами, „аки братьевъ съ сестрами“, а также трудно было препятствовать сближенію молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ. Постоянно приходилось издавать новыя распоряженія, запрещать „безчинныя мірохожденія на бранія ягодъ или волнухъ или иныхъ какихъ овощей“, приходилось Андрею въ проповѣдяхъ обличать нарушенія правилъ, но такъ какъ избѣгнуть этихъ нарушеній не было никакой возможности, то онъ предпочелъ дѣйствовать „яко отецъ милосерднѣйшій“: не признавая законности несогласной съ монастырскими требованіями жизни, не преслѣдовать слишкомъ строго отступленій отъ устава. Въ этомъ случаѣ онъ могъ руководиться сознаніемъ и своихъ личныхъ провинностей: посѣщая, какъ настоятель, Лексинскій женскій монастырь, онъ оставался въ немъ не только для ученыхъ трудовъ, „безмолвія ради“, но и для болѣе веселаго провозженія времени, въ чемъ его укоряли нѣкоторые „продерзостливые“. На Лексѣ, говорятъ, жили три сожительницы Андрея, изъ которыхъ одна подъ конецъ отравила его изъ ревности. Если эта сторона аскетическаго устава и не соблюдалась, то другое его требованіе—трудодѣланіе было основой благосостоянія выговцевъ: община представляла изъ себя рабочее браство, въ которомъ процвѣтали самыя разнообразныя отрасли труда, въ томъ числѣ и умственный трудъ, такъ какъ

Андрей завелъ въ монастыряхъ переписываніе книгъ (создался особый поморскій почеркъ), устроилъ школу, въ которой самъ преподавалъ ораторское искусство, чѣмъ тоже содѣйствовалъ выработкѣ особаго литературнаго склада.

Кромѣ устройства внутреннихъ распорядковъ общегитія, Андрею нужно было заботиться и о внѣшнихъ его отношеніяхъ, объ отношеніяхъ и къ другимъ раскольническимъ сектамъ, въ власти свѣтской и къ православной церкви, и въ этомъ случаѣ онъ оказался весьма пригоднымъ человѣкомъ какъ по своему образованію, такъ и по врожденнымъ дипломатическимъ способностямъ. Сознавая силу, рождающуюся отъ единенія, и видя раздробленность раскольничьихъ толковъ, Андрей разсылалъ своихъ миссіонеровъ во всѣ концы Россіи: они привлекали въ расколъ новыхъ адептовъ, сторонникамъ иныхъ толковъ указывали на цвѣтущее состояніе „Выгореціи“, какъ на видимое свидѣтельство правоты ея членовъ. Допускались разные компромиссы, чтобы избѣгнуть дробленія сектъ, какъ напр. по отношенію къ Ѳедосѣвцамъ, съ которыми разрывъ произошелъ уже послѣ смерти Андрея. Поладить съ властями предержащими оказалось не особенно труднымъ въ виду общихъ политическихъ условій того времени; Петру Великому нужны были дѣятельные люди, нужны были и матеріальныя средства для многочисленныхъ государственныхъ потребностей. Онъ обратилъ вниманіе на устройство Олонецкихъ горныхъ заводовъ, и главный сотрудникъ его въ этомъ дѣлѣ знаменитый де-Геннингъ доносилъ ему, что выговцы даютъ отличныхъ работниковъ на заводы. Царь, вообще склонный къ религіозной терпимости, рѣшилъ не преслѣдовать выговцевъ и даже предоставить имъ въ 1705 году существеннѣйшія льготы: право самоуправленія и освобожденіе отъ двойного подушнаго оклада. Этимъ, а также и разными другими облегченіями, которыхъ Андрей умѣлъ доби-

ваться черезъ разныхъ высокихъ милостивцевъ, значеніе Выговской пустыни въ глазахъ раскольниковъ понималось чрезвычайно высоко, и сюда стремились, конечно, въ большомъ числѣ новые поселенцы, радовавшіеся возможности избавленія отъ условій, тяготившихъ послѣдователей древняго благочестія въ другихъ мѣстахъ. Гораздо затруднительнѣе было установить отношенія къ духовной власти, которая, при всей вѣротерпимости Петровскаго времени, не могла равнодушно смотрѣть на образованіе такого центра, благодаря которому расколъ могъ приобрѣтать значительную устойчивость, и изъ котораго усиленно развивалась раскольническая пропаганда.

Однако единственною общемою мѣрою, которую приняла церковная власть по отношенію къ выговцамъ, была посылка къ нимъ для увѣщанія въ 1722 г. іеромонаха Неофита, который и предложилъ пустынно-жителямъ 106 вопросовъ, касавшихся разныхъ пунктовъ ихъ ученія. Почти полтора года Андрей съ братомъ и др. сотрудниками сочиняли отвѣты на эти вопросы, и результатомъ ихъ работы была огромная книга, извѣстная подъ именемъ „Поморскихъ отвѣтовъ“. Въ этомъ сочиненіи насъ поражаетъ замѣчательная эрудиція автора, его умѣніе пользоваться доказательствами, уловить слабую сторону въ аргументаціи противника, какъ уже мы сказали; здѣсь виденъ ученый, примѣняющій приемы археологическаго изслѣдованія, филологической и исторической критики, и въ этомъ отношеніи правы тѣ ученые, которые готовы признать Андрея первымъ нашимъ археологомъ и первымъ представителемъ филологическихъ приемовъ критики: анализъ языка, производимый Андреемъ; указаніе историческихъ анахронизмовъ для доказательства подложности разбираемаго памятника, которое мы находимъ въ „Поморскихъ отвѣтахъ“, сдѣлали бы честь и современнѣмъ намъ ученымъ и несомнѣнно обнаружи-

вають и талантъ и огромныя свѣдѣнія Андрея. Не-офитъ, мало подготовленный къ такой встрѣчѣ, потерпѣлъ неудачу, и выговцы на много лѣтъ были оставлены въ покоѣ. Такова была въ общихъ чертахъ дѣятельность Андрея Денисова, который умеръ въ 1730 г. Ему принадлежитъ множество сочиненій, проповѣдей, посланій, полемическихъ трактатовъ (изъ нихъ послѣ „Поморскихъ отвѣтовъ“ наиболѣе замѣчательны „Діаконовы отвѣты“, написанные для ижегородскихъ поповцевъ противъ вопросовъ Птитирима). Павелъ Любопытный насчитываетъ 119 сочиненій Андрея, но ихъ, вѣроятно, было больше, хотя къ сожалѣнію они до сихъ поръ не только не изданы, но и не изслѣдованы. Наибольшія собранія ихъ имѣются въ Императорской Публичной Библіотекѣ (коллекція Богданова) и въ библіотекѣ Кіевской духовной академіи (рукописи Е. В. Барсова).

Обращаемся къ дѣятельности ревностнѣйшаго помощника Андрея, его младшаго брата, Семена. Родился онъ въ 1682 г. и выросъ въ той же домашней обстановкѣ и подъ тѣми же религіозными вліяніями, что и Андрей, а 14-ти лѣтъ, увлеченный братомъ, поступилъ въ Выговскую пустынь. „Съ прибытіемъ Семена въ пустыню, говоритъ Е. В. Барсовъ, Андрей далъ ему полную возможность довершить свое образованіе въ томъ же направленіи, въ какомъ оно началось. Сначала онъ самъ училъ его вмѣстѣ съ другими даровитыми юношами грамматическому и риторическому ученію, чтобы право писати и добрѣ глаголати, чтобы умѣть совращать въ расколъ и совращенныхъ утверждать въ расколѣ. Затѣмъ онъ всегда бралъ его съ собою, когда по разнымъ монастырскимъ нуждамъ странствовалъ по всѣмъ русскимъ городамъ и монастырямъ, ѣздивъ въ Москву и Кіевъ, промышлялъ и осматривалъ книги, „овыя покупалъ, овыя списывалъ“, для защищенія своихъ раскольниковыхъ мнѣній. Въ этихъ странствованіяхъ Семенъ докончилъ свое образо-

ваніе. Въ Кіевѣ и Москвѣ онъ изучилъ грамматику, риторику, піитику и даже часть філософін“. Такъ ли получилъ свое образованіе Семень, или инымъ какимъ-нибудь путемъ, несомнѣнно, что онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего старшаго брата, что его образованіе отличалось тѣмъ же схоластическимъ характеромъ, что и дало возможность ему стать лучшимъ пособникомъ Андрея при его жизни и продолжателемъ его дѣла въ томъ же самомъ направленіи послѣ его смерти; въ духовномъ строѣ, въ просвѣщеніи обоихъ братьевъ замѣчается рѣдкое, полное согласіе: одинъ въ извѣстной степени есть повтореніе другого. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, при настоятельствѣ Андрея, Семену пришлось пострадать за дѣла своей общины. Въ 1713 г. отправился онъ въ Новгородъ хлопотать о разрѣшеніи выговцамъ перейти съ Выга, ради хлѣбнаго здѣсь недороду, въ каргопольскій уѣздъ на взятую ими въ оброкъ землю, на Чаженку рѣчку (по другимъ извѣстіямъ, онъ долженъ былъ добыть списокъ Макарьевскихъ Четыхъ-Миней. Здѣсь нашелся донощикъ. „Иже въ насъ благочестіемъ вскормленіи, сообщалъ объ этомъ Андрей, — благочестію враги учинишася; иже на добродѣтель помазуеміи въ возмездіе злопредательство изліяша; иже отъ злыхъ дѣлъ отлучаеміи за добродѣяніе злодыхательство воздаша. Архиповъ сынъ, Леонтій, иже второму Іудѣ совѣтникъ и другому Каину стоварищъ, новая предателя въ христіанствѣ Христу учинишася, хульники и клеветники благочестію сотворишася, предавши на мучительство зліи благаго ревнителя благочестію, яко звѣри агнца беззлюбиваго и яко ядовитіи зміи птенца пустыннаго. Той бо къ нимъ тамо, яко беззлюбивый, вседушевно прилежалъ, она же злодышущая приходиша къ нему, цѣлованія любовна, яко Іуда Христу, дающа и тѣмъ самымъ предающа“. Митрополитъ новгородскій, Іовъ, которому былъ сдѣланъ доносъ, приказалъ, въ предупрежденіе раскольнической

пропаганды, арестовать Семена. Заключение продолжалось четыре года, а за это время съ одной стороны шли попытки увѣщаніями (иногда и угрозами) склонить Семена къ православной церкви, съ другой же—выговцы принимали всѣ мѣры, чтобы выхлопотать своему наставнику свободу. Какъ то, такъ и другое не имѣло успѣха: митрополить Іовъ не соглашался выпустить Семена, а послѣдній на всякія увѣщанія отвѣчалъ отказомъ, причемъ въ его аргументаціи замѣтны черты, сказавшіяся впоследствии въ „Поморскихъ отвѣтахъ“. Когда ему прислано было одно полемическое сочиненіе со ссылкой на „Дѣяніе Мартина еретика“, онъ высказалъ слѣдующее критическое соображеніе: „А яже свидѣтельства отъ древнихъ св. отецъ и архіереевъ положенная, сіе есть дѣяніе собора, бывшаго въ Кіевѣ, на Мартина еретика, новая вводяща; и елико Константинъ митрополить, во онаго обличеніе свидѣтельства привождаше, отъ книгъ Михаила и Θεопемпта, митрополитовъ Кіевскихъ: къ симъ же и Луки, вселенскаго патріарха, согласующеся соборнымъ судомъ; подобнѣ Θεогноста митрополита хоратейная книга утверждающая: долженствуемъ не мимоходомъ, но тщательнѣ изыскати. Кто убо желая спасенія и вѣчнаго живота, истиной воспротивитися хочетъ?... сего ради и всякій трудъ и усердіе показати желаетъ, во еже самовидцами онаго дѣянія первообразнаго и прочихъ быти, по реченному: очи ушесъ достовѣрѣйши“.

Такимъ образомъ высказано сомнѣніе въ истинности „Дѣянія“, и желаніе видѣть его подлинникъ являлось вполне естественнымъ; по этому желанію не удовлетворилъ да и не могъ удовлетворить митрополить Іовъ. Такъ какъ вся волокита не вела ни къ чему и Семена не освобождали изъ заключенія, то онъ рѣшился на побѣгъ, совративъ предварительно своего караульщика въ расколъ. Когда Петру Великому доложили объ этомъ побѣгѣ, то онъ сказалъ: „Богъ съ нимъ“ и

такимъ образомъ какъ бы санкціонировалъ освобожденіе Семена. Велика была радость всего Выговскаго общества, а въ особенности Андрея, который разъяснилъ своей паствѣ, что возвращеніе Семена есть свидѣтельство милости Божіей ко всему обществу, тѣмъ болѣе, что незадолго предъ тѣмъ умеръ митрополитъ Іовъ. Возобновилась общая работа братьевъ Денисовыхъ по управленію изъ киновіи, причемъ очень скоро представилось важнѣйшее дѣло—составленіе „Поморскихъ отвѣтовъ“. Общая работа идетъ до 1730 г., а тогда Семенъ занимаетъ мѣсто Андрея, становится настоятелемъ.

Время его управленія было тяжелымъ для пустыни, которую постигли и матеріальныя, и нравственныя бѣдствія. Однако съ ними Семенъ справлялся тѣми же мѣрами, какія практиковались Андреемъ. Постигшій въ 1731 г. пустыню неурожай повелъ къ усиленію ея промышленной дѣятельности; нарушенія уставовъ вызвали примѣненіе болѣе строгихъ дисциплинарныхъ мѣръ. Гораздо печальнѣе оказались раздоры изъ-за верховнаго руководства послѣ смерти въ 1734 г. Данила Викулина. Эти раздоры были началомъ внутренняго разложенія общины, авторитетъ Семена былъ подорванъ, начались доносы властямъ, особенно опасныя въ томъ отношеніи, что указывалась политическая неблагонадежность выговцевъ, не хотѣвшихъ молиться за царя и укрывавшихъ въ своихъ лѣсахъ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Доносы повели къ назначенію слѣдственной комиссіи, очень напугавшей выговцевъ, но окончившейся для нихъ благополучно. Въ это время (въ 1740 г.) умеръ Семенъ Денисовъ. Послѣ него осталось довольно большое число сочиненій, хотя и меньшее, чѣмъ отъ Андрея. По содержанію своему они являються или полемическими трактатами (о перекрещиваніи, о книгѣ „Жезлъ“, о крестѣ, двуперстіи, противу новомудрствующихъ), или проповѣдями (над-

гробныя слова), или историческими сводами („Виноградъ Россійскій“ и „Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ“) Особенно важны по своей распространенности у раскольниковъ сочиненія историческія: достовѣрность ихъ показаній далеко не всегда можетъ считаться прочною, хотя источники у Семена были и хорошіе; но, помимо достовѣрности исторической, эти же произведенія имѣють интересъ литературный, какъ своего рода собранія житій раскольническихъ святыхъ и какъ образцы того стиля, который созданъ подъ вліяніемъ кievской школы. Подъ этимъ вліяніемъ сложились въ Выговской пустыни и стихотворенія. Самъ Семень писалъ стихи, въ которыхъ хорошо примѣнялъ силлабическій размѣръ. Наконецъ, къ числу важнѣйшихъ произведеній Семена надо отнести его „Законоположенія по чину монастырскому“, разные уставы, имъ сочиненные, такъ называемое „Уложеніе братьевъ Денисовыхъ“, опредѣлившее устройство Выговскаго общежитія, „Уложеніе“, которому самъ Семень придавалъ огромное значеніе, заповѣдавъ передъ смертью монастырской братіи соблюдать его неуклонно. Біографъ Семена, въ панегирическомъ восхваленіи его трудовъ, также особенно выдвигаетъ „благочестивыя законоположенія“. Сочиненія Семена также не изучены и не изданы до сихъ поръ.

Самъ по себѣ.

Какъ-то въ лѣтній день я возвращался изъ Петербурга по Балтійской желѣзной дорогѣ на дачу. Ъхалъ я въ вагонъ III класса, почти биткомъ набитомъ преимущественно публикой сѣрой, не дачной; были тутъ подгородные мужики, солдаты, прислуга, приказчики, изъ интеллигентовъ было только двое студентовъ, сидѣвшихъ у самаго входа въ вагонъ. Разговоръ завязался довольно скоро и, такъ какъ онъ коснулся всѣхъ тогда волновавшаго столкновенія на Кушкѣ, то въ немъ приняли участіе почти всѣ пассажиры. Толкуя о причинахъ столкновенія нашихъ войскъ съ афганцами, участники бесѣды единогласно осуждали „англичанку“, которая, по газетнымъ извѣстіямъ, своими интригами подняла противъ насъ азіатовъ. Нѣкоторые особенно возмущались тѣмъ, что „англичанка“ такъ нехорошо поступаетъ, хотя она „намъ родная...“ Вдругъ среди этихъ довольно однотонныхъ толковъ раздался совершенно неожиданно голосъ въ пользу „англичанки“:

— Нѣтъ, господа, неправильно вы говорите: „англичанка“ противъ насъ почти что совсѣмъ не виновата.

— Какъ такъ? не виновата? А кто же виноватъ по вашему? Ужъ не мы ли сами виноваты, что на насъ напали?

Съ этими вопросами со всѣхъ сторонъ обратились къ человѣку, помѣщавшемуся въ углу и рѣшивше-

муся защищать „англичанку“. По наружности этотъ человекъ ничѣмъ особенно не выдавался: лѣтъ пятидесяти, одѣтый въ теплое пальто и фуражку, онъ подходилъ на мелкаго торговца; выраженіе лица было какое-то вялое, флегматичное, но эта вялость совсѣмъ ступевалась, когда онъ заговорилъ, и видно было, что вмѣшался онъ въ разговоръ потому, что былъ задѣтъ за живое его содержаніемъ.

— И мы не виноваты, отвѣчалъ онъ своимъ оппонентамъ, да и „англичанка“ ничего дурного не сдѣлала. Она, правда, намъ родная и любить насъ. Да и не можетъ иначе быть, потому что царская сестра замужемъ за ея сыномъ. Она всегда рада съ нашимъ государемъ быть за-одно, да мѣшаютъ ей ихніе англійскіе господа. Взяли они себѣ всю силу въ государствѣ, да и дѣлаютъ, что хотятъ. Какъ понадобятся англичанкѣ деньги, они ей не даютъ. Вотъ и приходится ей, бѣдной, ихъ во всемъ слушаться.

Такое объясненіе конституціонныхъ отношеній вызвало въ слушателяхъ симпатіи къ королевѣ и негодованіе противъ англійскихъ господъ, которые идутъ противъ насъ. Съ этой темы разговоръ незамѣтно перешелъ вообще на иностранцевъ: стали говорить, что иностранцы сильно вредятъ русскимъ и не только въ международныхъ отношеніяхъ, но и въ домашнихъ нашихъ дѣлахъ: нѣмцы, англчане, жида притѣсняютъ насъ, захватили всю торговлю. Русскіе все бѣднѣютъ, а на ихъ счетъ наживаются нѣмцы и жида, и нѣкоторые изъ собесѣдниковъ приходили къ весьма рѣшительнымъ заключеніямъ относительно нѣмцевъ и жидовъ: ихъ надо бить, выгнать изъ Россіи, въ крайнемъ случаѣ, отнять у нихъ нѣкоторыя права. Въ самый разгаръ этихъ человеконенавистническихъ заявленій снова послышался протестъ изъ того же угла.

— „Нѣтъ, и это вы неправильно говорите! Нельзя нѣмцевъ и евреевъ гнать, бить и притѣснять!“

— Да что это вы всѣхъ защищаете? Развѣ они-то насъ не притѣсняютъ? Развѣ легко намъ жить съ ними? Пусть уходятъ, откуда пришли!

— Ишъ вы! пусть уходятъ! Да куда же имъ идти-то? Вѣдь если они къ намъ пришли, значитъ, имъ дома ѣсть нечего, и ихъ пожалѣть надо, а не бить и притѣснять.

— Тоже жалѣть! Да изъ чего жалѣть, когда самимъ намъ ѣсть нечего?

— Нехорошо, что вы говорите. Жалѣть человѣка всегда надо,—такъ намъ Христосъ велѣлъ. Если другихъ не пожалѣемъ, и насъ никто жалѣть не станетъ, и всѣмъ будетъ худо. Надобно жить всѣмъ по любви и другимъ помогать.

— Да какъ же помогать, коли сами бѣдны?

— Нѣтъ, не бѣдны мы, и земли и всякаго богатства Богъ намъ много даетъ, и пусть всѣ къ намъ приходятъ, пусть пользуются. Такъ Богу угодно, и намъ всѣмъ будетъ лучше, какъ по-братски заживемъ и съ нѣмцами, и съ жидами. И жидъ вѣдь тоже человѣкъ, и нельзя жида бить, какъ это два года тому назадъ было. И ему помочь надо! И наши бываютъ такіе, что хуже всякаго жида; не даромъ пословица говорится: не тотъ жидъ, кто еврей, а тотъ жидъ, кто жидъ.

— Послушайте, вѣдь вы же знаете, что нѣмцы насъ на работѣ притѣсняютъ, что нѣмцы вездѣ хорошія мѣста заняли, что жида изъ насъ все богатство вытянули, что изъ-за нихъ мы стали совсѣмъ почти нищими.

— Правда, знаю, что и они насъ притѣсняютъ, да не такъ ужъ сильно, какъ вы говорите. А что притѣсняютъ, такъ это, пожалуй, для насъ и хорошо. Вотъ я вамъ къ примѣру расскажу, какъ со мною было. Былъ я при Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ кантонистахъ. Строгіе у насъ тогда порядки

были: за всякую мелочь иной разъ очень тяжело отвѣчать приходилось. Не то, что днемъ, а и ночью порядокъ соблюдать требовалось: на спинѣ не лежи, не раскидывайся, лежи, какъ полагается. Вотъ, какъ я поступилъ, такъ пріучиться къ порядку очень было трудно. Спасибо, старшій братъ со мною былъ, онъ мнѣ помогалъ. Бывало, днемъ зазѣваешься, а онъ ничего не говоритъ, только кольнетъ въ бокъ булавкой,—ну, и опомнишься. придешь въ порядокъ. Да и ночью онъ смотрѣлъ: какъ замѣтитъ, что сплю не по правиламъ, сейчасъ въ бокъ булавкой,—ну, и придешь опять въ порядокъ. Такъ-то онъ меня два года училъ, пока мѣсть не сталъ я все дѣлать по положенію, пока мѣсть не пришелъ въ порядокъ совсѣмъ. Вотъ такимъ манеромъ и нѣмцы съ жидами насъ колятъ затѣмъ, чтобы мы въ порядокъ приходили. Ужъ это отъ Бога такъ устроено, чтобы все человѣку было на пользу. Кажется вамъ, что они васъ притѣсняють, а они вамъ же добро дѣлають, вамъ помогаютъ, чтобы вы въ порядкѣ были.

— Что же, по вашему, пожалуй, выйдетъ, что и о хорошо, когда на насъ враги нападаютъ?

— Не совсѣмъ это, конечно, хорошо, а тоже вѣдь надо подумать, что и въ этомъ, можетъ, что хорошее найдется. Вѣдь все же это отъ Бога, а Богъ ничего нехорошаго сдѣлать не можетъ. Богъ добръ, онъ объ насъ всегда думаетъ!

— Да все-таки какая же намъ польза отъ того, что на насъ враги нападаютъ?

— А вотъ послушайте, какъ я думаю, какая будетъ польза. Вѣдь теперь повсюду войны и всякое несогласіе, и это нехорошо, потому что много людей убивается. Нужно, чтобы вездѣ было обоюдное согласіе. А какъ это устроить? Когда же будетъ такое обоюдное согласіе? Для того, чтобы это согласіе народилось, нужно, чтобы каждый народъ взялся, чтобы онъ

быть побѣжденъ, покорился бы подъ власть враговъ. И всѣ народы возьмутся, да и Россія возьмется,—безъ этого нельзя. Только не надолго Россія возьмется, всего на полчаса, а потомъ и встанетъ, и устроить обоюдное согласіе“.

На этомъ разговоръ оборвался, такъ какъ мы подъѣхали къ станціи. Уходя, я спросилъ нашего оригинальнаго идеалиста, кто онъ;—оказалось, что его зовутъ Петромъ Васильевичемъ Таскинымъ, а по ремеслу онъ сапожникъ, и по желѣзной дорогѣ ему приходится ѣздить довольно часто, такъ какъ онъ отвозить заказы въ Петербургъ въ большой магазинъ, для котораго постоянно работаетъ.

Человѣкъ этотъ меня заинтересовалъ до крайности, въ его рѣчахъ слышались мнѣ и весьма распространенныя въ то время мессіанистическія идеи о высокомъ призваніи Россіи, высказывавшіяся Ѳ. М. Достоевскимъ, и христіанскій идеализмъ народныхъ разсказовъ гр. Л. Н. Толстого, и, пожалуй, даже до нѣкоторой степени ученіе о непротивленіи злу. Но откуда же у этого старика изъ кантонистовъ всѣ эти идеи? Неужели онъ знакомъ съ произведеніями Достоевскаго и гр. Толстого? Если нѣтъ, то не является ли онъ представителемъ какой-нибудь новой, неизвѣстной еще секты? Любопытство мое было сильно возбуждено, но найти разрѣшеніе этихъ вопросовъ я долго не могъ... Но вотъ болѣе мѣсяца спустя послѣ описанной бесѣды, садясь въ вагонъ, я очутился противъ хорошо запомнившейся мнѣ фізіономіи Петра Васильевича.

Поздоровался я съ нимъ, — онъ меня не узналъ сразу, но потомъ мы разговорились, и напомнивъ ему его разсужденія объ иностранцахъ и о войнахъ, я спросилъ его, не читалъ ли онъ Достоевскаго или Толстого. Оказалось, что Достоевскаго онъ совсѣмъ не знаетъ, никогда о немъ не слыхалъ, а изъ сочи-

неній гр. Толстого читаль одинъ лишь рассказъ „Чѣмъ люди живы?“, да и тотъ не особенно хорошо сохранился въ его памяти.

— Откуда же у васъ такія мысли?—спросилъ я.

— Какъ откуда? Очень просто. Развѣ въ Писаніи всего этого нѣтъ? Зачѣмъ же и Христосъ приходилъ на землю? Вѣдь онъ училъ насъ, что мы должны любить другъ друга, что мы всѣ другъ другу братья. И нѣмецъ мнѣ братъ, да и еврей, хотя онъ во Христа и не вѣруетъ. Будемъ мы его любить, какъ брата, и онъ станетъ такимъ же христіаниномъ, какъ и мы.

— Однако, Петръ Васильевичъ, вѣдь не всѣ же христіане такъ думаютъ, какъ вы? Вы православный или старообрядецъ?

— Вотъ, когда меня такъ спрашиваютъ, право, не понимаю, о чемъ говорятъ. Что значитъ „православный“? Если это такой человѣкъ, который вѣруетъ въ то, чему училъ Христосъ, такъ я, конечно, православный; а если еще къ Христову ученію что прибавляется, такъ это для меня ничего не стоитъ. Старообрядцемъ я никогда не былъ и не буду. Не все ли равно Богу, какъ я буду креститься, двумя пальцами или тремя? Да нужно ли Богу, чтобы я какъ-нибудь крестился? Не все ли равно, читаю ли я молитвы по православному или по старообрядчески, или молюсь совѣмъ по своему?

— Петръ Васильевичъ, знаете ли вы пашковцевъ? Не соглашаетесь ли вы съ ними?

— Вотъ, что я вамъ скажу, если ужъ вамъ такъ хочется знать, къ какому я принадлежу согласію. Я—самъ по себѣ, вѣрую такъ, какъ сказано въ Священномъ Писаніи, какъ училъ насъ Христосъ, и никакихъ прибавокъ знать не хочу. Много перевидалъ я разныхъ вѣръ, толковалъ я и съ нашими попами, и съ старообрядцами, съ поповцами, и съ всякими безпоповцами, и пашковцевъ знаю, и духоборцевъ ви-

дѣлѣ, и у нѣмцевъ объ ихъ вѣрѣ спрашивалъ. Толковалъ я и съ господами, которне совсѣмъ въ Бога не вѣрятъ, и евреевъ разспрашивалъ, какъ они вѣрятъ, и татаръ... И ни у кого то нѣтъ настоящей, полной правды. У всѣхъ есть немножко правды, всѣ вѣрятъ въ то, что говорилъ Христосъ, и евреи и татары въ это вѣрятъ, — а только всѣ своего прибавляютъ. Иные прибавляютъ такое, что отъ него ни худо, ни хорошо не дѣлается; а иное бываетъ совсѣмъ вредное. Какъ быть, съ попами или безъ поповъ, — отъ этого вѣра не портится; все равно для христіанства и какъ молиться, въ землю кланяться, или же въ поясъ. Тоже для вѣры это ничего. А вотъ большой вредъ для вѣры, когда всѣ начинаютъ враждовать между собой, изъ-за всякой мелочи другъ друга клянуть, другъ друга знать не хотятъ, а еще и притѣсняютъ одни другихъ, какъ только имъ сила въ руки попадетъ. Все это отъ антихриста и отъ діавола.

— Значить, вы и сами клянете тѣхъ, кто не по вашему, если говорите, что ихъ взгляды отъ антихриста и отъ діавола.

— А совсѣмъ нѣтъ! Какъ же вы плохо меня понимаете!

— Да какъ же васъ понимать?

— А вотъ какъ! Діаволь-то вѣдь не съ рожками, и не живой какой бѣсъ, на самомъ дѣлѣ онъ не существуетъ, да и антихриста нѣтъ, чтобы онъ былъ вродѣ какого-нибудь человѣка. Это надо понимать совсѣмъ духовно: и діаволь, и антихристъ есть въ каждомъ человѣкѣ, и въ васъ есть, и во мнѣ. И каждый человѣкъ со своимъ діаволомъ и антихристомъ долженъ бороться, да и борется всегда, потому что если перестать съ ними бороться, такъ сейчасъ же и погибнешь. А бороться надо христіанскимъ духомъ. Надо всѣхъ любить, надо помнить, какъ сказано въ Писаніи: „нѣсть еллинъ, ни іудей,... но всяческая и о всѣхъ

Господь“. Вѣрно, Господь о всѣхъ заботится, Онъ и для нѣмца, и для еврея, и для православнаго, и для старообрядца одинъ и тотъ же. Всѣхъ Онъ любитъ одинаково, хочетъ, чтобы всѣ другъ друга любили, и печалится, если люди по пустякамъ между собою ссорятся, если изъ-за двухъ или трехъ перстовъ одни другихъ проклинаятъ, одни на другихъ и смотрѣтъ не хотятъ. Для Бога никакихъ еретиковъ нѣтъ. Если человѣкъ исполняетъ вѣрно двѣ заповѣди Христовы, онъ все дѣлаетъ, что только нужно.

— Ну, а какъ вы сами относитесь къ тѣмъ, которые думаютъ не по вашему?

— Да какъ? жалѣю ихъ, что ошибаются, стараюсь имъ растолковать настоящую христіанскую правду, а люблю ихъ всѣхъ одинаково.

— А какъ же ихъ заставить вѣрить правильно?

— Что это вы такое говорите! Какъ же можно кого-нибудь заставить вѣрить? Силой никого къ вѣрѣ не приведете. Если и скажетъ кто-нибудь отъ страха, что повѣрилъ по вашему, такъ развѣ это будетъ правда? Нѣтъ, въ такомъ человѣкѣ діаволъ говоритъ. Вы сами въ немъ вызвали діавола и антихриста, и они „лжу глаголятъ“. Нѣтъ, силой вы людей не къ вѣрѣ приведете, а только въ тяжкій соблазнъ введете. Большой грѣхъ творить, кто хочетъ заставить другихъ вѣровать по своему.

— Но, а если люди упорствуютъ въ заблужденіи?

— Ну, а позвольте васъ спросить, кто по вашему будетъ сильнѣе, діаволъ или Христосъ?

— Конечно, Христосъ.

— Ну, то-то же! И какъ же вы послѣ этого не сообразите, что упорствуетъ человѣкъ отъ сидящаго въ немъ діавола съ антихристомъ? И, конечно, обоихъ ихъ Христосъ долженъ побѣдить. Только если вы съ ними хотите бороться, такъ и идите на борьбу съ Христомъ вмѣстѣ, а не съ діаволомъ; значить, къ

упорствующему человѣку идите съ любовью, съ христіанскимъ духомъ, а не съ силою, съ діавольскимъ духомъ. Неужели вы думаете, что христіанскій духъ не побѣдитъ? Нѣтъ, только христіанскій духъ и побѣдитъ, а когда эта побѣда будетъ, тогда и будетъ едино стадо и единъ пастырь, будетъ всяческая, и о всѣхъ Господь. И нѣмцы, и татары, и евреи, и православные, и поповцы, и безпоповцы, и пашковцы перестанутъ проклиная другъ друга изъ-за пустяковъ, полюбятъ другъ друга, скажутъ: „другъ друга обымемъ“, и будутъ всѣ любить одного Бога.

На этомъ кончилась наша бесѣда, мы вскорѣ разстались, а послѣ мнѣ уже не приходилось встрѣчаться съ этимъ интереснѣйшимъ идеалистомъ, съ этимъ человѣкомъ, который выработалъ удивительно-стройное міросозерцаніе „самъ по себѣ“.

Духоборческое движеніе на Кавказѣ.

(По офіціальному сообщенію).

Какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка произошло сильное движеніе среди выселенныхъ въ Закавказье духоборовъ, движеніе, окончившееся для сектантовъ весьма печально, почти полнымъ разгромомъ ихъ благосостоянія и эмиграціей многихъ изъ нихъ въ Сѣверную Америку. Въ печати объ этомъ грустномъ фактѣ сообщалось весьма мало отрывочныхъ свѣдѣній, а потому мы рѣшаемся воспользоваться офіціальной запиской бывшаго тогда тифлискаго губернатора, кн. Г. Д. Шервашидзе. Такъ какъ авторъ записки былъ самъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ событіи, то само собою разумѣется, что къ его сообщеніямъ слѣдуетъ относиться строго критически; однако, не имѣя достаточныхъ матеріаловъ для такого отношенія, мы ограничиваемся здѣсь лишь подробнымъ изложеніемъ тѣхъ данныхъ, которые представляются запискою.

Представивъ въ краткомъ очеркѣ, на основаніи печатныхъ пособій исторію возникновенія духоборческой секты и того, что было ею пережито въ центральной Россіи, до выселенія ея членовъ на Кавказъ, авторъ обращается къ характеристикѣ отношеній власти къ сектантамъ въ новомъ мѣстѣ ихъ жительства. „Въ Закавказьи, говоритъ онъ, существенно измѣнился взглядъ на духоборцевъ; администрація внутреннихъ губерній Имперіи, а отчасти и общество болѣе всего возставали противъ духоборцевъ за распространеніе

секты, влекущее разрушеніе установившагося строя; на новомъ мѣстѣ пропаганда духоборческаго ученія совсѣмъ не могла имѣть успѣха, съ одной стороны, вслѣдствіе разноплеменности и различныхъ нарѣчій, на которыхъ говорили сосѣди, нѣкоторые изъ коихъ были мусульмане и смотрѣли на сектантовъ, какъ на христіанъ, а съ другой—вслѣдствіе иныхъ болѣе лучшихъ соціальныхъ условій жизни туземцевъ, при которыхъ духоборчество не могло быть привлекательнымъ, а также и въ силу того, что для южныхъ народовъ, вслѣдствіе натуры ихъ, не могъ быть примѣнимъ суровый режимъ духоборчества.

„Поэтому въ глазахъ мѣстной администраціи вся эта своеобразная, тѣсно сплоченная община съ своими главарями, желѣзною дисциплиною, однообразнымъ костюмомъ, представлялась симпатичнымъ муравейникомъ, гдѣ копошились добродушные русскіе мужики, безпредѣльно послушные, аккуратно платившіе подати, отбывавшіе всѣ повинности съ чрезвычайнымъ усердіемъ и при сношеніяхъ съ должностными лицами выказывавшіе особенную услужливость и высокопочитаніе. Дѣйствительно, духоборцы не замѣчались ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ, одинаково чуждались всѣхъ сосѣдей, къ какой-бы національности они ни принадлежали, и ни въ административныхъ, ни въ судебныхъ учрежденіяхъ не имѣлось никакой о нихъ переписки.

„Живя такимъ образомъ изъ года въ годъ, духоборцы прожили въ Закавказьи полвѣка. За это время они размножились и дошли до чрезвычайной зажиточности, невиданной въ Закавказьи въ крестьянской средѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи громадныя перевозочныя средства, они оказывали не маловажныя услуги Правительству при передвиженіяхъ войскъ, въ особенности, во время послѣдней турецкой войны, за что были не только щедро вознаграждены матеріально, но

обласканы всякими милостями, какъ лица, исполнившія высокій патріотическій долгъ.

„Но не одно благонравіе духоборцевъ обращало на нихъ вниманіе администраціи. Кавказское начальство считало ихъ русскими людьми, русскими по крови и по духу, пострадавшими за свои вѣрованія и заброшенными на турецкую границу, среди чуждыхъ имъ по племени туземцевъ, въ мѣстность на высотѣ 6 т. футовъ. Поселившись при столь неблагоприятныхъ условіяхъ, перенеся лишенія и нужду, они, благодаря упорному труду и осмотрительной жизни, не только достигли матеріальнаго благосостоянія, но заставили все окрестное населеніе уважать себя, и на далекой окраинѣ, казалось, высоко подняли русское знамя. Раскинувшіяся въ трехъ губерніяхъ, среди нищенскаго туземнаго населенія, цвѣтущія села ихъ являли изъ себя отрадный видъ оазисовъ, а съ политической стороны представлялись этапными пунктами русскаго дѣла и вліянія въ краѣ. Всѣ эти соображенія и еще большія надежды на будущее дѣлали то, что духоборцы въ Закавказьи составляли предметъ особенной заботливости мѣстныхъ властей. Все было спокойно у сектантовъ и они не выказали себя, даже переживая тяжелый для всей секты моментъ, когда, въ 1864 году, бездѣтно умиралъ еще молодой глава секты Петръ Калмыковъ и прекращалось мужеское поколѣніе главенствующей линіи (династіи); пришедшіе въ отчаяніе духоборцы поставили вопросъ обезсилѣвшему своему повелителю: „на кого, Петруша, Вы изволите насъ покидать“? Умирающій, указавъ на жену свою Лукерью, урожденную Губанову, сказалъ: „оставляю вамъ вмѣсто себя вотъ эту мою кукушку; но послѣ нея не имѣтъ вамъ болѣе благодати Св. Духа“.

„Послушные священной для нихъ волѣ, духоборцы, послѣ смерти Петра Колмыкова, вдову его, Лукерью провозгласили управляющею Сиротскимъ Домомъ.

„Лукерья Калмыкова была женщиною разсудительною, правила подобострастно обожавшими ее духовборцами 22 года, и время ея правленія можетъ считаться золотымъ вѣкомъ духовборческой секты. Въ это время Сиротскій Домъ наиболѣе развилъ свое матеріальное благосостояніе; разбогатѣли также и отдѣльные лица, начавшія владѣть купленными или долгосрочно арендуемыми имѣніями, державшія въ кредитныхъ учрежденіяхъ значительные капиталы, державшія большіе подряды и т. п. Такое имущественное положеніе не только при отсутствіи гоненій, но при общемъ вниманіи и ласкѣ выпшихъ административныхъ властей, вскружило духовборцамъ голову и они начали смотрѣть на свое положеніе какъ на что-то должное, какъ на новую программу Правительства, окончательно сознавашаго свои прошлыя ошибки и начавшаго заискивать у нихъ; такую перемѣну въ своемъ положеніи „они приписывали твердой и мудрой политикѣ своихъ боговдохновенныхъ руководителей“.

„Но кризисъ близился“, говоритъ авторъ записки, и дѣйствительно, послѣ многихъ лѣтъ спокойной жизни наступила смута.

„Въ 1886 году, послѣ кратковременной болѣзни, скончалась Лукерья Калмыкова, не оставивъ завѣщанія и не указавъ на лицо, которое могло-бы занять ея мѣсто; но сдѣлать подобное указаніе умиравшей было крайне трудно, хотя она и сознавала, что духовборцы не могутъ оставаться безъ главаря. Должность управляющаго Сиротскимъ Домомъ не была выборною, а составляла принадлежность священной для духовборцевъ династіи Калмыковыхъ; если-же четверть вѣка передъ симъ сама Лукерья, принадлежащая къ другому роду, заняла этотъ постъ, то единственно по непосредственному указанію глубоко-почитавшагося Петра Калмыкова, какъ его вдова и какъ особа, хорошо извѣстная всѣмъ духовборцамъ, жившимъ одною семьею, какъ въ

одной губерніи. Но въ годъ смерти Лукерьи дѣло стояло иначе: о бѣдствіяхъ и гоненіяхъ, такъ тѣсно сплотившихъ секту, уже давно не было и помину; духоворцы раскинулись въ предѣлахъ трехъ губерній, что, вмѣстѣ съ личнымъ богатствомъ, разобщило интересы сектантовъ. Въ такое именно время исчезаетъ послѣдній представитель Калмыковыхъ, связывавшихъ духоворцевъ вѣрою въ него и почти вѣковою традиціею; предстояло явиться новому Савелію Капустину, но въ иномъ созданіи, который могъ-бы соединить всѣхъ проживающихъ въ трехъ губерніяхъ Закавказья духоворцевъ, сдѣлаться для нихъ священною особою и, такимъ образомъ, начать новую линію. При этомъ новому повелителю-пророку, какъ не имѣющему за собою прошлаго, пришлось-бы не ограничиваться воспринятіемъ прежде существовавшей власти, а утвердить свой авторитетъ въ соціально-политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ какими-нибудь необыкновенными дѣйствіями или явленіями, между тѣмъ устроить что-нибудь въ этомъ отношеніи было-бы затруднительно, такъ какъ матеріальные интересы получили черевѣсъ и къ однимъ разсказамъ о чудесахъ отнеслись-бы съ сомнѣніемъ.

„При изложенныхъ условіяхъ, казалось, не могло быть рѣчи о наслѣдникѣ или замѣстителѣ власти Калмыковыхъ; но, къ удивленію мѣстной администраціи, подходящій соискатель не замедлил проявиться въ лицѣ нѣкоего Петра Веригина, уроженца сел. Славянки, Елисаветпольской губерніи.

„Названный Веригинъ, совсѣмъ молодой, рѣдкой красоты, грамотный, безпринципный духоворецъ, послѣдніе годы жизни Лукерьи Калмыковой находился неотлучно при ея особѣ, и безпокойнымъ своимъ характеромъ, заносчивостью стремленіемъ стать выше другихъ, возбудилъ противъ себя родныхъ и близкихъ къ Лукерѣ лицъ, а также почетныхъ жителей селенія Горѣлаго, гдѣ помѣщался Сиротскій Домъ и находился

глава секты; другими словами, Петръ Веригинъ возбудилъ противъ себя главныхъ заправилъ секты. Но въ селеніяхъ, отдаленныхъ отъ Горѣлага, въ средѣ темной массы духоворцевъ, воспитанныхъ на нелѣпыхъ преданіяхъ сверхъестественнаго могущества Калмыковыхъ, еще при жизни Лукерьи начали носиться слухи, распускавшіеся какъ самимъ Веригинымъ, такъ и многочисленною его роднею, слухи, заставлявшіе призадумываться заправилъ Сиротскаго Дома, что этотъ статный, прекрасный молодой человѣкъ, происхожденія непростаго; что онъ сынъ покойнаго Петра Калмыкова, плодъ посѣщенія имъ, незадолго предъ смертію, семьи Веригиныхъ въ сел. Славянкѣ; что это служило будто бы причиной близости его къ Лукерьѣ Васильевнѣ, державшей его при себѣ не какъ придворнаго, а какъ наслѣдника, котораго она частыми бесѣдами и наставленіями приуготовила къ высокому удѣлу его рода, на радость и счастье всѣхъ „православныхъ“. Духоборцы, въ силу своего воспитанія и традицій своей секты, не могли составить себѣ представленія о возможности обойтись безъ замѣстителя Лукерьи Васильевны и богочеловѣка во главѣ секты, а потому все болѣе и болѣе принимали на вѣру слухи, льстившіе ихъ воображенію; вслѣдствіе этого, въ концѣ 1886 года, въ сердцахъ сектантовъ на столько укрѣпилось убѣжденіе въ высокомъ божественномъ предназначеніи Петра Веригина, что послѣдній получилъ полную возможность, вскорѣ послѣ смерти Лукерьи Васильевны, выдвинуть свои притязанія на должность управляющаго.

„Встрѣтивъ большое сопротивленіе въ почетныхъ лицахъ сел. Горѣлага, хорошо его знавшихъ, и въ цѣляхъ сломить ихъ упорство и окончательно разсѣять могущія возникнуть сомнѣнія на счетъ правоты его дѣла, Веригинъ отправился на родину, въ сел. Славянку. Здѣсь при торжественной обстановкѣ предъ всѣмъ народомъ мать его, Анастасія, смиренно заяви-

ла, что сына своего Петра родила она не отъ мужа Василя Веригина, а отъ Петра Калмыкова, удостоившаго ее, къ великой радости всей ея семьи, священнымъ вниманіемъ во время послѣдняго посѣщенія своего сел. Славянки; что великая тайна эта была хорошо извѣстна Лукерѣ Калмыковой, которая ждала только возмужалости Петра, чтобъ даже при жизни передать ему наслѣдіе его предковъ. Послѣ этихъ словъ какъ она, такъ и мужъ ея повалились Петру въ ноги, а за ними повалился и народъ. Вслѣдъ за симъ было приступлено къ присягѣ на вѣрность Веригину и къ подписанію присяжныхъ листовъ. Такимъ образомъ, была установлена преемственность и связь съ священнымъ родомъ, почему новому главѣ не пришлось доказывать свое божественное происхожденіе какими-либо чудесами, такъ какъ это признавалось присущимъ ему въ силу рожденія.

„Вслѣдъ за жителями селенія Славянки приблизительно семь десятыхъ всего духоборческаго населенія въ трехъ губерніяхъ присягнули Веригину, подписали присяжные листы (вслѣдствіе чего приняли прозвище „писанныхъ“) и, съ непоколебимою вѣрою въ непогрѣшимость своего избранника, слѣпо передали свою судьбу въ его руки. Но этотъ чудесный избранникъ уже не походитъ на предшественниковъ своихъ, появившихся въ инныя времена, при иныхъ обстоятельствахъ; это не былъ раскольникъ съ инстинктами кротости голубя и осторожности змія; это былъ избалованный, самонадѣянный деревенскій мальчикъ, который въ наслѣдіи Савелія Капустина видѣлъ лишь средство для удовлетворенія своихъ тщеславныхъ и разгульных наклонностей. Окруживъ себя многочисленною свитою молодыхъ обожателей и обожательницъ, облекшись въ дорогую черкеску, какъ-бы въ знакъ его наслѣдственного царскаго достоинства, Веригинъ явился въ Горѣлое и потребовалъ немедленнаго признанія его упра-

вляющимъ священнымъ Сиротскимъ Домомъ и передачи ему общественнаго имущества, грозя въ противномъ случаѣ всѣмъ завладѣть силою и истребить ослушниковъ. Но противъ такихъ требованій Веригинъ встрѣтилъ совершенно неожиданный и выходящій изъ традицій секты отпоръ. Извѣстный мѣстной администраціи Алексѣй Зубковъ, старшина Горѣльскаго сельскаго общества, занимавшій эту должность 26 лѣтъ (еще со временъ Петра Калмыкова), донесъ Ахалкалакскому уѣздному начальнику, что по случаю смерти Лукерьи Калмыковой и предстоящаго дѣла ея наслѣдства происходятъ безпорядки, угрожающіе общественной безопасности, почему и ходатайствовалъ о принятіи мѣръ для водворенія порядка въ сельскомъ обществѣ, а равно для обезпеченія наслѣдства.

„Такое первое въ теченіи полувѣка обращеніе духоворцевъ къ содѣйствию администраціи по дѣламъ ихъ общины крайне всѣхъ удивило, въ средѣ же закавказскихъ духоворцевъ, вѣрно оцѣнивавшихъ все значеніе для ихъ секты этого событія, вызвало возбужденіе и озлобленіе. „Родимый Зубковъ“, говорили они въ въ отчаяніи, „восхотѣлъ потоптать отечество и продать насъ“; и съ означеннаго времени Алексѣй Зубковъ, пользовавшійся въ теченіи предшествовавшихъ 25 лѣтъ особымъ почетомъ и уваженіемъ среди духоворцевъ, бывшій именитымъ общественнымъ дѣятелемъ общины и состоявшій официальнымъ атаманомъ Сиротскаго Дома, представителемъ общества, какъ безсмѣнный сельскій старшина, внезапно сдѣлался въ глазахъ односельчанъ и единовѣрцевъ символомъ предательства. Но означенный поступокъ Алексѣй Зубковъ сдѣлалъ, конечно, не отъ своего только лица, а имѣя единомышленниковъ, при чемъ для подобной измѣны священнымъ традиціямъ секты имѣлись свои особыя основанія“.

Затѣмъ записка сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о

положеніи селенія Горѣлаго. Оно, какъ оказывается, пользовалось особеннымъ значеніемъ въ средѣ духовоборцевъ, ибо здѣсь, какъ упомянуто выше, находился ихъ священный Сиротскій Домъ, резиденція управляющаго; это былъ своего рода духовоборческій кремль, источникъ ихъ благополучія, символъ ихъ самостоятельности, ихъ отчизны; здѣсь-же жили самыя почетныя семьи духовоборцевъ; наѣзжали на перепутьи и останавливались Кавказскіе Намѣстники, начальники губерній, высшіе военные и гражданскіе чины. Горѣльцы многое видѣли, о многомъ слышали, имѣли крупныя дѣла во многихъ пунктахъ Закавказья. Во время послѣдней турецкой войны молодежь селенія Горѣлаго, находясь въ дѣйствовавшемъ отрядѣ, дѣлила съ русскими, братьями своими по крови и языку, труды и опасности. Многіе Горѣльцы лично были извѣстны бывшему Намѣстнику Кавказскому, Великому Князю Михаилу Николаевичу и не разъ удостоивались милостиваго одобренія Его Императорскаго Высочества за примѣрное отбываніе государственныхъ и земскихъ повинностей; а равно съ Горѣльскимъ обществомъ чаще всего бесѣдовали губернскія и уѣздныя власти, давая имъ различныя совѣты и неизбѣжно внося въ ихъ умы извѣстную долю просвѣщенія.

„Вслѣдствіе близости къ своему управленію и особому покровительству главарей секты, Горѣльцы были богаче, а вслѣдствіе болѣе частыхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и съ представителями высшей и низшей административной власти, гораздо развитѣе духовоборцевъ другихъ мѣстностей, а главное, менѣе фанатичны. Въ силу священныхъ традицій секты, они еще охотно подчинялись режиму Сиротскаго Дома, управлявшагося близкою имъ женщиною съ громаднымъ житейскимъ тактомъ, окруженной, въ качествѣ совѣтниковъ, лучшими ихъ представителями, умудренными годами и опытомъ, преданными завѣту отцовъ. Но умерла Лу-

керья Васильевна и прекратилась священная династія, секта ставилась въ критическое положеніе, а прежде чѣмъ успѣли опомниться и осмотрѣться заправили Сиротскаго Дома, предъ ними являлся узурпаторъ, молодой человѣкъ, хорошо имъ извѣстный по своей безнравственности и безпринципности, съ требованіями божескихъ почестей и безусловнаго себѣ подчиненія; человѣкъ, котораго незадолго предъ этимъ тотъ-же Зубковъ грозилъ жестоко наказать за пьянство и распутство; теперь предъ этимъ негоднымъ мальчишкой тотъ-же Зубковъ первый долженъ былъ пасть ницъ, передать ему, разгульному моту, общественное достоинство, а всѣ остальные Горѣльцы вручить свою службу и судьбу, и все это изъ-за того только, что кому-то пришло на умъ пустить слухъ, что Веригинъ сынъ Петра Калмыкова, а матери его заблагоразсудилось своимъ показаніемъ поддержать эту ложь. Но не смотря на все это, быть можетъ, почетные Горѣльцы, дорожа интересами секты, и смирились-бы, и подчинились избранію большинства, если-бы не чрезмѣрная заносчивость и безпробудный разгулъ, проявленный Петромъ Веригинымъ на первыхъ-же порахъ подъ упоеніемъ выпавшаго и неожиданнаго для него успѣха, каковое поведеніе узурпатора заставило ихъ трепетать за судьбу не только ихъ самихъ, но всего, что имъ дорого, и цѣлости всей общины.

„Подъ вліяніемъ означенныхъ обстоятельствъ Горѣльцы отказались присягнуть Веригину и, такимъ образомъ, въ духоворческой сектѣ произошелъ расколъ,—образовались двѣ партіи: партія большинства, $\frac{7}{10}$ духоворцевъ, съ Веригинымъ во главѣ, подъ названіемъ „большей партіи“ и вторая партія, прозванная ими въ насмѣшку „правительственною“ или „меньшая“ партія, насчитывавшая въ трехъ губерніяхъ немногимъ болѣе 200 дворовъ.

„Съ раздѣленіемъ на партіи, прежде существовавшій

между духоборцами миръ и братское согласіе не только были нарушены, но между партіями возгорѣлась даже страшная ненависть и, благодаря Веригину, провозгласившему себя открыто „пророкомъ“ и „царемъ царей“ въ духоборьи Ахалкалакского уѣзда произошли беспорядки, потребовавшіе принятія репрессивныхъ мѣръ въ родѣ назначенія правительственныхъ старшинъ и т. д. и, наконецъ, высылки изъ края самого Веригина. Предпринятія мѣры хотя и положили предѣлъ открытому проявленію беспорядковъ въ духоборческихъ селеніяхъ, однако, нисколько не внесли внутренняго мира въ среду ихъ жителей, напротивъ, возникшія несогласія между обѣими партіями все усиливались; высылка Веригина привела его приверженцевъ въ совершенное изступленіе, возбудивъ заснувшій фанатизмъ. Будучи крайне неразвиты и возмечтавъ о себѣ, члены большой партіи были убѣждены, что Правительство не посмѣетъ коснуться такой священной особы какъ Веригинъ, а постигшую его кару они относили не къ безпорядочному поведенію ихъ избранника, не къ ослушанію имъ мѣстныхъ властей, а исключительно проискамъ Зубкова, Губановыхъ и другихъ духоборцевъ малой партіи, почему на послѣднихъ принялись вымѣщать свою злобу. Вслѣдствіе этого большая партія отстранила малую отъ общаго моленья, а представители ея перестали кланяться своимъ противникамъ, что составляло всегда одинъ изъ священныхъ обрядовъ секты; та-же большая партія запретила малой пасти совмѣстно съ нею свои стада; она-же настояла, чтобы мужья, жены коихъ не желаютъ признать Веригина, изгнали послѣднихъ изъ своихъ домовъ; равнымъ образомъ, женъ, послѣдовательницъ Веригина, принудила бросить своихъ мужей изъ противнаго лагеря; наконецъ, малой партіи запрещалось хоронить своихъ покойниковъ на общественномъ кладбищѣ. При такихъ отношеніяхъ между членами одного и того же сельскаго общества, дальнѣй-

шая однообщественность дѣлалась невозможною и теряла смыслъ“.

Таково было, по словамъ записки, положеніе духовоборчества въ 1888 г., спустя годъ послѣ высылки Веригина, когда авторъ записки былъ назначенъ на должность Тифлискаго губернатора. Принявшись тогда-же за изученіе духовоборческаго вопроса, кн. Шервашидзе убѣдился, что „къ этому времени враждующія партіи умышленно, въ интересахъ секты, искажая объясненіе существа ученія и прежнихъ событій, сводили свои требованія къ слѣдующему:

„Первая или малая партія, съ Зубковымъ во главѣ, не пускаясь въ откровенность касательно прошлаго секты, съ обычными приемами смиренія и покорности заявляла, что была у нихъ управлявшая Сиротскимъ Домомъ, Лукерья Васильевна Калмыкова, женщина смиренная и занимавшаяся благотворительными дѣлами, за что и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ; послѣ ея кончины, значительная часть духовоборцевъ избрала на ея мѣсто нѣкогого Веригина, жителя другой губерніи, присягнула ему и, пользуясь на всѣхъ общественныхъ сходкахъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ, хотѣла заставить и ихъ признать неуказанную въ законахъ власть этого Веригина, именуемаго ими „пророкомъ“ и „царемъ“; между тѣмъ они, духовоборцы малой партіи, желаютъ пребывать вѣрноподанными Его Императорскаго Величества, Всемиловѣйшаго нашего Государя и пользоваться покровительствомъ государственныхъ законовъ, почему и ходатайствуютъ о защитѣ ихъ личности и имущества отъ тѣхъ или иныхъ насилій приверженцевъ Веригина.

„Совсѣмъ иначе держали себя и говорили духовоборцы второй или большой партіи; сохраняя, какъ и прежде, нѣкоторый внѣшній видъ уваженія власти, снимая шапки и тихо кланяясь, они тѣмъ не менѣе выказывали крайнее раздраженіе и ожесточеніе противъ Правительства и

его органовъ за высылку Веригина, котораго Правительство, по ихъ мнѣнію, не вправѣ было касаться, что бы онъ ни дѣлалъ. Безпрерывно и настойчиво обращаясь къ власти съ однородными претензіями, но такими, которыя, какъ они сами очень хорошо сознавали, не подлежали удовлетворенію, они рассчитывали, по примѣру своихъ предковъ въ началѣ вѣка, до того надобѣсть мѣстнымъ властямъ и такъ утомить ихъ, чтобы сами правительственные органы нашлись вынужденными пойти на встрѣчу ихъ дѣйствительнымъ сердечнымъ желаніямъ и домогательствамъ, о которыхъ они сами могли высказываться лишь иносказательно. Общее содержаніе ихъ постоянныхъ оффиціальныхъ заявленій сводилось всегда къ слѣдующему: „мы жили себѣ смирно; но вотъ Зубковъ, Губановъ и другіе духоборцы малой партіи отняли у насъ Сиротскій Домъ, захватили наши общественные капиталы, пустили насъ по міру, а избраннаго нами управляющаго Сиротскимъ Домомъ сослали; этими поступками ихъ мы лишились „отечества“, безъ котораго никакъ не можемъ жить. Да благоволено будетъ усмирить Горѣльцевъ, возвратить намъ „отечество“ и успокоить насъ“. Такимъ образомъ, сущность этой просьбы, постоянно повторяемой, заключалась въ возвратѣ „отечества“ или Сиротскаго Дома.

„Лица, не ознакомившіяся близко съ духоборческою сектою, въ томъ числѣ, къ сожалѣнію, и многіе служащіе, не понимали истиннаго значенія этихъ немѣстныхъ предъ правительственными властями ходатайствъ и, принимая ихъ въ прямомъ смыслѣ, полагали, а нѣкоторые еще и теперь думаютъ, что дѣло идетъ о тѣхъ убогихъ деревянныхъ постройкахъ въ селеніи Горѣломъ, которыя занимала Лукерья Калмыкова, и о тѣхъ нѣсколькихъ тысячахъ рубляхъ денегъ, которые по судебному рѣшенію достались Михайлу Губанову по наслѣдству отъ сестры его, Лукерьи. Между тѣмъ,

дальнѣйшія объясненія съ духовборцами выяснили, что ходатайствуя о возвращеніи имъ „отечества“ и Сиротскаго Дома и о томъ, чтобы уняли малую партію, большая партія тѣмъ самымъ требовала отъ администраціи восстановленія всего учрежденія съ управляющимъ Домомъ, т. е. 1-е, чтобы Веригинъ былъ немедленно возвращенъ изъ ссылки; 2-е, чтобы администрація убѣжденіемъ или силою заставила духовборцевъ малой партіи присягнуть на вѣрность Веригину, или чтобы, въ случаѣ сопротивленія, они были навсегда выселены изъ края; 3-е, чтобы въ первомъ случаѣ зданія Сиротскаго Дома и оставшіеся послѣ Лукерьи Калмыковой капиталы были переданы Веригину, какъ общественное ихъ имущество, дорогое имъ не столько по цѣнности своей, какъ по воспоминаніямъ; въ случаѣ же выселенія малой партіи, они отказывались отъ зданій и капиталовъ, такъ какъ имѣли воздвигнуть новый Сиротскій Домъ и собрать новыя капиталы, и 4-е, съ установленіемъ въ Закавказьи духовборческой общины на прежнихъ основаніяхъ, мѣстныя власти должны оставить ихъ въ покоѣ, какъ это было при жизни Лукерьи Калмыковой, не вмѣшиваться въ ихъ дѣла и довольствоваться усерднымъ отбываніемъ ими податей и повинностей. Если-же, прибавляли они, всѣ эти просьбы не могутъ быть и не будутъ исполнены, то пусть имъ разрѣшаютъ переселиться изъ Ахалкалакскаго уѣзда и устроиться по своему въ другомъ мѣстѣ. Конечно, подобныя требованія, какъ замѣчено выше, не могли быть удовлетворены, а вслѣдствіе этого члены большой партіи дѣлались все раздражительнѣе и все нахальнѣе въ своихъ заявленіяхъ. Въ мѣстѣ съ тѣмъ, все касающееся внутренней жизни веригинцы стремились сохранять въ величайшей тайнѣ какъ отъ мѣстныхъ властей, такъ равно и отъ непамятныхъ имъ духовборцевъ малой партіи; тѣмъ не менѣе, администраціи было извѣстно, что они часто сносились съ Веригинымъ, получали отъ

него указанія, посылали большія суммы денегъ на его содержаніе и въ своихъ заявленіяхъ были руководимы его намѣстниками, „временными управителями Сиротскаго Дома“. Подобныя сношенія заставили администрацію возбудить ходатайство объ усиленіи полицейскаго надзора за Петромъ въ мѣстѣ его ссылки.

„Рядомъ съ этимъ, всѣмъ бросалась въ глаза, что члены большой партіи духоборцевъ не ведутъ болѣе той образцово-трудоу жизни, которою такъ отличались въ прежнія времена, до 1887 года, что они постоянно собираются на сходки и совѣщанія съ своими единомышленниками Елисаветпольской губерніи и Карсской области, и что, вообще, искусственно поддерживаютъ чрезвычайное возбужденіе въ своей средѣ.

„По прошествіи лѣтъ четырехъ со времени раскола у духоборцевъ, отношенія между партіями, какъ указано выше, до того обострились, что было возбуждено ходатайство о раздѣленіи Горѣльскаго сельскаго общества на два общества: собственно Горѣльское, гдѣ могли-бы водвориться всѣ духоборцы малой партіи, и Спасское (изъ селеній Спасскаго, Орловки, Богдановки, Ефремовки, Тамбовки, Радіоновки и Троицкаго)—для духоборцевъ большой партіи; при этомъ послѣдніе, не стѣснявшіеся обѣщаніями, съ увѣренностью заявляли, что такое раздѣленіе положить конецъ напряженному состоянію, въ какомъ они пребываютъ, живя совместно съ ненавистными „халдеями“, т. е. представителями малой партіи. Осуществленіе такого раздѣленія представляло весьма много затрудненій, но, благодаря энергическимъ усиліямъ обѣихъ партій, оно состоялось въ началѣ 1893 года.

„Но и послѣ означеннаго событія, духоборцы Спасскаго общества, волнуемые лицами, приходившими со свиданія съ Веригинымъ, не находили себѣ покоя и не давали его другимъ. Въ виду осуществленія желаемаго большой партіей раздѣла, я вновь обратился

на путь уговоровъ и убѣжденій, дабы склонить духоворческую общину успокоиться и тѣмъ оградиться отъ угрожавшаго распадѣнія; но всѣ усилія мои были тщетны. Духоборцы второй партіи не поддавались никакимъ моимъ убѣжденіямъ и увѣщеваніямъ и даже на нихъ не повліялъ личный авторитетъ Вашего Высокопревосходительства*); было ясно, что они твердо рѣшились слушаться лишь однихъ своихъ тайныхъ наставниковъ, исполняющихъ указанія Веригина, преслѣдующихъ свои личныя, непонятныя для постороннихъ цѣли. При такомъ настроеніи духоборцевъ никто изъ постороннихъ не могъ заручиться ихъ довѣріемъ и не могъ пріобрѣсти на нихъ вліянія, и было очевидно, что дальнѣйшая судьба ихъ общины зависитъ отъ этого образа дѣйствій, какой они сами заблагоразсудятъ избрать. Кромѣ того обращало на себя вниманіе, что въ послѣдніе два года къ своимъ постояннымъ просьбамъ о возстановленіи „отечества“ они стали прибавлять угрозы, которыя въ устахъ духоборцевъ, людей хотя темныхъ, но крѣпкихъ духомъ и легко поддающихся фанатизму, заставляли чего-то опасаться. „Поймите“, говорили они, „мы безъ „отечества“ жить не можемъ, что бы Вы ни дѣлали, мы не успокоимся, не отстанемъ отъ Правительства и ни кому не дадимъ покоя; пусть лучше насъ всѣхъ перебьютъ; хотите, не хотите, вамъ придется стрѣлять въ насъ“. По временамъ казалось, они даже искали случая вызвать мѣстныя власти на болѣе рѣшительный относительно ихъ образъ дѣйствій; такъ, то въ одномъ селеніи, то въ другомъ, они вдругъ, ни съ того ни съ сего отказывались платить подати или отбывать тѣ или другія повинности и приходилось прибѣгать къ татарской разъѣздной командѣ для водворенія порядка. Тѣмъ временемъ среди нихъ носились нелѣпные слухи о величественной, полной чудесъ,

*) Т. е. Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.

жизни Веригина у Бѣлаго моря, слухи, поддерживавшіеся его агентами и волновавшіе его довѣрчивыхъ невѣжественныхъ приверженцевъ; кто-то изъ возвратившихся отъ него духоборцевъ рассказывалъ, что видѣлъ его воссѣдающимъ на престолѣ, съ сіяніемъ вокругъ головы, имѣя по правую руку русскаго посла, а по лѣвую китайскаго; другой повѣствовалъ, что самъ видѣлъ толпу чертей, вызванныхъ Веригинымъ изъ преисподней, предназначавшихся для истребленія Горѣльцевъ; при различныхъ торжественныхъ случаяхъ жизни государства рапускались слухи и возбуждалось ожиданіе о необычно пышномъ и величавомъ возвращеніи Веригина на слонахъ и т. п. Словомъ, населеніе жило нервною болѣзненною жизнію, постоянно находилось въ возбужденіи и въ ожиданіи какихъ-то невѣдомыхъ событій. Послѣднее передъ настоящими событіями, антиадминистративное движеніе духоборцевъ большой партіи было проявлено по вопросу о сельско-хозяйственныхъ капиталахъ. Духоборцы, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ губерніи, были призваны къ составленію сельско-хозяйственныхъ капиталовъ: эту ничтожную для себя повинность они отбывали аккуратно до 1893 года, когда послѣдовало раздѣленіе ихъ на два сельскихъ общества. Веригинъ, освѣдомившись къ означенному времени о существованіи подобнаго налога и образованіи общественныхъ капиталовъ, усмотрѣлъ въ этомъ вмѣшательство администраціи во внутреннія дѣла духоборцевъ, нарушеніе его верховныхъ правъ, а главное, стремленіе уничтожить этимъ путемъ существованіе Сиротскаго Дома, почему воспретилъ своимъ приверженцамъ продавать хлѣбъ и вносить деньги въ отдѣленіе Банка. Едва такое распоряженіе Веригина достигло до мѣста, какъ тотчасъ-же потянулись съ письменными и словесными заявленіями и общественными приговорами депутаты Спасскаго общества, какъ къ Вашему Высокопревосходительству, такъ и ко мнѣ,

въ каковыхъ заявленіяхъ утверждали, что вѣра ихъ положительно воспрещаетъ имъ допускать правительственный надзоръ въ дѣлахъ по храненію ихъ общественныхъ суммъ, какого-бы наименованія онѣ ни были. Когда-же имъ указывалось на примѣръ Горѣльцезъ, то они отвѣчали съ обычною дерзостью: „Ну, Горѣльцы совсѣмъ другое, они на всякое дѣло способны; а мы скорѣе предпочтемъ погибнуть, чѣмъ согласиться на что-либо, противное нашей совѣсти“.

„Съ означеннымъ дѣломъ духоборцы преслѣдовали меня въ теченіе цѣлаго года со свойственною имъ назойливостью и, въ виду моей неуступчивости, отказались, наконецъ, отбывать эту повинность, съ такою рѣшимостью и съ такимъ упорствомъ, что вынудили меня, вслѣдствіе неутвержденія въ законодательномъ порядкѣ проекта о сельско-хозяйственныхъ капиталахъ, испросить разрѣшеніе Вашего Высокопревосходительства о возвращеніи принадлежащихъ имъ денегъ и исключеніи Спасскаго сельскаго общества изъ числа обществъ въ губерніи, имѣющихъ сельско-хозяйственные капиталы.“

„Возвращеніе сельско-хозяйственныхъ капиталовъ духоборцы громко праздновали, какъ истинную побѣду надъ Правительствомъ и даже, измѣняя полувѣковой традиціи, избрали темою для открытой пропаганды среди окрестнаго туземнаго населенія: „Вотъ поступайте, какъ мы“, говорили они, „тогда и васъ будутъ бояться; сначала, было, губернаторъ и руками и ногами, а потомъ сдался; видить, ничего съ нами не подѣлаетъ; а все почему?—стоимъ всѣ за одно, всѣ, какъ одинъ человѣкъ“.

„Съ осени прошлаго года въ средѣ Спасскаго сельскаго общества, или большой партіи начало вновь замѣчаться чрезвычайное броженіе, такъ какъ участились сходки, или тайныя совѣщанія съ духоборцами другихъ губерній, и было видно, что у нихъ происходятъ внутренніе споры и несогласія. Означенное броженіе закончилось тѣмъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, что къ

началу нынѣшняго года духоборцы Спасскаго общества въ свою очередь распались на два лагеря; болѣе половины изъ нихъ, въ числѣ свыше 400 семействъ, провозгласили себя партією „постниковъ“ или „бѣлыхъ“, т. е. людей, постомъ и молитвою обѣленныхъ передъ Господомъ; остальные-же, около 300 семействъ, остались при прежнемъ вѣрованіи, при чемъ послѣдніе тогда-же обратились ко мнѣ, чрезъ уѣзднаго начальства и чрезъ своихъ депутатовъ, какъ съ заявленіемъ, что среди нихъ образовалась указанная третья партія „постниковъ“, усвоившая какія-то новыя, нераздѣляемые ими убѣжденія, такъ и съ просьбою не смѣшивать ихъ съ ними и ни въ какомъ случаѣ не привлекать ихъ къ отвѣтственности за дѣянія приверженцевъ новой партіи. При просьбѣ были представлены депутатами списки всѣхъ ихъ довѣрителей, имѣющихъ будто сохранить полный порядокъ и подчиниться требованіямъ начальства.

„Обращеніе къ начальству съ такою странною для приверженцевъ Веригина просьбою было крайне необычно и невольно заставляло предполагать о какихъ-то новыхъ, необыкновенныхъ затѣяхъ третьей партіи. Не смотря однако-же на искательство у администраціи защиты отъ какой-то опасности, прибывшіе депутаты остались вѣрны присущему духоборцамъ лукавству и отозвались совершеннымъ невѣдѣніемъ того, что произошло и происходитъ среди „постниковъ“. Такимъ образомъ, пришлось только догадываться о предстоящихъ событіяхъ и зорко наблюдать.

„Вслѣдъ за указаннымъ заявленіемъ, въ средѣ третьей партіи замѣчено было большое волненіе и лихорадочная дѣятельность; „постники“ начали выбирать свои вклады изъ Ахалкалакской кассы Банка и деньги эти принимались дѣлить поровну между своими; вмѣстѣ съ тѣмъ распродала по дешевой цѣнѣ свое имущество и скотъ; приводили въ порядокъ фургоны, поку-

пали бурки, запасались оружіемъ и, какъ надо было полагать, дѣятельно готовились къ выступленію куда-то, въ дальній путь. Въ духовной ихъ жизни замѣчались также нѣкоторыя перемѣны, а именно: они чаще обыкновеннаго собирались на общественныя моленія, перестали ѣсть все мясное и во многомъ измѣнили свой прежній образъ жизни. Не представлялось возможнымъ узнати, что именно происходило среди нихъ и каковы были ихъ намѣренія, такъ какъ они держали это въ тайнѣ; но судя по тому, что они сами о себѣ рассказывали, можно было вывести заключеніе, что по примѣру Веригина и его указанію они какъ будто видоизмѣнили вѣру и согласно новаго ученія считаютъ за грѣхъ ѣсть мясо, воздерживаются отъ сношеній съ женами, дабы со смертію ихъ, естественно прекратился ихъ родъ; утверждали, что носятъ Царствіе Божіе въ самихъ себѣ и поэтому не могутъ признавать существующихъ властей, поставленныхъ отъ людей и являющихся представителями неправды и безчестія; что въ силу этого, а главное, по причинѣ сосѣдства съ Горѣльцами, не могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ и навсегда покидаютъ этотъ край.

„Весною нынѣшняго года „постники“, какъ надо предполагать, съ цѣлью усыпить вниманіе мѣстнаго начальства, стали распускать слухъ, что они намѣренны жить спокойно до имѣющей совершиться коронаціи Его Императорскаго Величества съ тѣмъ, что если и при этомъ торжествѣ Веригинъ не будетъ возвращенъ изъ ссылки, то они сумѣютъ отблагодарить за все Горѣльцевъ и покажутъ себя; до того же, въ видѣ давленія на Правительство, а отчасти вслѣдствіе религіознаго признанія его нечестивымъ, они порѣшили отказаться отъ отбыванія воинской повинности, которую, въ теченіи шести лѣтъ, со времени введенія ея въ Закавказья, несли безропотно и даже хорошо. Въ исполненіе послѣдняго рѣшенія, родители приказали дѣтямъ

своимъ, служившимъ въ рядахъ Кавказской арміи, немедленно сдать оружіе подлежащему начальству съ объявленіемъ объ отказѣ продолжать службу; такое распоряженіе старшихъ было въ точности исполнено солдатами (тогда же преданными за это суду), а духоборцы, проживавшіе дома, въ тѣхъ-же видахъ имѣли возвратить гражданскому начальству свои запасныя и ополченскія свидѣтельства.

„Объ этомъ новомъ положеніи дѣлъ въ Духоборыи Ахалкалакскій уѣздный начальникъ имѣлъ честь докладывать Вашему Высокопревосходительству въ концѣ мая мѣсяца, въ бытность Вашу въ м. Абастуманѣ. Мѣсяцъ спустя, я получилъ отъ того-же уѣзднаго начальника донесенія по телеграфу, что 29 числа іюня духоборцы Спасскаго общества намѣреваются поголовно напасть на Горѣдое, съ цѣлью уничтожить такъ называемый Сиротскій Домъ. Увѣдомляя меня о принятыхъ имъ мѣрахъ, уѣздный начальникъ, въ виду численнаго перевѣса на сторонѣ „постниковъ“, сильнаго ихъ фанатизма, и для предупрежденія, а въ случаѣ нужды—подавленія могущихъ произойти безпорядковъ, ходатайствовалъ о присылкѣ трехъ ротъ пѣхоты и трехъ сотенъ казаковъ.

„Донеся объ этомъ Вашему Высокопревосходительству, я немедленно отправился въ Ахалкалакскій уѣздъ, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ въ положеніи вещей. Встрѣтившій меня въ Годоларѣ уѣздный Начальникъ доложилъ мнѣ о послѣднихъ событіяхъ, потребовавшихъ принятія уже особыхъ мѣръ. Оказывалось, что составленный „постниками“ планъ дѣйствій, который они усиливались держать въ тайнѣ, состоялъ въ слѣдующемъ: не желая болѣе жить въ тѣхъ условіяхъ, въ коихъ пребывали на русской территоріи, они рѣшились покинуть Ахалкалакскій уѣздъ; передъ уходомъ, они пожелали достойно отпраздновать именины Петра Веригина такимъ богоугоднымъ дѣломъ, которое доста-

вило бы ему наиболѣе удовольствія. Для этого рѣшено было: 29 іюня внезапно напасть на Горѣлое, сжечь Сиротскій Домъ и истребить приверженцевъ Зубкова и Губановыхъ. При этомъ уѣздный начальникъ доложилъ, что „постники“ отказались отъ всякихъ сношеній съ властями и повиновенія имъ, почему еще наканунѣ отказались выставить лошадей для моего проѣзда, заявивъ, что не желаютъ входить со мною въ какія-либо объясненія.

„Прибывъ въ Ахалкалаки, я засталъ тамъ представителей духоборцевъ первой и второй партіи; туда-же мѣрами полиціи доставлены были 24 человѣка руководителей третьей партіи. Горѣльцы встрѣтили меня съ видимою радостью, приглашая поспѣшить къ нимъ на помощь и заявляя, что хотя они единодушно рѣшили защищаться до послѣдняго человѣка, но что опасаются численнаго превосходства „постниковъ“. Я приказалъ имъ поспѣшить возвратиться въ Горѣлое, куда, по полученнымъ свѣдѣніямъ, подходили уже экстренно высланные изъ Александрополя три роты Бакинскаго полка, и обѣщалъ пріѣхать къ нимъ на другой день.

„Затѣмъ я принялъ депутатовъ второй партіи, во главѣ коихъ находился Воробьевъ, одинъ изъ бывшихъ намѣстниковъ Веригина. Они низко кланялись, умоляли не смѣшивать ихъ съ „постниками“, не дѣлать отвѣтственными за преступныя дѣянія сихъ послѣднихъ, напоминали о предшествовавшихъ заявленіяхъ своихъ въ этомъ духѣ и просили пощады для себя и своихъ семей. Чтобы болѣе отгнать, до чего члены второй партіи далеки отъ солидарности съ „постниками“, представившіеся депутаты требовали поголовной казни отщепенцевъ, какъ разбойниковъ, недостойныхъ жить, и т. п. О себѣ же и своихъ единомышленникахъ представители заявляли, что готовы во всемъ повиноваться властямъ, исполнять всѣ требованія закона и, какъ доказательство своей покорности, приводили, между про-

чимъ, что солдаты ихъ партій остались вѣрными своему долгу и впредь будутъ служить образцово. Не смотря однако на такое необычное съ ихъ стороны выраженіе похвальныхъ чувствъ, я счелъ полезнымъ принять ихъ заявленія сухо; указалъ имъ, что настоящее безумное поведеніе „постниковъ“ является результатомъ того безпокойнаго состоянія, въ какомъ они сообща пребывали въ продолженіе восьми лѣтъ и что „постники“ только высказали теперь въ неприличной формѣ и съ непрошеною откровенностью то, что кроется въ душѣ каждаго послѣдователя Веригина; а такъ какъ подобный порядокъ не можетъ продолжаться, то я и обѣщаль, что буду просить Ваше Высокопревосходительству водворить разъ на всегда спокойствіе въ средѣ духоворцевъ. Въ заключеніе, я объявилъ имъ, что въ свое время они узнаютъ о моихъ распоряженіяхъ касательно ихъ; до того же совѣтовалъ вести себя добропорядочно и оказывать всякое содѣйствіе чинамъ полиціи, пригрозивъ въ противномъ случаѣ тяжкими послѣдствіями.

„Наступило время объясненія съ представителями третьей партіи и ко мнѣ были введены вожаки партіи „постниковъ“, обратившіе на себя особенное вниманіе полиціи мятежною пропагандою и доставленные въ городъ мѣрами полиціи, а по ихъ выраженію „взятые въ плѣнъ“.

„Предо мною предстали 24 человекъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ я зналъ лично. Они вошли безъ поклона, безъ привѣтствія, съ презрительною улыбкою на устахъ и съ видомъ, выражавшимъ недоумѣніе, гдѣ они и кого видятъ передъ собою. Я былъ крайне пораженъ такимъ непривычнымъ для меня видомъ этихъ духоворцевъ, но удивился еще болѣе, когда они заговорили. Какъ-бы не обращая на меня вниманія, будто говоря съ кѣмъ-то другимъ и не давая мнѣ присвоеннаго титула, эти представители „постниковъ“ повели со мною бесѣду

въ выраженіяхъ столь неприличныхъ по своему содержанію, что, не считая возможнымъ передать ее здѣсь въ подлинныхъ выраженіяхъ, излагаю общій смыслъ сказаннаго. „Мы православные хрістіане, управляемся самимъ Богомъ; чувствуя присутствіе въ насъ самихъ Царствія Божія, мы не можемъ признавать надъ собою властей языческихъ, погрязшихъ въ неправдѣ, обманѣ, и безчестіи; мы не можемъ жить, какъ живутъ остальные русскіе подданные; не можемъ подчиняться тѣмъ же законамъ, потому что у насъ своя вѣра, свой законъ; наша вѣра возбраняетъ намъ нести какую-бы то ни было правительственную службу, но если-бы Правительство пожелало, мы могли бы войти съ нимъ въ соглашеніе касательно податей, такъ какъ вѣра наша не препятствуетъ намъ платить подати; между тѣмъ, этимъ не довольствуются и насъ хотятъ заставить дѣлать то, что противно нашей совѣсти, какъ-то: присягать земному Царю, выставлять новобранцевъ, исполнять распоряженія мѣстныхъ властей, и т. п.; мы знаемъ, дѣйствительно, Христосъ сказалъ: „воздайте кесарю кесарево“, но знаемъ также истинное значеніе этихъ словъ; это совсѣмъ не то, въ чемъ насъ хотятъ убѣдить. Горѣльцы никакъ не могутъ идти намъ въ примѣръ. Мы никогда не оставимъ ихъ въ покоѣ, да и они тоже не дадутъ намъ покоя потому, что мы ихъ видѣть даже не можемъ и не переносимъ сосѣдства съ ними. У насъ отняли все, что намъ дорого, и съ такимъ положеніемъ вещей мы никогда не примиримся. Мы счастливы, что настало, наконецъ, время, когда Правительство нашлось вынужденнымъ окончательно раздѣлаться съ нами“.

„Когда я принялся напоминать имъ, что они сами за эти 7-мь лѣтъ говорили мнѣ, и при какихъ обстоятельствахъ, и какія давали обѣщанія, они, видимо, недовольные этимъ, рѣзко отрицали и грубо возражали: „это неправда; мы этого никогда не говорили; у насъ

этого и въ помыслахъ не было“. Въ крайнемъ случаѣ, выражались такъ: „говорили, говорили, ну, положимъ, говорили, да что-же съ этого? мало-ли, что говорили прежде; прежде смотрѣли такъ, теперь смотримъ иначе“. Я передалъ имъ неудовольствіе Вашего Высокопревосходительства и угрожалъ тяжкими наказаніями за ихъ мятежное направленіе. На это они разсмѣялись и возразили: „мы насмѣхаемся надъ Вашими угрозами такъ же, какъ смѣемся надъ всѣмъ, что Вы говорите и дѣлаете; всѣ эти тюремныя заключенія, ссылки,—все это очень старо и намъ не въ диковинку; такими пустяками насъ не напугаете, а придумайте что-нибудь лучше?“

„Дальнѣйшая бесѣда представлялась излишнею, и я приказалъ ихъ увести. При выходѣ изъ комнаты, я остановилъ самаго младшаго изъ нихъ, нѣкоего Мигреева, кузнеца изъ сел. Орловки. Этотъ Мигреевъ, лично извѣстный мнѣ, какъ человѣкъ не твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, часто бывалъ у меня въ Тифлисѣ, пользовался моимъ гостепріимствомъ и не разъ уходилъ отъ меня съ подарками. Пристыдивъ его и указавъ на всю нелогичность ихъ требованій и поступковъ, я прочелъ въ глазахъ его смущеніе, выраженіе горя, стыда; отвернувшись, избѣгая смотрѣть на меня, онъ какъ бы нехотя отвѣтилъ: „кто тутъ гоняется за тѣмъ, что умно или полезно; тутъ и рѣчи не можетъ быть о стыдѣ, а слѣдуемъ за своею судьбою, идемъ на смерть. Вы видите, все перепуталось, все перемѣшалось; сами не понимаемъ, какъ все это произошло. Тутъ ничего не подѣлаешь; пусть каждый идетъ своею дорогою“. Все слышанное и видѣнное мною за это время указывало, что броженіе приняло такіе размѣры, при которыхъ трудно повліять увѣщаніями и прійти къ ожидаемому благополучному исходу.

„На другой день я отправился черезъ Богдановку и

Орловку въ Горѣлое; въ Богдановкѣ уже стояли казаки, прибывшіе наканунѣ изъ Ардагана.

„При вѣздѣ въ Горѣлое, все селеніе вышло ко мнѣ на встрѣчу съ шумными возгласами радости и благодарности за спасеніе отъ угрожавшей опасности, женщины рыдали, пѣли псалмы, всѣ низко кланялись и выражали, что они твердо вѣровали, что Правительство не выдастъ ихъ на истребленіе. Мужчины, быть можетъ, приободренные измѣнившимися обстоятельствами, утверждали, что не только они, но даже бабы и дѣти приняли рѣшеніе скорѣе погибнуть защищаясь, чѣмъ преклониться предъ врагами. У самого селенія уже стояли лагеремъ, подъ начальствомъ подполковника Кучевского, три роты Бакинскаго полка, къ которымъ Горѣльцы отнеслись безъ различія чиновъ, съ особеннымъ умиленіемъ, видя въ нихъ избавителей своихъ, такъ своевременно подоспѣвшихъ къ нимъ на помощь, и ничего не жалѣли, дабы облегчить войскамъ пребываніе среди нихъ.

„Изъ „постниковъ“ я никого не видѣлъ въ этотъ день ни въ Богдановкѣ, ни въ Орловкѣ, и никто изъ нихъ не являлся ко мнѣ въ Горѣлое. вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на формальный отказъ „постниковъ“ объясняться со мною, я рѣшилъ еще разъ лично повидаться съ ними и спросить, что они намѣрены дѣлать, съ каковою цѣлью приказалъ созвать ихъ на другой день въ сел. Богдановку. Между тѣмъ, въ теченіи дня получались извѣстія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ „постниковъ“, изъ каковыхъ свѣдѣній усматривалось, что совершенно неожиданное для нихъ появленіе войскъ произвело на нихъ весьма сильное впечатлѣніе, и что они въ громадномъ числѣ собрались у одной пещеры, въ трехъ верстахъ отъ сел. Орловки, для празднованія дня именинъ Веригина и обсуждали вопросъ, что имъ теперь дѣлать. Пріѣзжавшіе оттуда духоворцы другихъ партій рассказывали, что „постники“ приняли какое-то

отчаянное рѣшеніе, которое, по ихъ словамъ, должно было всѣхъ удивить. „Не рассчитывайте на войска“, кричали они встрѣтившимся имъ по дорогѣ Горѣльцамъ, „мы ихъ не боимся, зададимъ и вамъ и вашему губернатору, покажемъ себя, всѣхъ удивимъ“. Доходили также слухи о томъ, что „постники“, несмотря на присутствіе войскъ, рѣшили напасть на Горѣлое, вызвать дѣйствіе войскъ оружіемъ, и такимъ образомъ, съ боемъ, отступить въ предѣлы Турціи; въ основѣ такого рѣшенія лежала надежда, что Правительство отпустить имъ въ Турцію и Петра Веригина, благодаря чему они оснужаютъ въ новомъ мѣстѣ свою общину.

„Хотя всѣ приведенныя свѣдѣнія имѣли только характеръ слуховъ, а потому имъ нельзя было придать полной вѣры, но, тѣмъ не менѣе, они указывали, что затѣвается нѣчто серьезное. Въ этихъ видахъ и для предупрежденія могущихъ быть безпорядковъ, съ вечера у всѣхъ выходовъ изъ сел. Горнаго были поставлены значительные караулы, а по селенію посланы патрули; сами Горѣльцы бодрствовали всю ночь. На разсвѣтѣ къ селенію подъѣзжали нѣсколько десятковъ фургоновъ „постниковъ“, но послѣ перваго оклика быстро удалялись по дорогѣ въ Орловку.

„На другой день утромъ, ко времени, назначенному мною для сбора „постниковъ“ и переговоровъ съ ними, прибылъ старшина Спасскаго Общества Перепелкинъ и доложилъ, что „постники“ рѣшительно отказались видѣться со мною, и что они отправились опять къ той пещерѣ, гдѣ собирались наканунѣ.

„Окончивъ въ Горѣломъ всѣ дѣла, въ часъ дня я выѣхалъ въ Богдановку, подъѣзжая куда увидѣлъ множество фургоновъ съ духоворцами и духоворками третьей партіи; оказалось, что казаки, окруживъ ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они собрались на сходку, гнали ихъ въ селеніе, гдѣ назначено было имъ мѣсто сбора.

При моемъ приближеніи, казаки отдѣлили въ одну кучку тысячную толпу духоборцевъ, съ большимъ трудомъ отогнавъ женщинъ, объявившихъ, что онѣ желаютъ находиться вмѣстѣ съ мужчинами. Пользуясь такимъ соединеніемъ „постниковъ“, я подходилъ къ нимъ съ намѣреніемъ заговорить; но они, несмотря на всѣ усилія казаковъ, не хотѣли привѣтствовать меня, не снимали шапокъ, строили мнѣ гримасы и отворачивались въ сторону; въ то же время изъ заднихъ рядовъ раздавались крики: „не снимайте шапокъ, не смотрите на него, не говорите съ нимъ“! Казаки и всадники земской стражи были крайне раздражены вызывающимъ поведеніемъ этой нафанатизированной толпы, и приходилось приступить къ успокоенію уже этихъ частей. Продолжая свой путь и подѣхавъ къ самому селенію Богдановкѣ, я напелъ здѣсь „постниковъ“, собственно мѣстныхъ жителей этого селенія, съ утра задержанныхъ казаками по случаю ожидавшагося моего пріѣзда. Зная поведеніе ихъ единовѣрцевъ, казаки заранѣе поставили ихъ вмѣстѣ и силою заставили снять шапки. Подойдя къ нимъ, я заговорилъ; но они тотчасъ же шумно начали перебивать меня неприличными возгласами, и я, вмѣсто всякаго увѣщанія, долженъ былъ потребовать, чтобы они замолчали, обѣщая, въ случаѣ неисполненія, тутъ же прибѣгнуть къ силѣ. По водвореніи тишины, я объявилъ имъ, что въ виду ихъ поведенія, никакой бесѣды между нами быть не можетъ, и что я не желаю ни въ чемъ ихъ убѣждать, но что въ виду присутствія войскъ, призванныхъ водворить силою оружія порядокъ въ Духоборьѣ, и прежде чѣмъ на что нибудь рѣшиться, считаю нравственнымъ моимъ долгомъ отъ имени Вашего Высокопревосходительства спросить ихъ: признаютъ-ли они себя русскими подданными и намѣреваются-ли подчиняться требованіямъ государственныхъ законовъ; при этомъ просилъ ихъ понять мой вопросъ и обсу-

дить отвѣтъ. Не успѣлъ я докончить, какъ они начали кричать съ ожесточеніемъ: „нѣтъ, не признаемъ себя русскими подданными, не подчинимся безчестнымъ законамъ, никогда не подчинимся неправдѣ, скорѣе всѣхъ умремъ“.

„Усмотрѣвъ полную невозможность и неумѣстность дальнѣйшихъ съ ними разговоровъ, я направился къ духоворцамъ второй партіи, собравшимся и почти-тельно стоявшимъ невдалекѣ, какъ услышалъ за собою шумъ и возгласы: „эй, господинъ!“ Обернувшись, я увидѣлъ приближающуюся группу духоворцевъ, державшихъ въ рукахъ какія-то бумаги; оказалось, что это были запасные нижніе чины изъ числа духоворцевъ третьей партіи, намѣревавшіеся передать мнѣ свои билеты. Не считая возможнымъ дѣлать огромную, окружавшую меня толпу свидѣтельницами такого неприличнаго поведенія людей, числящихся на военной службѣ и присягавшихъ, я приказалъ отогнать ихъ отъ меня, сказавъ, что теперь не имѣю ни времени, ни желанія говорить съ ними, каковое приказаніе было исполнено казаками и чапорами. Черезъ нѣсколько минутъ, когда я уже разговаривалъ съ духоворцами второй партіи, запасные нижніе чины изъ „постниковъ“, прорвавъ раздѣлявшую насъ толпу, стремительно бросились на меня съ криками: „эй, господинъ, возьми твои билеты!“ Казаки, раздраженные прежнимъ ихъ поведеніемъ, приняли ихъ въ нагайки, но духоворцы, не обращая вниманія на сыпавшіеся на нихъ удары, бросили на землю свои запасныя и ополченскія свидѣтельства и начали топтать ихъ ногами, съ присовокупленіемъ непристойныхъ восклицаній; только напоромъ лошадей казакамъ и чапорамъ удалось выгнать ихъ изъ толпы и оттѣснить къ мѣсту, гдѣ стояли ихъ единомышленники. Но вслѣдъ за этимъ произошло новое событіе: среди „постниковъ“ нѣсколько рукъ поднялись вверхъ, видимо указывая на

что-то происходящее на небѣ; по тому же направленію устремились взоры остальныхъ, и вдругъ всѣ „постники“ пали ницъ; потомъ стали на колѣни и, дѣлая земные поклоны, громко принялись благодарить Бога за ниспосылаемую имъ помощь. Ничего не понимая изъ происходящаго, я долженъ былъ приняться сдерживать раздраженныхъ казаковъ и чапоръ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія какъ отступившихъ нижнихъ чиновъ, такъ и этой повалившейся на землю толпы. Въ дальнѣйшемъ разъяснилось, что „постники“ увидѣли на одномъ изъ пронесившихся по небу облаковъ плывущаго по небесному своду Петра Веригина, который закричалъ имъ: „стойте крѣпко и ничего не бойтесь“! Такое появленіе обожаемаго ими повелителя, не стѣсняющагося присутствіемъ ни администраціи, ни войскъ, „постники“ признали за особую милость для себя и указаніе на особенную правоту ихъ дѣла. Ясно, что фанатизмъ и экзальтація достигли высшаго предѣла, при каковыхъ условіяхъ ни убѣжденія, ни сила не могли вліять на этихъ лицъ и приходилось искать другихъ мѣръ.

„Всѣ изложенныя событія невольно возбуждали опасеніе, чтобы „постники“, потерпѣвъ полную неудачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, поставивъ себя въ безвыходное положеніе по отношенію къ администраціи, стоявшей среди нихъ во всеоружіи власти, не усматривая уже болѣе исхода въ обычныхъ имъ пріемахъ лукавства, лицемѣрія и лжи, къ тому-же поддразниваемые всеобщими насмѣшками, въ особенности Горѣльцевъ, въ припадкѣ отчаянія, не рѣшились на что-либо неожиданное въ цѣляхъ самоистребленія, тѣмъ болѣе, чтъ изъ того, что они рассказывали сами о себѣ, можно было вывести предположеніе, что подобное безразсудное дѣяніе не шло въ разрѣзъ съ ихъ новымъ ученіемъ. Дабы ни въ какомъ случаѣ не допустить ихъ до этого, а равно съ цѣлью предупрежденія столкновеній между

партіями, такъ какъ раздраженіе однихъ на другихъ дошло до крайнихъ предѣловъ, мною были экстренно приняты слѣдующія мѣры: лично мнѣ извѣстнаго своею расторопностью и выросшаго среди духоборцевъ дистанціоннаго начальника Палавандова я назначилъ временно исправлять должность правительственнаго старшины въ Спасскомъ сельскомъ обществѣ; духоборцамъ и духоборкамъ всѣхъ трехъ партій воспрещено было подѣ страхомъ немедленнаго наказанія выѣзжать изъ своихъ селеній безъ особаго письменнаго разрѣшенія старшины и безъ конвоя отъ казаковъ или чапаръ; всѣ сборища и сходки какъ въ селеніяхъ, такъ въ особенности внѣ оныхъ, немедленно должны были быть разгоняемы; вокругъ селеній и по дорогамъ были назначены конные разъѣзды, имѣвшіе силою заставлятъ духоборцевъ подчиняться этимъ правиламъ; такъ какъ „постники“ отказались входить въ сношеніе съ представителями власти, то былъ выработанъ особый порядокъ объявленія имъ моихъ распоряженій.

„Одновременно съ происходившими событіями, а отчасти и подѣ вліяніемъ оныхъ, выяснилось, что духоборцы - „постники“ ранѣе перехода къ настоящимъ своимъ активнымъ дѣйствіямъ, измѣнили другому принципу своей секты и занимались мятежной пропагандой въ средѣ туземнаго населенія, какъ-бы ища въ немъ сочувствія и поддержки. Такъ, сокрушая свое благосостояніе, распродавая за безцѣнокъ имущество и скотъ и, видимо, собираясь куда то въ далекій путь, духоборцы третьей партіи объявили удивленнымъ туземцамъ во всеуслышаніе: „намъ не нужно никакихъ властей, безъ которыхъ мы всегда обходились и обойдемся и впредь; мѣстныя власти хороши для васъ, грузинъ, армянъ, татаръ, а мы управляемся самимъ Богомъ, прощайте, скоро услышите о насъ“. Независимо сего, похваляясь своимъ довольствомъ и молодечествомъ, они говорили окрестному туземному населенію: „чего

смущаетесь, глядя на насъ? развѣ не видите, какіе мы молодцы, мы люди бодрые духомъ, къ тяжкому труду привычныя, всѣ какъ одинъ человѣкъ, мы нигдѣ не пропадемъ; не то, что вы, люди ни на что не способные; вы и дышать-то можете лишь при содѣйствіи Правительства, подождите немного, скоро примутся за васъ и за вѣру вашу, тогда посмотримъ, что вы запоете; мы изъ всякаго обстоятельства выйдемъ побѣдителями, а вамъ конецъ, да и теперъ, на нашемъ мѣстѣ, васъ всѣхъ перебили-бы, а насъ не смѣютъ тронуть“.

„Подобныя рѣчи невольно возбуждали мѣстное населеніе въ особенности мусульманское, видѣвшее въ духоборцахъ лучшихъ изъ русскихъ людей, пользовавшихся особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей, ставившихся всѣмъ въ примѣръ и зажиточностью своею приобрѣвшихъ извѣстный авторитетъ въ той мѣстности; въ настоящее время эти русскіе люди, съ которыми они прожили мирно полвѣка, внезапно приглашаютъ ихъ не слушаться законныхъ властей и усиливаются убѣдить ихъ, что подъ именемъ „православный Бѣлый Царь“, они должны разумѣть Петра Веригина, такъ какъ онъ есть ихъ царь, ихъ „православныхъ“ и „бѣлыхъ“. Когда-же эти русскіе люди перешли отъ словъ къ дѣлу, то такіе поступки вызвали во всемъ окрестномъ населеніи, какъ сельскомъ, такъ и г. Ахалкалаки, крайне удрученное впечатлѣніе и глухой говоръ, вслѣдствіе чего я былъ принужденъ, для успокоенія туземныхъ жителей, въ особенности мусульманъ, вызвать почетныхъ отъ нихъ жителей и разъяснить имъ значеніе происходящихъ безпорядковъ и ожидающихъ ослушниковъ послѣдствій.

„Дальнѣйшее продолженіе выясниваемаго ненормальнаго положенія вещей, въ ожиданіи, что духоборцы одумаются и сознаютъ свою вину, являлось совершенно невозможнымъ, почему приходилось покончить съ ними какимъ-бы то ни было путемъ, но только возможно

скорѣе, дабы не оставлять виновныхъ безнаказанными и произвести впечатлѣніе какъ на колеблющихся духоборцевъ второй партіи, такъ и на удрученное туземное населеніе. Первою и главнѣйшею мѣрою я считалъ немедленное удаленіе партіи „постниковъ“, какъ главныхъ зачинщиковъ и руководителей беспорядковъ, а равно расселеніе ихъ въ разбродъ по губерніи, вопреки ихъ желанію жить сосредоточенно, что могло-бы вести къ продолженію мятежной пропаганды и словомъ и дѣломъ. Такая мѣра была одобрена Вашимъ Высокопревосходительствомъ.

„Получивъ надлежащее разрѣшеніе и приступая къ исполненію расселенія, я невольно останавливался передъ суровостью этой мѣры, а потому считалъ дѣломъ совѣсти еще разъ попытаться склонить „постниковъ“ на какое-либо соглашеніе. Въ этихъ видахъ, какъ-бы забывая о всемъ происшедшемъ за два дня, примѣненіе опредѣленнаго уже наказанія я приказалъ объявить въ такой формѣ, что духоборцы, отказывающіеся отъ повиновенія властямъ и подчиненія существующимъ законамъ, подлежатъ немедленному арестованію и высылкѣ; но что тѣ, которые пожелаютъ изъявить покорность, могутъ остаться на своихъ мѣстахъ. При чемъ, дабы не стѣснять ихъ формою такого заявленія и пощадить болѣзненное самолюбіе этихъ несчастныхъ фанатиковъ, приказалъ разъяснить, что на первое время удовлетворюсь однимъ простымъ заявленіемъ о нежеланіи переселяться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для выясненія „постникамъ“ всей тяжести ожидающаго ихъ наказанія, чины уѣздной полиціи и правительственный старшина (а равно и Ахалкалакскіе горожане) разъяснили, что высланные будутъ водворяемы посемейно среди людей негостепріимныхъ, чуждыхъ имъ по языку и обычаямъ, безъ отвода клочка земли, безъ надежды на заработки, въ мѣстностяхъ нездоровыхъ по климатическимъ условіямъ; словомъ, картины ихъ будущей жизни рисова-

лись умышленно въ самыхъ преувеличенныхъ черныхъ краскахъ. Собственно, для осуществленія переселенія назначенъ былъ трехнедѣльный срокъ съ предоставленіемъ каждому права до переѣзда границы Ахалкалак-скаго уѣзда заявлять о желаніи своемъ оставаться на мѣстѣ жительства, каковое заявленіе вызывало разрѣшеніе возвратиться.

„Освѣдомившись о распоряженіяхъ къ выселенію, „постники“ приняли это извѣстіе съ проявленіями величайшей радости и не только отказались отъ всякихъ предложенныхъ льготъ, но просили только объ одномъ, чтобы ихъ скорѣе двинули въ путь. При этомъ они какъ-бы смягчились и вступили въ переговоры съ правительственнымъ старшиною и чинами уѣздной полиціи относительно наискорѣйшаго и удобнѣйшаго выполненія моихъ распоряженій. Пользуясь этой перемѣной въ настроеніи и подъ благовиднымъ предлогомъ разъясненій порядка переселенія, я зазвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ лично извѣстныхъ мнѣ духоворцевъ-„постниковъ“ и вступилъ съ ними въ откровенную бесѣду. Они держали себя спокойно, относились ко мнѣ съ совершеннымъ почтеніемъ, но говорили какъ люди убѣжденные, безповоротно принявшіе извѣстное рѣшеніе и прервавшіе съ своимъ прошлымъ. Объясненія ихъ сводились къ слѣдующему: „Мы заслужили смерть и пощады себѣ не просимъ; мы сдѣлали то, что намъ повелѣно свыше, дѣлайте и вы, что знаете; какъ мы не можемъ отступить отъ своихъ обязанностей, такъ и вы не должны отступать отъ вашихъ; мы служимъ одному царю, а вы другому; мы другъ друга не поймемъ и не убѣдимъ; вы смотрите на насъ, какъ на сумасшедшихъ и это насъ нисколько не удивляетъ потому, что и мы въ свою очередь смотримъ точно также на васъ и на подобныхъ вамъ, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ вы одни люди, а мы другіе; мы здѣсь болѣе жить не можемъ и возъ-

мите насъ скорѣе отсюда; если намъ не жаль покидать имущества нашего, добытаго тяжелымъ полувѣковымъ трудомъ, то не странно-ли вамъ за насъ жалѣть о немъ; то-же самое скажемъ и о дѣтяхъ нашихъ: не вы ихъ родили, не вы вскормили, а потому и не можете ихъ любить болѣе, чѣмъ мы ихъ любимъ; за ваше сердечное участіе мы вамъ не скажемъ спасибо, да и начальство ваше тоже за это благодарить васъ не станетъ, такъ къ чему-же вамъ утруждать себя; поэтому приступайте скорѣе къ чему нужно: или перебейте всѣхъ насъ или сошлите; чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ будетъ лучше и для васъ и для насъ; здѣсь мы никого не будемъ слушаться, всѣхъ измучимъ, а на новыхъ мѣстахъ будемъ вести себя смирно и выполнять всѣ предъявленныя къ намъ мѣстнымъ начальствомъ требованія; какія-бы ни ожидали насъ лишенія и строгости, мы будемъ переносить ихъ съ терпѣніемъ и даже съ благодарностью, потому, что таково наше ученіе; мы не Горѣльцы, да вообще говоря, мы даже не духоворцы, а къ чему вамъ знать, кто мы; обѣщаемъ только, что будемъ во всемъ послушны и на васъ ни за что пенять не будемъ“. На вопросы о томъ, какъ они объясняютъ противорѣчіе въ своемъ поведеніи, выходящее въ томъ, что по новому ученію они не могутъ держать оружія въ рукахъ, почему отказались служить въ войскахъ, не смѣютъ обидѣть даже курицу, а между тѣмъ вооружались и намѣревались истребить Горѣльцевъ, спрашиваемые отказывались давать отвѣты, или отзывались уклончиво: „намъ и смотрѣть-то на нихъ противно, тошно, не то, чтобы сражаться съ ними; мы только рѣшились собраться всѣмъ народомъ въ Горѣлое 29 іюня, чтобы спросить, что они рассчитываютъ дѣлать; быть можетъ, покаются-бы, повинились, удостоились-бы Царствія Божьяго“; на вопросъ-же, что они сдѣлали-бы, если-бы Горѣльцы не впустили ихъ и дали вооруженный отпоръ, отвѣчали, что не знаютъ, что бы

они дѣлали въ этомъ случаѣ. Стороною-же „постники“ рассказывали, что стрѣлять въ Горѣловцевъ они не намѣревались, такъ какъ это противно ихъ ученію, а что, по всей вѣроятности, нѣкоторыхъ изъ нихъ они замучили бы до смерти.

„Приготовленія къ ссылкѣ видимо успокоили „постниковъ“ въ селеніяхъ водворилась тишина и еще за день столь дерзкіе „постники“ начали относиться къ чинамъ уѣздной полиціи съ давно невиданною, съ ихъ стороны, покорностью и наружными проявленіями уваженія. На насмѣшки, сыпавшіяся на нихъ со стороны расхрабрившихся Горѣловцевъ, поддразнивавшихъ, что вчера губернатора не хотѣли знать, а теперь за версту предъ чапарами снимаютъ шапки, „постники“ спокойно отвѣчаютъ, что „не изъ грубости не кланялись, а дѣлали, что было положено, такъ какъ надо было вывести губернатора изъ терпѣнія; теперь-же всѣмъ будутъ низко кланяться, даже вамъ“, добавляли они язвительно.

„Дальнѣйшія приготовленія „постниковъ“ къ выселенію шли не только въ полномъ спокойствіи, но при благодареніи Бога за проявленіе къ нимъ такой милости, и опасались только одного, чтобы Правительство не отмѣнило своего распоряженія о ссылкѣ, будучи готовы, при одномъ такомъ предположеніи, вновь обратиться ко всякаго рода проявленіямъ мятежа и неповиновенія. Наперерывъ другъ передъ другомъ, они хлопотали попасть въ первую партію ссылаемыхъ, увѣряя, что они-то и есть самые безпокойные въ селеніи и зачинщики мятежа. Находились нѣкоторые духовоборцы и духовоборки второй партіи, внесенные, по ихъ заявленіямъ, въ особые списки, ни въ чемъ не замѣченные просившіе о высылкѣ, а на указаніе, что они ничего не сдѣлали подлижащаго наказанію прямо заявляли, что Царя не признаютъ, властей не слушались и не будутъ слушаться, и вообще—главные бунтовщики. За-

бирая съ собою только самое необходимое, не смотря на увѣщанія чиновъ полиціи брать съ собою больше, а все остальное, вмѣстѣ съ посылками, полными всякаго добра жилищами своими, скотомъ, бросая и распродавая за безцѣнокъ, выселившіеся совершенно равнодушно успокаивали людей, чистосердечно печалившихся объ ихъ судьбѣ: „ничего“, говорили они, „какъ бы тамъ ни было дурно, все-таки намъ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь; пугаютъ, что мы всѣ погибнемъ,—что же, на это воля Божія; но сослали насъ прежде на Молочную; мы тамъ хорошо устроились; взяли оттуда, прислали сюда въ Закавказье на смерть, мы устроились еще лучше, дастъ Богъ, и теперь не пропадемъ; вѣдь Богъ и тамъ также будетъ съ нами“. Одно только огорчало переселяемыхъ и чему они не хотѣли вѣрить, это свѣдѣніе объ оставленіи ихъ въ предѣлахъ губерніи; по-видимому, они хотѣли и разсчитывали на отправленіе ихъ въ Сибирь и въ общей массѣ, т. е. на повтореніе уже бывшихъ переселеній. 8-го іюля, т. е. черезъ недѣлю послѣ начала безпорядковъ, первая партія ссылаемыхъ, въ которую вышли наиболѣе видные заправила бывшихъ волненій, собранная изъ 7 селеній Спасскаго общества, по 5 семействъ съ cadaго селенія, въ числѣ 35 семействъ и 52 фургоновъ, была готова, къ выступленію и, въ ожиданіи движенія, еще накануне собралась подъ г. Ахалкалаки, гдѣ имѣла ночлегъ. Желая напутствовать ихъ въ дорогу, но не придавая этому официальнаго вида, я отправился къ нимъ одинъ, пѣшкомъ, какъ-бы прогуливаясь; узнавъ меня издали, они стали снимать шапки и вытягиваться въ линію передъ фургонами. Я увидѣлъ въ числѣ этихъ лицъ и такихъ, которыя за недѣлю передъ симъ въ Богдановкѣ дѣлали мнѣ гримасы, кричали „эй, господинъ“ и пр., но теперь это были совершенно другіе люди, стояли чинно, почтительно и смиренно. Указавъ имъ вновь на ихъ мятежное поведеніе и разгласивъ,

куда именно ихъ направляють, при какихъ условіяхъ они будутъ жить, какія строгія касательно ихъ инструкціи даны мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, я совѣтовалъ не ухудшать на новыхъ мѣстахъ поселенія дурнымъ поведеніемъ своего и безъ того тяжелаго положенія. Въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ ссылаемые благодарили меня за вниманіе къ нимъ, за участіе къ дѣтямъ и просили не утруждать себя безпокойствомъ за ихъ судьбу; „тамъ живутъ люди“, говорили они, „слѣдовательно и мы проживемъ; по всей вѣроятности намъ даже будетъ тамъ лучше, чѣмъ адѣсь, гдѣ намъ никакъ нельзя болѣе оставаться; на новыхъ же мѣстахъ будемъ во всемъ послушны распоряженіямъ начальства“. Всѣ говорили со мною спокойно, какъ люди довольные своею судьбою, добившіеся желаемаго исхода, и бывшаго возбужденія какъ не бывало.

„Въ послѣдующія двѣ недѣли были выселены изъ Ахалкалакскаго уѣзда остальные духоборцы третьей партіи („постники“), всего въ числѣ 439 семействъ и 4 тыс. душъ. Выселеніе этихъ послѣднихъ прошло также совершенно спокойно. Такимъ образомъ, въ теченіе самаго короткаго времени поднята, оторвана отъ большихъ хозяйствъ и обработанной земли значительная масса людей; съ разселеніемъ ихъ въ различныхъ частяхъ губерніи и при этомъ не только не было употреблено силы, но даже понужденія въ видѣ повторенія приказанія;—примѣръ необычайный и объяснимый только тѣмъ, что сами эти люди заранѣе рѣшили переселеніе и приготовились къ нему, но только въ инныя, чѣмъ оказалось, мѣста.

„Таковы были дѣйствія и поступки вновь образовавшейся третьей партіи, вызвавшія необходимость ихъ разселенія. Возбужденіе было усмирено, приняты мѣры къ предупрежденію повторенія безпорядковъ въ будущемъ, велись переговоры со многими духоборцами, а между тѣмъ основныя причины всего вышеизложен-

наго волненія оставались невыясненными; приписывать безпорядки исключительно мятежному духу духоборцевъ, имѣвшему всегда антиправительственное направленіе и обострившемуся подъ вліяніемъ невозвращенія Веригина по милостивому Манифесту 14-го ноября 1894 года, на что имѣлось указаніе, представлялось не вполне основательнымъ, такъ какъ мятежники должны были понимать, что не добьются его освобожденія силою, а между тѣмъ все приносили въ жертву, во имя того же Веригина. Съ восстановленіемъ спокойствія, я вновь обратился къ выясненію означеннаго вопроса, весьма важнаго для опредѣленія, что можно ожидать въ будущемъ отъ оставшихся сектантовъ; для достиженія означенной цѣли я избралъ путь переговоровъ съ представителями первой и второй партіи. Въ этихъ переговорахъ Горѣльцы выказывали наибольшее стараніе придти ко мнѣ на помощь съ своими разъясненіями, но не могли многого сдѣлать, такъ какъ остальные духоборцы давно уже смотрѣли на нихъ, какъ на паріевъ, не разговаривали съ ними и вообще держались вдали; только изрѣдка, и то при посредствѣ женщинъ, близкихъ къ нимъ по родству или свойству, удавалось Горѣльцамъ узнавать, что дѣлали ихъ сосѣди третьей партіи. Въ общихъ выраженіяхъ наиболѣе развитые изъ нихъ высказывали слѣдующее: „Мы избалованы милостію Правительства, а потому и возгордились и потеряли голову; прежнее воспитаніе наше было основано на чудесахъ, на нелѣпыхъ разсказахъ нашихъ отцовъ, и мы привыкли вѣрить всякому вздору; при этомъ сами мы никогда ни о чемъ не думали, а приучены были слѣпо исполнять лишь приказанія нашего управляющаго; поэтому, когда пришлось жить собственною головою, мы растерялись. Правительство тоже немало виновато въ случившемся; къ чему было такъ много возиться съ нами; если-бы на первыхъ же порахъ трягнули насъ, человѣкъ сто съ Веригинымъ во главѣ

повѣсили, остальныхъ перепороли до полусмерти и наполнили наши села татарскою экзекуціею, то мы давно перестали-бы блажить. А то вышло такъ: при Лукерьѣ Васильевнѣ мы и думать ни о чемъ не смѣли, были тише воды, ниже травы; чуть что не по ихнему,— въ подземелье, кандалы, кошки; а теперь вотъ уже 8 лѣтъ глупый народъ не признаетъ никакой власти, бросилъ трудиться, беспокоить власти, надо всѣмъ насмѣхается, и все ему безнаказанно сходить, народъ и обезумѣлъ. Въ настоящее время, кажется, совсѣмъ уже уничтожены, а послушайте, какъ похваляются: „мы“, говорятъ, „не только вамъ Горѣльцамъ, но и вашему губернатору и другимъ вашимъ покровителямъ зададимъ еще, постоимъ за своихъ и покажемъ себя; за васъ губернаторъ и казаки, а у насъ Богъ впереди: посудите хорошенько, чья возьметъ“. Духоборцы второй партіи въ разладѣ съ постниками и они очень злы другъ на друга, но имъ нельзя довѣрять, они теперь перепуганы и покорны, а повѣрьте, они сами не знаютъ что еще будутъ дѣлать; это такіе же Веригинскіе птенцы. Конечно, и между нами есть люди не искренніе, въ особенности между стариками; въ вашемъ присутствіи они смѣются надъ тѣмъ, что духоборцы большой партіи вѣрятъ, будто Веригинъ творитъ всякаго рода чудеса, а забываютъ, какъ они сами постоянно толковали намъ о такихъ же чудесахъ, творившихся будто-бы Лукерьею Васильевною во время земной жизни ея милости; даже и теперь нѣкоторые изъ нихъ стараются убѣдить насъ, что она нетлѣнною почиваетъ въ могилѣ; но мы уже не тѣ, что бы всякому вздору вѣрить, и хотимъ жить, какъ живутъ всѣ другіе люди: поэтому надѣемся отстать отъ нашихъ прежнихъ заблужденій и не будемъ болѣе поклоняться мужику, какъ Богу; будемъ во всемъ послушны властямъ, исполнять всѣ требованія закона и думать лишь о своихъ дѣлахъ; если-же среди насъ и явится какой-

либо возмутитель, то тотчасъ-же доложимъ начальству и выдадимъ его. Что-же касается до постниковъ, то о нихъ нечего и говорить; перестрѣлять ихъ, да и только. Мы слышали, что они жалуются на то, будто насъ всѣхъ притѣсняли мѣстныя власти,—это совершенный вздоръ; ни насъ, ни нашихъ отцовъ никто не притѣснялъ и мы отъ начальства ничего кромѣ покровительства не видали“.

„На сколько искренни подобныя заявленія и въ особенности на сколько они выражаютъ стремленіе большинства первой партіи, судить трудно, въ особенности, если принять во вниманіе способность духоворцевъ къ мести и лжи и всю обстановку разгрома, при которой давались эти показанія.

„Болѣ существенныя свѣдѣнія мнѣ удалось получить уже по возвращеніи въ Тифлисъ отъ молодыхъ духоворцевъ второй партіи и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія показаніе Алексѣя Воробьева, одного изъ наиболѣе даровитыхъ духоворцевъ, бывшаго замѣстителя Веригина и временно управлявшаго Сиротскимъ Домомъ, а также руководившаго за послѣдніе 7 лѣтъ всѣми интригами и предъявленіями претензій, прикрывая все это обычными духоворческими приѣмами, лицемѣріемъ, лукавствомъ, скрытностью и притворствомъ, прикидываясь наивнымъ и непонимающимъ. Въ виду особой важности этого показанія, позволяю представить его Вашему Высокопревосходительству дословно, какъ записано у меня. Извинившись предварительно за все прошлое свое поведение, Воробьевъ прямо заявилъ, что „настало время говорить правду и я постараюсь высказать ее настолько ясно, на сколько это будетъ въ моихъ силахъ. Мы всегда жили, на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ живутъ другія общества, потому что у насъ выработался свой особенный общественный строй, намъ однимъ присущій и составлявшій наше „отечество“, заключавшееся,

главнѣйшимъ образомъ, въ „Священномъ Сиротскомъ Домѣ“ и управляющемъ онымъ. Эти особенности и сдѣлали то, что мы составляемъ отдѣльную тѣсно сплоченную общину и называемся „духоборцами“ и если бы какія-либо обстоятельства,—по нашей волѣ, или помимо ея, измѣнили этотъ строй и лишили-бы насъ „отечества“, то этимъ самымъ мы перестали-бы уже быть духоборцами, потому, что мы оттого и духоборцы, что намъ присущъ именно этотъ особенный общественный строй. Кто пожелаетъ понять это, тотъ пойметъ также и то, насколько непослѣдовательно удивляться тому, что духоборецъ не можетъ оставаться духоборцемъ и отказаться отъ того, что онъ называетъ „отечествомъ“. Чтобы понять, почему мы такъ измѣнились съ 1887 года, нѣтъ надобности добиваться, какъ относились духоборцы къ личности своего „управляющаго“, съ духовной стороны, т. е. смотрѣли-ли они на него, какъ на Христа, или какъ на пророка; это безразлично, потому что иные смотрѣли на него, какъ апостолы смотрѣли на Христа, считали его „Спасителемъ“, или „дверью въ Царствіе Небесное“, иные считали богочеловѣкомъ или земнымъ богомъ, другіе почитали только пророкомъ; а были люди толковые, которые просто смотрѣли на него какъ на обыкновеннаго человѣка. Важнѣе значеніе его среди насъ, какъ общественнаго дѣятеля. Въ этомъ отношеніи „управляющій“ былъ верховнымъ главою нашей общины, ничѣмъ неограниченный въ своей власти, который всѣмъ распоряжался, все направлялъ и всякій изъ насъ одинаково считалъ своею священою обязанностью безпрекословно ему повиноваться; на этомъ присягали („подписались“) духоборцы, въ этомъ прошла вся ихъ исторія, и это тотъ порядокъ, который къ нимъ привился; въ немъ видѣли мы все наше спасеніе.—Въ теченіе этого вѣка управляли нами Калмыковы и наконецъ Лукерья, вдова послѣдняго изъ нихъ, а съ нею прекратилась священ-

ная для насъ „линія“ (династія). Тогда, естественно, мы были вынуждены прибѣгнуть къ избранію представителя новой династіи и, по тѣмъ или другимъ причинамъ, выборъ нашъ остановился на Петрѣ Веригинѣ; мы ему и присягнули („подписались“). Но Зубковъ и Губановы, и прежде не любившіе Веригина, не признали его, не подчинились общему избранію и увлекли за собою другихъ духоворцевъ въ числѣ 200 семействъ. Этимъ Зубковъ и Губановы измѣнили духоворческому дѣлу, продали „очечество“ и поставили общину въ безвыходное положеніе. Они не могли не сознавать, что ихъ слишкомъ мало, что бы подчинить себѣ большинство, а сами, въ свою очередь, не приняли избранника большинства, облеченнаго во власть, безъ которой они сами не могутъ обойтись, пока будутъ считать себя духоворцами. Между тѣмъ, если-бы они подчинились рѣшенію духоворцевъ, то Веригинъ вступилъ бы спокойно въ управленіе общиною и, несмотря на свою неопытность, управлялъ бы не хуже предшественниковъ своихъ, Калмыковыхъ; народъ жилъ бы спокойно и мѣстныя власти были-бы, какъ и прежде, довольны нами. Когда же произошелъ разладъ, то это настолько сильно взволновало духоворцевъ и самого Веригина, что утрачено было спокойствіе и все дѣло поведено не съ соотвѣтствующею обстоятельствамъ осторожностью. Духоворцы, раздраженные упорствомъ меньшинства, слишкомъ громогласно и публично величали Веригина прокомъ и царемъ, а у Веригина не хватило ловкости и терпѣнія, преодолѣть препятствія; сюда-же примѣшались интриги Зубкова; послѣдствіемъ всего этого была, между прочимъ, высылка Веригина. Духоворцы, изъ которыхъ большинство люди не развитые, не понимали, что для Правительства Веригинъ ничто иное, какъ простой духоворецъ и крестьянинъ, а воображали, что его, какъ лицо, особенно для нихъ священное, никто не посмѣетъ тронуть; когда же его выслали, они

увидали, что ошиблись, и по глупой кичливости возмечтали, что могутъ заставитьъ Правительство возвратить его. Для достиженія послѣдняго мы пускали въ ходъ все, что могли, а не достигая цѣли—раздражались и бросались на всѣ мѣры; не смѣя высказываться откровенно и не умѣя взяться надлежащимъ образомъ за дѣло, стремились ввести администрацію въ заблужденіе и были вынуждены прибѣгать къ обману, лжи и клеветамъ. Весь ходъ дѣла близко Вамъ извѣстенъ, почему скажу откровенно: мы теперь чувствуемъ, до чего виноваты предъ Правительствомъ; но извольте принять въ соображеніе, что духоворцы никогда не жили своимъ умомъ, и до того времени никогда не имѣли сношенія съ властями, такъ какъ всѣми подобными дѣлами всегда вѣдалъ нашъ „управляющій“; онъ одинъ могъ всѣхъ успокоить, всѣхъ сдержать, а его то и не было между нами. Общество все болѣе и болѣе волновалось и разные говоруны еще болѣе разжигали его всякими нелѣпостями; если же кто-либо изъ насъ пытался успокаивать общество, объясняя, что однимъ упорствомъ и строптивостью ничего съ Правительствомъ не подѣлаешь, то это ни къ чему не вело, потому что духоворцы рассуждали такъ: „у насъ отняли отечество, безъ котораго мы жить не можемъ; мы ни передъ чѣмъ не должны останавливаться, чтобы обрѣсти его; мы видимъ, какъ, напримѣръ, русскіе, присягнувъ своему Царю, готовы за него и за вѣру свою идти въ огонь и воду, не щадя своего живота и не спрашивая, насколько это выгодно; Веригинъ для насъ имѣетъ такое же значеніе, почему мы тоже должны быть готовы сложить за него наши головы, а не избѣгать случаевъ пострадать за него и не взвѣшивать, на сколько это умно или полезно. Если Правительство поучаетъ русскихъ, что крѣпко стоять за ихъ вѣру, Царя и отечество есть священная обязанность cadaго изъ нихъ, о можетъ-ли оно добросовѣстно упрекнуть насъ въ

томъ, что мы поступаемъ также по отношенію нашей вѣры, нашего Царя и нашего отечества“.

„Многіе изъ насъ ясно сознавали несостоятельность такого разсужденія, но, въ то же время, не могли не раздѣлять основнаго убѣжденія остальныхъ духовоборцевъ касательно того, что покуда мы остаемся духовборцами, мы не можемъ отказаться отъ Веригина и успокоиться. Вотъ почему мы постоянно волновались и тщетно хватались за все, что могли, чтобы помочь бѣдѣ.—Такъ проходили годы. Тѣмъ временемъ, Веригинъ, живя въ Шенкурскѣ, сошелся съ нѣкоторыми сосланными туда, какъ и онъ, сектантами и такихъ тамъ было много; были и штундисты, и баптисты, и толстовцы. Онъ велъ съ ними бесѣды и читалъ ихъ книги. Нѣкоторые изъ насъ, посѣтившіе Веригина въ Шенкурскѣ, сами видѣли его за чтеніемъ сочиненій графа Толстого. Въ послѣднее время, духовборцы Карской области—Верецагинъ, Елисаветпольской губерніи—Конкинъ, да и другіе, возвратившись отъ Веригина, передавали намъ о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ на вѣру и на жизнь, установившихся у Веригина, по ознакомленіи его съ нѣкоторыми новыми для него религіозными вѣроученіями, и отъ его имени предлагали намъ принять ихъ къ руководству. Наставленія эти касались существенныхъ сторонъ жизни и во многомъ не сходились съ основными убѣжденіями духовоборцевъ; тѣмъ не менѣе, разъ что они были предложены отъ имени Веригина, то принимались многими весьма охотно. Главнѣйшимъ образомъ они заключались въ слѣдующемъ:

1) Всегда помнить, что нельзя служить одновременно двумъ господамъ: нельзя служить Царю небесному и Царю земному.

2) Изъ этого вытекаетъ, между прочимъ, что такъ какъ военное ремесло противно Богу, то духовборцы не должны отбывать воинской повинности,

3) Имущество духоборцевъ должно быть раздѣлено поровну между всѣми духоборцами.

4) Духоборцы навсегда должны отказаться отъ употребленія мясной пищи, такъ какъ добываніе ея вызываетъ пролитіе крови, и

5) Духоборцы должны воздерживаться отъ сношенія съ женщинами и этимъ путемъ способствовать къ естественному прекращенію ихъ рода.

Всѣ эти принципы должны повести къ торжеству основнаго догмата: не бояться погубить плоть, лишь-бы душа пребывала въ чистотѣ и цѣлости. Въ этихъ видахъ возбраняется также пить водку, курить табакъ и вообще дѣлать что-либо такое, что не составляетъ непосредственной необходимости для существованія и не приноситъ никакой пользы для души. Это ученіе именуется у насъ „вѣрою первобытныхъ христіанъ“, а исповѣдующіе его называютъ себя „первобытными, истинными и православными христіанами“. Помимо Верещагина, Конкина и пріѣзжавшихъ отъ Веригина лицъ, дѣлу распространенія этого вѣроученія среди насъ содѣйствовалъ также проживавшій въ Башкичетахъ, ссыльный князь Хилковъ; онъ охотно велъ бесѣду съ духоборцами, поучалъ ихъ правиламъ, которыхъ самъ придерживался и раздавалъ книги для прочтенія. Но само собою разумѣется, что собственно князя Хилкова, какъ самостоятельнаго проповѣдника, никто-бы не послушался, не будь на то соизволенія Веригина. Въ числѣ ходившихъ по рукамъ книгъ были сочиненія Сократа, Діогена и Эпиктета; въ нихъ говорилось о наставленіяхъ, о которыхъ упомянуто выше, на сколько можемъ запомнить, въ слѣдующемъ видѣ:

1) Надо служить одному Богу и больше никому.

2) Люди должны дѣлить между собою пріобрѣтаемое имущество, такъ какъ природа создана Богомъ одинаково для всѣхъ тварей, безъ исключенія; никто не вправе требовать для себя болѣе того, что ему не-

обходимо для существованія и болѣе того, что есть у другого.

3) Люди не должны оказывать другимъ сопротивленіе, какъ бы жестоко за это ни страдали. Въ этомъ случаѣ рекомендуется слѣдовать примѣру Эпиктета: нѣкій человѣкъ билъ его по ногѣ; Эпиктетъ сказалъ ему спокойно: „не бей, ломаешь мнѣ ногу“; но тотъ продолжалъ наносить ему удары и сломалъ ногу; на это философъ добродушно возразилъ бывшему его: „говорилъ тебѣ, что ломаешь“. Въ силу этого наставленія, человѣкъ долженъ переносить всѣ бѣдствія и страданія съ терпѣніемъ и смиреніемъ; въ самыя тяжелыя минуты жизни онъ долженъ за все благодарить Бога и не долженъ противиться даже врагамъ; если кто страдаетъ отъ другаго, то они оба заслуживаютъ сожалѣнія,—первый потому, что онъ страдаетъ, а второй потому, что онъ творитъ противное Богу.

4) Владѣть оружіемъ и, въ особенности, причинять имъ вредъ, какой бы то ни было, Божьей твари, есть величайшій грѣхъ.

5) Въ виду вышесказаннаго, человѣкъ не долженъ употреблять пищу, въ составъ которой входитъ что-либо изъ царства животныхъ.

6) Для торжества духа, т. е. главной цѣли жизни, плоть должна быть совершенно поработчена; человѣкъ достигаетъ этого черезъ воздержаніе; онъ долженъ избѣгать малѣйшей роскоши, бесполезныхъ удовольствій, празднаго препровожденія времени и довольствоваться исключительно естественными произведеніями природы.

7) Человѣкъ не долженъ думать о плоти, даже въ интересахъ самосохраненія; поэтому не представляется надобности въ брачномъ сожителствѣ.

Въ книгахъ писано еще многое въ этомъ духѣ.

Такія поученія хотя и грѣшатъ нѣкоторыми преемственностями, но нисколько не представляются противными убѣжденіямъ совѣсти. И въ самомъ дѣлѣ, что

можетъ лучше красить человѣка, какъ не добродѣтель во всѣхъ ея видахъ, незлобивость, смиреніе, воздержаніе отъ излишествъ, скромный трудъ, и т. п.? Но не смотря на это, многіе изъ насъ испугались новаго ученія и призадумались. Прежде всего мы не могли уяснить себѣ, насколько новыя правила могутъ соотвѣтствовать условіямъ, въ коихъ мы живемъ въ государствѣ совмѣстно съ другими людьми. Мы не могли додуматься, какія могутъ произойти отъ этого для насъ послѣдствія, и опасались, чтобы, изъ желанія сдѣлать лучше, не навлечь на себя какой-либо новой бѣды; опасались, чтобы не случилось съ нами того, что случилось съ третьею партіею. Такъ напримѣръ, предлагшіяся намъ наставленія вовсе не склоняли къ тому, что „постники“ продѣлывали на нашихъ глазахъ во имя этихъ-же правилъ; желая выдѣляться отъ всѣхъ послушаніемъ, смиреніемъ, непротивленіемъ злу и т. п., они начали съ того, что явили небывалое среди насъ сопротивленіе самымъ законнымъ требованіямъ властей, начали чинить всѣмъ грубости и обратились въ прямыхъ бунтовщиковъ, которыхъ слѣдовало истребить въ интересахъ порядка. Мы этого именно и боялись и не смѣшили провозглашать себя приверженцами новаго ученія. Но большинство духоборцевъ большой партіи, думая, что творятъ угодное Веригину, безъ всякой подготовки и съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ усердіемъ, бросились на новое ученіе и всякій сталъ усвоивать его и толковать по степени своего пониманія. Такимъ образомъ, они, сами того не предусматривая, перестали быть, собственно говоря, духоборцами, и у насъ произошло новое раздѣленіе. Хотя мы и не пристали къ нимъ, но этимъ, къ сожалѣнію, далеко не выяснили еще нашего настоящаго положенія. Дѣло въ томъ, что мы присягнули Веригину, какъ главѣ нашего духоборческаго строя, и оставались вѣрными ему; теперь, какъ мы слышимъ и видимъ, онъ самъ какъ

будто пересталъ быть духоборцемъ и мы даже между собою не можемъ установить по отношенію къ нему нашихъ сердечныхъ чувствъ; если мы будемъ при данныхъ условіяхъ, во имя духоборчества, держаться Веригина, переставшаго быть духоборцемъ, то это приведетъ насъ къ участи третьей партіи, чего мы отнюдь не желаемъ; не знаемъ также, какъ и отказаться отъ него, такъ какъ это было-бы противно всѣмъ правиламъ духоборцевъ; вотъ мы пока и пребываемъ въ такомъ недоумѣніи и не знаемъ, чѣмъ оно разрѣшится. Мы рѣшились переждать и осмотрѣться, но во всякомъ случаѣ, будемъ оказывать властямъ всякое повиновеніе и безпрекословно подчиняться всѣмъ, безъ исключенія, существующимъ законамъ, наравнѣ съ прочимъ благонадежнымъ населеніемъ государства. Насъ могутъ упрекать, считая людьми ненадежными, на которыхъ нельзя положиться и, къ сожалѣнію, для этого имѣется много основаній такъ думать о насъ; тѣмъ болѣе, что послѣ всего случившагося мы, пожалуй, сами другъ другу не довѣряемъ. Но Богъ милостивъ, постараемся встать на ноги, выйдемся изъ той колеи, на которую попали не по своей винѣ.

„Вы изволите говорить, что мы глупы и смѣтесъ надъ нами, сравнивая съ сосѣдями нашими армянами, которыхъ, по Вашимъ словамъ, нельзя будто убѣдить въ томъ, что армянинъ летаетъ на облакахъ. Дѣйствительно; но изъ насъ далеко не всѣ видѣли Веригина на облакахъ и вѣрятъ подобнымъ нелѣпостямъ; а людей неразумныхъ можно найти и между армянами. Если дозволено будетъ доложить,—иногда и духоборцамъ приходится изъ приличія удерживаться отъ смѣха, глядя на армянъ; такъ напримѣръ, эти самые армяне, во время засухи, приносятъ съ величайшимъ почетомъ, иногда за сто верстъ, доску съ изображеніемъ другого такого же, какъ они, человѣка, бросаются передъ нею на колѣни и такимъ образомъ обходятъ свои поля, въ

полномъ убѣжденіи, что отъ этого пойдетъ дождь; мы вѣдь тогда не смѣется надъ ними, что они доску почи-таютъ за Бога; для чего-же имъ смѣяться надъ нами, если скажетъ что-либо глупое какой-нибудь нашъ дуракъ. Повѣрьте, мы такіе же люди, какъ и другіе, не хуже ихъ; правда, мы попали въ тяжелыя обстоятель-ства; но дасть Богъ станемъ на ноги, хотя и не мо-жемъ доложить, какъ и когда это сдѣлаемъ. Поэтому просимъ нижайше, дайте намъ на это время, пощадите насъ и наши семьи.

„Мы не знаемъ, кто были Сократъ, Діогенъ и Эпик-тетъ; не знаемъ, были-ли они христіане, были-ли рус-скіе. Новое ученіе начало проникать къ намъ года два тому назадъ. Верещагинъ, Василій Веригинъ (братъ Петра) и Конкинъ больше всего хлопотали объ его распространеніи; по ихъ винѣ произошелъ у насъ раз-ладъ; онъ возникъ сначала изъ-за дѣлежа имущества, такъ какъ многіе изъ насъ, т. е. оставшихся во второй партіи, отказались отъ такого дѣлежа, находя его не-разумнымъ; затѣмъ пошли несогласія по другимъ во-просамъ и, въ началѣ настоящаго года, мы оконча-тельно разошлись, о чемъ и докладывали уѣздному начальнику. Послѣ восшествія на престолъ Го суд аря Им пер а т о р а, бракосочетанія Ихъ Им пер а т о р-скихъ Величествъ и воспослѣдовавшихъ мани-фестовъ, мы ожидали, что Веригина помилюютъ и онъ будетъ возвращенъ; но этого не случилось. Постники сильно озлобились на это; они говорили: „прощаютъ убійцъ, воровъ, всякихъ преступниковъ, а „милости-ваго человѣка“ держать въ плѣну“; они не знали, что и выдумать, чтобы высказать свое неудовольствіе про-тивъ мѣстныхъ властей и отомстить имъ. Поведеніе ихъ такое, что о немъ и говорить противно; они дер-жали себя и не какъ духоборцы, и не какъ толстовцы, и не какъ штундисты; изъ чего явствуетъ, что не вѣра ихъ причиною такого поведенія. Они просто чѣмъ-то

возгордились, потеряли разумъ и взбунтовались, сами не знаютъ, чего хотятъ, и никто ихъ не понимаетъ; да наврядъ-ли они сами понимаютъ, что говорятъ. Теперь мы кланяемся Горѣльцамъ, ведемъ съ ними бесѣду и относимся къ нимъ такъ же, какъ и къ другимъ; вѣроятно и впредь не измѣнимъ этихъ отношеній. Мы додумались, что не зачѣмъ враждовать, но совсѣмъ сойтись съ ними мы еще не можемъ и не надо принуждать насъ къ этому; можетъ, со временемъ это и сдѣлается само собою, но теперь еще не время объ этомъ думать. У Горѣльцевъ пока все покойно, но они не должны кичиться этимъ предъ другими духоворцами; мы всѣ воспитаны на однихъ началахъ и другъ съ другомъ схожи; у нихъ покойно потому, что до сегодняшняго дня все осталось въ Горѣломъ въ такомъ же видѣ, какъ было при Лукерѣ Васильевнѣ; тотъ же старшина Зубковъ, тотъ же атаманъ Батуринъ, тѣ же люди въ Сиротскомъ Домѣ,—а это много значить; но вотъ когда не станетъ кого-нибудь изъ нихъ, придется производить выборы должностныхъ лицъ, пойдутъ раздоры, и не будетъ у нихъ власти, призванной все рѣшать, вотъ тогда посмотримъ, что будутъ дѣлать Горѣльцы. Они и теперь увѣряютъ, что Веригинъ антихристъ, а что Христосъ придетъ еще; не смѣшно ли это и не доказываютъ ли подобныя разсужденія, что и у нихъ завтра можетъ появиться свой „Христосъ“, который поставитъ все вверхъ дномъ; а жить безъ него они не могутъ, пока будутъ считать себя духоворцами. Мы знаемъ, что „постники“ въ безсильной злобѣ, стараются убѣждать незнающихъ, будто мы претерпѣвали притѣсненія отъ мѣстныхъ властей; это неправда; ни мы, ни наши отцы никакого стѣсненія отъ начальства не видѣли. Теперешнее положеніе есть послѣдствіе внутренняго раздора; раздоръ идетъ у насъ между отцемъ и сыномъ, между мужемъ и женою, между братьями и сестрами; причемъ же тутъ можетъ быть начальство“.

Сильвестръ Медвѣдевъ.

Сильвестръ (въ міру Семень) Медвѣдевъ, по предположенію г. Прозоровскаго, сынъ подъячаго Агафоника и жены его Стефаниды Медвѣдовыхъ, родился, по показанію книги „Остенъ“, въ Курскѣ 27 января 1641 года. Относительно юности и первоначальнаго образованія Сильвестра мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, знаемъ, что до 1663 или 1664 г., когда онъ былъ назначенъ подъячимъ приказа Тайныхъ дѣлъ, онъ почти все время жилъ въ Курскѣ, научился чтенію и письму, и служилъ уже на родинѣ подъячимъ или „писцомъ гражданскихъ дѣлъ“. Нѣкоторая начитанность, вѣроятно, была пріобрѣтена Сильвестромъ уже въ этотъ періодъ его жизни, благодаря рано обнаружившейся любознательности. Наряду съ этимъ проявлялись и его способности къ діалектикѣ: по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству книги „Остенъ“, онъ „отъ юности возраста былъ многорѣчивъ, и остроглаголивъ, и любопривъ..., уста имѣя бездверна и гортанъ изжигающій ядъ душегубительный злословія, и языкъ непремолчно блядущъ, яко всему тѣлу его языку мнѣтиса быги“.

Первыя свѣдѣнія о службѣ Сильвестра въ приказѣ тайныхъ дѣлъ имѣются въ расходныхъ книгахъ этого приказа за 1665 г., но, судя по тому, что Сильвестръ получаетъ уже не низшіи подъяческій окладъ, можно предполагать, что служба эта началась за одинъ или два года ранѣе. Остается Сильвестръ въ приказѣ до 1670 или 1672 г., а въ это время онъ продолжаетъ

свое образованіе. Въ іюлѣ 1665 г. Сильвестръ, вмѣстѣ съ двумя дворцовыми подъячими, Симеономъ и Ильей Казанскими, опредѣляется для наученія „по латынямъ и грамматики“ во вновь отстроенныя „хоромы“ при Заиконоспасскомъ монастырѣ; здѣсь онъ живетъ вмѣстѣ съ учителемъ, Симеономъ Полоцкимъ, въ „единой келліи“ до 1668 г. При помощи „устоглаголаннхъ словесъ“ своего учителя, систематическаго прохожденія курса и обширнаго чтенія, Сильвестръ за это время усваиваетъ языки польскій и латинскій, изучаетъ риторикѣ, піитику, исторію, философію и богословіе; въ послѣдствіи этотъ курсъ знаній былъ расширенъ изученіемъ греческаго и, можетъ быть, нѣмецкаго языковъ: по крайней мѣрѣ, не даромъ Сильвестръ пріобрѣтаетъ нѣмецкія книги.

Вліяніе Полоцкаго на Сильвестра было очень сильно, и послѣдній всегда высоко ставилъ авторитетъ своего учителя. Такъ, въ 1676 г. онъ писалъ Полоцкому: „азъ превеліимъ душевнымъ веселіемъ возвеселихся и Его Бога, всякихъ благъ Дателя, о таковой ми присножелательной радости благодарилъ, яко сподобивый мя Онъ, дивный во избранныхъ своихъ церковныхъ учителяхъ, въ твоємъ преподобіи первую учительскую должность зрѣти“. Благоговѣйное отношеніе къ учителю сказывается и въ тѣхъ заботахъ, какія мы видимъ въ послѣдствіи у Сильвестра о сохраненіи научно-литературнаго наслѣдія Симеона Полоцкаго.

1668—69 гг. вмѣстѣ съ другими подъячими приказа тайныхъ дѣлъ, Сильвестръ проводитъ въ Курляндіи при Ординѣ-Нащокинѣ, отправленномъ для переговоровъ съ польскими и шведскими уполномоченными. Подъячіе посылались, кромѣ своей прямой канцелярской обязанности, и „для изученія“, и въ этомъ отношеніи поѣздка принесла Сильвестру не мало пользы.

Намъ неизвѣстно, что дѣлалъ Сильвестръ по возвращеніи изъ этой командировки въ Москву; но въ

1672 г. мы видимъ его въ Молченской пустыни около Путивля. Мотивы, побудившіе Сильвестра удалиться въ монастырь, пока еще не выяснены, и только можно догадываться, что въ этомъ случаѣ особенно подѣйствовало на него вліяніе Симеона Полоцкого, склонявшаго своего ученика искать уединенія для борьбы съ мірскими соблазнами. Но уже съ 1673 г. съ монахами Евсеіемъ и Пименомъ Сильвестръ пишетъ настоятелю Рыльской Словенской пустыни: „хотяще мы устранилися міра и его молвы прибыли въ пустынь, въ ней же не обрѣли желаемого, зане множество чловѣкъ начаша къ намъ приходить. Слышавше же о Словенской пустыни, еже отъ людей устранена, хотяще, ю видѣти, послахомъ сихъ братію нашу. Молимъ твою пречестность, яви къ намъ твою отеческую любовь, и аще оное мѣсто отъ людей устранено, не изгоняй хотящихъ насъ въ оное мѣсто прибыти, не воспрорекуй намъ и благоволи намъ нѣколікое время ради лучшаго познанія въ ней прожити“.

Слѣдующій годъ Сильвестръ прожилъ, вѣроятно, въ Словенской пустыни, и въ 1674 г. онъ принимаетъ монашество, а затѣмъ съ мая 1675 г. въ теченіе 1½ лѣтъ онъ жилъ въ какой-то пустыни Курскаго Богородицкаго монастыря. „За время пребыванія Сильвестра въ Курскомъ Богородицкомъ монастырѣ до самаго переѣзда его въ Москву, говорятъ г. Прозоровскій, мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности Сильвестра. Одно только для насъ несомнѣнно извѣстно, что за это время Медвѣдевъ не прерывалъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, отъ котораго онъ думалъ „устраниться“, и велъ переписку съ своими дразьями и благодѣтелями; извѣстно также, что за это время Сильвестръ продолжалъ заниматься чтеніемъ книгъ и вообще самообразованіемъ, чему не мало, между прочимъ, способствовало близкое знакомство и частыя бесѣды Сильвестра съ Исидоро-

вомъ Сиверцовымъ, однимъ изъ курскихъ жителей, который извѣстенъ былъ за люботщательнѣйшаго святого писанія рачителя“.

Въ 1677 г. Сильвестръ прѣзжаетъ въ Москву и съ 13 іюля остается здѣсь при Спасскомъ монастырѣ, такъ какъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ „благоволилъ неоднократно приказать ему жить на Москвѣ“. По догадкѣ Прозоровскаго это приказаніе могло послѣдовать не безъ вліянія со стороны Симеона Полоцкаго, такъ какъ „Полоцкій, изнуренный уже своею разностороннею дѣятельностью, быть можетъ, желалъ видѣть около себя своего усерднаго поклонника-ученика, талантливости котораго подавала большія надежды, что онъ будетъ дѣятелемъ, вполне способнымъ замѣнить собою сходящаго со сцены наставника“, а также, можетъ быть, что Полоцкій „имѣлъ въ виду сдѣлать Сильвестра своимъ преемникомъ при дворѣ государя“. Поселившись въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ ему, по царскому повелѣнію, была отведена „богатѣйшая на иныхъ всѣхъ келлія“, Сильвестръ находится въ постоянномъ общеніи со своимъ учителемъ, бесѣдуетъ съ нимъ, много читаетъ подъ его руководствомъ, исполняетъ при немъ обязанности домашняго секретаря; въ кругъ этихъ обязанностей входятъ веденіе обширной корреспонденціи и редактированіе литературныхъ трудовъ Полоцкаго.

Г. Прозоровскій, обстоятельно излѣдовавшій вопросъ объ участіи Сильвестра въ литературныхъ трудахъ Полоцкаго, приходитъ къ заключенію, что „пересмотръ и редактированіе Сильвестромъ сочиненій Полоцкаго представляетъ для насъ немаловажный интересъ въ томъ именно отношеніи, что такое занятіе послужило для Сильвестра наилучшею подготовкою къ должности книжнаго справщика на печатномъ дворѣ. Примѣры дѣятельнаго участія Медвѣдева въ редактированіи произведеній Полоцкаго, обнаруживая въ своемъ авторѣ близкое

знакомство съ текстомъ книгъ Св. Писанія и умѣніе искусною рукою исправлять чужія ошибки и выяснять чужія недомолвки, какъ нельзя лучше свидѣтельству-
ютъ и съ почти непререкаемою очевидностью (особенно если имѣтъ еще въ виду ранѣе приобрѣтенныя Сильвестромъ обширныя и многостороннія познанія) говорятъ за полную подготовленность Медвѣдева къ болѣе или менѣе успѣшнымъ занятіямъ его по должности книжнаго справщика.

На эту должность Сильвестръ былъ назначенъ 19 ноября 1678 г., но уже наканунѣ этого оффиціального назначенія патріархъ поручилъ ему, вмѣстѣ съ монахами Іосифомъ Бѣлымъ и Никифоромъ Семеновымъ, „чести книгу Апостолъ съ древними Апостолами рукописанными и харатейными славянскими, съ кіевскими, кутеинскими, виленскими, съ Бесѣдами Апостольскими, и со иными преводы, и ту книгу Апостолъ въ нужныхъ мѣстѣхъ править“. Какъ удостовѣряетъ новѣйшее изслѣдованіе, въ своей работѣ Медвѣдевъ съ товарищами руководились не только славянскими рукописями, но и греческимъ текстомъ, что видно изъ сохранившагося корректурнаго экземпляра ихъ изданія. 25 сентября 1679 г. трудъ былъ совершенно законченъ, и Апостолъ, рассмотрѣнный предварительно комиссіей подъ предсѣдательствомъ патріарха, выпущенъ въ свѣтъ.

Кромѣ этого важнѣйшаго труда Сильвестръ принималъ участіе и въ другихъ многочисленныхъ изданіяхъ Печатнаго двора, дѣятельность котораго, какъ показываетъ простой перечень его изданій была за это время весьма обширна. Въ 1680 г. умеръ Симеонъ Полоцкій, и Сильвестръ, унаслѣдовавшій всю бібліотеку своего учителя, оплакавъ его въ „надгробномъ надписаніи“, рѣшается приняться за собираніе и изданіе его сочиненій, на что скоро послѣдовало царское повелѣніе. Въ слѣдующемъ году уже выпускается

„Обѣдъ душевный“, а въ 1683 г.—„Вечера душевная“, причемъ редактированіе производилось Сильвестромъ такъ же тщательно, какъ и при жизни его учителя.

Ставши издателемъ сочиненій Полоцкаго, Сильвестръ вмѣстѣ съ тѣмъ явился преемникомъ его просвѣтительной дѣятельности. Вскорѣ послѣ смерти Полоцкаго Медвѣдевъ назначается строителемъ Законоспасскаго монастыря. Эта должность, какъ разъясняетъ г. Прозоровскій, „по своему значенію равнялась должности игумена или архимандрита того или другого монастыря: строитель—тотъ же настоятель извѣстнаго монастыря, на обязанности котораго было „братью и слугъ и крестьянъ вѣдать, о всякихъ монастырскихъ дѣлахъ радѣть неоплошно—въ монастырѣ церкви Божію и монастырь, и на монастырѣ кельи и всякое церковное и монастырское строеніе строити, и совѣтъ съ братіею единодушно и безмятежно имѣти“. Былъ ли возведенъ Сильвестръ въ санъ игумена или архимандрита, какъ полагаетъ г. Прозоровскій, мы сказать не можемъ, по неимѣнію исполнѣ опредѣленныхъ указаній, официальнымъ же его титуломъ навсегда останется „строитель“. Согласно прямому назначенію своей должности, Сильвестръ много заботится о матеріальномъ устройствѣ Спасскаго монастыря, но главнымъ его дѣломъ также, какъ и у Полоцкаго, является строительство духовное, забота о русскомъ просвѣщеніи, въ чемъ онъ находитъ для себя поддержку прежде всего въ царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, который относится къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и любовью, видя въ немъ „духъ премудрости“.

Благодаря такому расположенію царя, Сильвестръ скоро занимаетъ при дворѣ то же положеніе, что принадлежало его учителю, Полоцкому; онъ становится придворнымъ поэтомъ, пишетъ „Привѣтство брачное“ по поводу вступленія царя во второй бракъ, а по смерти государя сочиняетъ „Плачь и утѣшеніе два-

десятью двумя виршами, по числу лѣтъ его царскаго величества, яже поживе въ мѣрѣ“. Своимъ положеніемъ при дворѣ Сильвестръ пользуется такъ же, какъ и его учитель, для просвѣтительныхъ цѣлей. 15 января 1682 г., по ходатайству Сильвестра, послѣдовалъ царскій указъ о строеніи Заиконоспасскаго монастыря, „для ученія двухъ келлій поземныхъ“, и въ томъ же году, вѣроятно, началась и дѣятельность новой школы, открытой по желанію „царя мудростилюбца“. Въ этой школѣ, число учениковъ которой, конечно, не было особенно велико, Сильвестръ преподавалъ „грамоту, словенское ученіе и латынь“; обученіе имѣло характеръ религіозно-нравственный. Съ теченіемъ времени Сильвестръ мечталъ о значительномъ расширеніи своей преподавательской дѣятельности и о дальнѣйшемъ развитіи основаннаго имъ учрежденія; свою небольшую школу онъ думалъ обратить въ академію для чего составилъ „привилей“, поднесенный имъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ 21 января 1685 г.

Въ школьных формахъ стихотворнаго „врученія“ къ этой привилегіи выражается искренняя радость Сильвестра, что „въ Москвѣ невѣжество темнота прогонится“, что отнимается отъ насъ поношеніе, „яко Россія не вѣсть наукъ знати“, что „всея россы просвѣтятся“. Въ этихъ скованныхъ правилами схоластической піитики стихахъ проглядываетъ то же одушевленіе во имя науки, что такъ ярко сказалось впоследствии въ ложноклассическихъ одахъ Ломоносова. Можетъ быть, и не совсѣмъ случайно параллель между этими двумя радѣтелями нашего просвѣщенія идетъ еще дальше: какъ у Ломоносова антагонистами являлись пришлые люди, „наукъ російскихъ недоброхоты“, такъ и Сильвестръ въ своихъ мечтахъ объ основаніи академіи встрѣтился съ чужеземными учителями, „самобратіями“ Іоанникиемъ и Софроніемъ Лихудами. Учредить академію пришлось не ему, а этимъ двумъ

грекамъ, съ которыми возникло у него препирательство, правда, по другому поводу, споръ, доходившій до такихъ крайностей, что его наблюдателямъ и участникамъ онъ казался подобнымъ „сикилійскому огню“.

Возгорѣлся этотъ „сикилійскій огонь“ изъ-за времени пресущевленія Св. Даровъ въ таинствѣ Евхаристіи. Въ сущности вопросъ этотъ являлся поводомъ къ выясненію основной культурной тенденціи Сильвестра и его кружка, ихъ стремленія избавиться отъ безусловнаго авторитета грековъ въ дѣлахъ просвѣщенія и избрать иной путь духовнаго развитія. Эта тенденція довольно „ярко видна въ слѣдующихъ словахъ Сильвестра: „елико въ Россію грековъ духовнаго чина пріѣзжаютъ, то оныхъ наши духовніи едва не всѣхъ вопрошаютъ: како они нынѣ вѣрятъ, и какъ у нихъ въ чинѣхъ церковныхъ творится? Дабы и намъ съ вами всегда быть во всемъ согласнымъ. И еже они повѣдаютъ: нынѣ у насъ сие и сие творится, то и наши духовніи, несправясь о ономъ съ писаніемъ древнихъ св. отецъ и со уставами, абіе яко младенцы, учителямъ уподобляющеся, весьма тщатся по словеси грековъ такожде творити. А оныхъ грековъ спросити не хотятъ, тако ли прежде у нихъ издревле быша или не тако, и чесо ради нынѣ у нихъ такое бысть примѣненіе, дабы они о томъ писаніемъ отвѣтъ дали, и оное бы ихъ писаніе согласити гдѣ съ писаніемъ древнихъ св. отецъ и со уставы, и согласная бы и правая держати, а несогласная и ново отъ нихъ вводная отрѣвати... А нынѣ, увы! нашему таковому неразумію вся вселенная смѣется,—не точію же та, но и сами тіи нововыѣзжіе греки смѣются и глаголютъ: „Русь глупая, ничтоже свѣдущая“. И не точію тако глаголютъ, но и свиніями насъ быти порицають, вѣщающе сие: „мы куды хоцемъ, тамо духовныхъ сихъ и обратимъ,—видимъ бо ихъ, ничтоже самыхъ знающихъ,

и намъ, яко безловесны суще, во всемъ, въ немже хо-
щемъ, послѣдствуютъ“.

При такомъ взглядѣ на грековъ Сильвестръ не
могъ примириться съ той авторитетной ролью въ дѣ-
лахъ просвѣщенія, на которую изъявили желаніе
братья Лихуды и которую имъ удалось занять, благо-
даря поддержкѣ патр. Іоакима. Столкновенія между
двумя партіями, медвѣдевской, латинствующей, или
скорѣе питавшей склонность къ западному просвѣще-
нію, и лихудовской, греческой, имѣло внѣшнимъ по-
водомъ, какъ уже сказано, вопросъ о времени пресу-
щественія Св. Даровъ. 15 марта 1685 г., въ диспутѣ
съ Яномъ Бѣлободскимъ, противъ котораго уже въ
1681 г. дѣйствовалъ Сильвестръ, Лихуды, споря о
разныхъ богословскихъ предметахъ, высказали
между прочимъ мнѣніе, что пресуществленіе Даровъ
совершается не при произнесеніи словъ Спасителя:
„Примите и ядите“ и т. д., но при молитвѣ священ-
ника, совершающаго литургію.

Мнѣніе, отвергнутое Лихудами, встрѣтило многихъ
защитниковъ, во главѣ которыхъ сталъ Сильвестръ;
на Руси это латинское мнѣніе, установленное Флорен-
тійскимъ соборомъ, не было новостью: оно безъ про-
тиворѣчій принималось въ Западной Россіи, да и въ
Московскомъ государствѣ успѣло прочно утвердиться,
даже было незадолго передъ тѣмъ принято на соборѣ
самимъ патр. Іоакимомъ, который теперь сталъ на
сторону Лихудовъ. Споръ, возникшій между двумя
партіями, скорѣй принялъ острый характеръ и увлекъ
все общество, такъ что, по свидѣтельству современни-
ка, о пресуществленіи св. Даровъ „разглагольствовали
не токмо мужи, но и жены и дѣти, вездѣ другъ съ
другомъ—въ схожденіяхъ, въ собесѣдованіяхъ, на пир-
шествахъ, на торжищахъ, и гдѣ любо случиться кто
другъ съ другомъ, въ яковомъ-любо мѣстѣ, временно
и безвременно“.

Начата была полемика сочиненіемъ Сильвестра, вышедшимъ въ 1685 г. подъ заглавіемъ: „Книга, глаголемая хлѣбъ животный, изъясненная вкратцѣ христіанскія ради общеувѣрительныя пользы душъ и отъ соблазнительныхъ и сумнительныхъ помысловъ, на общее спасеніе всему христіанству: о пресвятѣйшей тайнѣ, преданнѣй и утвержденнѣй самѣмъ Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ. О Евхаристіи или, рекше, о перечистыхъ тайнахъ тѣла и крове Господни. Въ ней же различная изобрѣтаются собесѣдованія съ благопрѣніемъ, ко множайшему увѣренію, со вопросы и отвѣты ученика со учителемъ любезнымъ, отъ Св. Евангелія, и посланій апостольскихъ, а писаній богоносныхъ отецъ, — ко увѣщанію его твердому“. Какъ видно изъ этого заглавія, сочиненіе имѣетъ діалогическую форму; въ немъ излагаются доводы въ защиту латинскаго по существу мнѣнія, раздѣляемаго Сильвестромъ; характеръ изложенія спокойный и умѣренный.

Въ отвѣтъ на „Хлѣбъ животный“ извѣстный чудовскій инокъ, Евѣимій написалъ рѣзко-обличительное сочиненіе: „Показаніе на подвергъ латинскаго мудрованія, подвергаемый подъ св. восточную православную церковь“. Однако споръ этимъ не могъ завершиться, такъ какъ греческая партія не признавала, вѣроятно, опроверженія Евѣимія достаточно убѣдительнымъ, и въ концѣ 1687 г. было выпущено новое обличеніе мнѣній Сильвестра. — „Тетратисъ церкви святыхъ возмутителей и слову Божію“, вызвавшій сперва отвѣтъ Сильвестра, дошедшій до насъ въ незначительномъ отрывкѣ, а затѣмъ обширное его сочиненіе, озаглавленное: „Книга о маннѣ хлѣба животнаго, еже есть: о тѣлѣ и крови Христовѣ яже всѣмъ вѣрующимъ, яко Господними глаголы, а не иными пресуществленіе бываетъ, услаждаетъ, насыщаетъ, увеселяетъ, и отъ грѣхъ очищающи и спасающи животъ вѣчный имъ даруетъ“. Эта книга, отличающаяся рѣзкими выходками противъ Лихудовъ,

была выпущена въ свѣтъ не сразу, а первоначально Сильвестръ издалъ только часть ея „Предисловіе къ читателю“.

Останавливаясь только на внѣшнихъ фактахъ полемики, мы не касаемся содержанія всѣхъ этихъ сочиненій; укажемъ лишь, что въ этой своей большой книгѣ Сильвестръ обращается, какъ къ своей сторонницѣ, къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Отвѣтомъ на „Манну“ была столь же обширная книга Лихудовъ. „Акосъ, или врачеваніе, противоположаемое ядовитымъ угрызениемъ змѣинымъ“, вышедшая въ декабрѣ 1687 г. Почти черезъ годъ послѣ этого Сильвестръ издалъ „Извѣстіе истинное“, въ которомъ излагаетъ исторію книжнаго исправленія въ Москвѣ, а передъ этимъ перевелъ латинское сочиненіе Кассандра „Книгу, глаголемую церковносоставникъ“, касающуюся того же вопроса о пресуществленіи. Завершается полемика сочиненіемъ Лихудовъ „Показаніе истины“ и затѣмъ официальнымъ церковнымъ осужденіемъ мнѣнія Сильвестра.

Но во время послѣднихъ актовъ этой полемики подготавлился печальный конецъ и самому Сильвестру. 12 марта 1689 г. онъ былъ отстраненъ отъ должности книжнаго справщика, а затѣмъ гибельнымъ для Сильвестра оказалось покровительство царевны Софіи и Ѳ. Шакловитаго. 30 и 31 августа, при начавшемся розыскѣ о Шакловитомъ, стрѣльцы Сапоговъ и Чечотка донесли о сообщничествѣ Сильвестра въ умыслахъ партіи Шакловитаго, и о намѣреніи этой партіи, убивъ патр. Іоакима, возвести на его мѣсто Сильвестра. Послѣдствіемъ доноса было въ тотъ же день повелѣніе Петра Великаго о привлеченіи Сильвестра къ розыску. Попытка бѣжать оказалась неудачной: въ Дорогобужѣ Сильвестръ былъ схваченъ. Никакія пытки въ сущности не могли подтвердить справедливости извѣта противъ Сильвестра, но тѣмъ не

менѣе 5 октября было повелѣно Сильвестра „за его воровство и за измѣну и за возмущеніе къ бунту казнить смертью—отсѣчь голову“. Однако, приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе болѣе чѣмъ черезъ годъ, покуда же Сильвестръ былъ „данъ въ твердое хранило на соблюденіе съ его единомышленниками до времени, еже пріяти достойную казнь аломыслія своего, подобную Ѳ. Шакловитому“, т. е. до конца всего розыска. „Твердымъ храниломъ“ была тюрьма Троице-Сергіева монастыря. Наконецъ, 11 февраля 1691 г. казнь была исполнена.

Такъ окончилъ свою жизнь этотъ человѣкъ, много потрудившійся для русскаго просвѣщенія въ первые моменты его зарожденія, весьма выдающійся писатель и ученый, справедливо названный Ундольскимъ за составленное имъ „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“ отцомъ славяно-русской библіографіи *).

---

*) Укажемъ, впрочемъ, что мнѣніе о принадлежности этого сочиненія Сильвестру оспаривается академикомъ А. И. Соболевскимъ.